

Проф. И. Г. БЕЙЛИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ЛЕСНЫХ ОБЩЕСТВ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

ГОСЛЕСБУМИЗДАТ
Москва 1962

Основная цель монографии — показать на конкретных примерах, как лучшие представители лесного дела в дореволюционной России боролись за сбережение лесных богатств страны, стремились задержать процесс расхищения и уничтожения ценнейших лесных массивов. В книге подробно и доходчиво изложены возникновение, развитие и деятельность лесных обществ. Рассказано, какие цели и задачи ставили перед собой эти общества, как велось лесное хозяйство.

Монография рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся вопросом о русском лесе, в частности на лесозодов, лесничих и студентов лесохозяйственных и лесотехнических вузов и техникумов, она представляет интерес и для историков.

«Главнейшим правилом при возобновлении вырубленных частей, ровно как и при заведении новых и в рассуждении всех лесов генерально почитаю я, чтоб неотменно стараться лес в такое состояние приводить, чтоб в нем ни одного шага земли напрасно не гуляло, но каждый, так сказать, фут приносил бы такую пользу, какую только он приносить может».

(А. Т. Болотов)

ВВЕДЕНИЕ

До 1918 г. лесные богатства России были раздроблены по многочисленным лесовладениям. Имелись леса: казенные, министерства императорского двора и уделов, заводские, монастырские, помещичьи, церковные, городские, спорные и крестьянские.

Одной из характерных черт дореволюционного прошлого было интенсивное лесоистребление в центральных и южных районах европейской части России. В течение XVIII и XIX вв., по данным М. А. Цветкова (1957), в этих районах было уничтожено 67 млн. га лесов, а восстановлено только 1,3 млн. га, или около 2%. Если в 1696 г. лесистость Владимирской, Калужской, Московской, Рязанской, Смоленской и Тульской губерний вместе взятых была 53,2%, то в 1796 г. она снизилась до 41,6%, в 1868 — до 31%; а к 1914 г. она упала до 22,2%. Нет сомнения, что интенсивный процесс обезлесения продолжался бы, притом в более острой форме, и в XX в., если бы Советское государство в 1917 г. не объявило леса всенародной собственностью и не провело мероприятия по упорядочению лесного хозяйства и лесной промышленности.

Процесс истребления лесов не мог не привлечь внимания тех, кто понимал значение леса, кого интересовали судьбы русского лесного хозяйства. Отдельные лица и группы лиц ставили перед собой задачу противодействовать истреблению лесов, пытались выявить причины, вызывавшие его, пропагандировали идею сохранения лесных богатств, намечали пути и средства к сбережению и разведению лесов. Организовывались лесные общества.

Еще в 1766 г. А. Т. Болотов писал, что для решения практических задач в сельском и лесном хозяйстве наряду с длительным наблюдением надо экспериментировать на больших площадях. Наиболее прогрессивные члены петербургского Лесного общества, считавшие необходимым на конкретном примере показать, как можно и должно вести лесное хозяйство, просили министерство государственных имуществ выделить этому обществу как юридическому лицу небольшой лесной массив. Однако в этом им было отказано.

Изучив дореволюционное прошлое лесного хозяйства, лесной экономики и политики, лесной науки, проследив этапы пройден-

ного пути и учтя современные темпы развития науки и техники, можно представить, какие блестящие перспективы намечаются в ближайшие годы. Неограниченны теперь площади, которые партия и правительство Советского Союза предоставляют научно-исследовательским институтам для решения теоретических проблем и частных практических задач.

Но не только сказанное должно побуждать к вдумчивому, серьезному, критическому изучению истории лесного хозяйства, лесных знаний, деятельности лесных обществ, в которой отразились думы, планы, мечты и разочарования лесоводов и лесничих, объединявшихся для коллективной работы на благо народа. Надо ознакомиться со статьями А. Т. Болотова «О лесах и заведениях оных» в «Экономическом магазине» за 1781—1784 гг., с «Лесным журналом», издававшимся лесными обществами, «Газетой лесоводства и охоты», со статьями виднейших лесоводов XIX и начала XX вв. в других журналах, чтобы представить себе, какая огромная поучительная работа была проведена авторами их, людьми для своего времени высоко и разносторонне образованными, пытавшимися решать большие, сложные задачи. Некоторые из этих задач остаются нерешенными и по сегодняшний день.

В 1862 г. выдающийся лесовод, теоретик и практик А. Ф. Рудский писал: «...до сих пор именно русские работы игнорируются строителями лесоводства в России, конечно, к величайшему вреду дела. На Майера, Теплоухова, Боде, Скаржинского, Левиса вовсе не ссылаются наши лесоводственные учебники, а между тем многие работы этих людей весьма поучительны для нас». «Классические работы, как бы они ни устарели в некоторых своих частях,— писал создатель учения о лесе Г. Ф. Морозов,— в существе дела всегда юны, всегда действуют возбуждающим образом на читателя. ...Мы вообще плохо знаем своих учителей, их почти не изучаем».

Сейчас, когда ставится вопрос о целях и способах преподавания, о том, что школа должна не только давать знания, но и воспитывать, интересно вспомнить о проекте инструкции об устройстве Петербургского лесного института, представленном управляющим департамента государственных имуществ от 14 октября 1831 г. В этом проекте утверждалось, что «цель учения состоит в том, чтобы, возбуждая *собственную деятельность ума учащих*ся (курсив мой, И. Б.), изоощряя их умственные способности, довести их до той степени знания, которая признана нужной...», а в разделе «Способ учения воспитанников» говорилось: «Возбуждать и поддерживать их внимание и изоощрять способности..., заставляя их пристально рассматривать видимые предметы, ... приводить в действие их воображение, ... изоощрять ум их деланием им разных вопросов, на кои они должны отвечать».

Решая те или другие теоретические или практические вопросы лесного дела, часто забывают, что посев какой-нибудь сельскохозяйственной культуры на неподходящей почве, недостаточный или неправильный уход за ней скажутся на урожае в тот же или в последующий год, тогда как в лесоводстве результаты неправильного подбора культуры могут четко выявиться нередко только через 15—30 лет. Учитывая эту специфику лесного хозяйства, еще В. Т. Собичевский в 1876 г. настаивал на «преимуществах в лесном хозяйстве».

А. Т. Болотов выводы по лесным вопросам делал на основе десятилетних наблюдений в своем и соседних хозяйствах. Основоположник русского лесоводства А. Е. Теплоухов беспрерывно руководил лесным хозяйством на сотнях тысяч гектаров, наблюдал, экспериментировал в течение десятков лет. Можно не всегда соглашаться с отдельными его высказываниями, но материал, на основе которого он делал свои выводы, должен быть изучен. К. Ф. Тюрмер 37 лет управлял одним и тем же лесом графа Уварова; под его непосредственным наблюдением посажено и выращено не менее 6000 десятин леса. Свои работы, за которые он был награжден Вольным экономическим обществом золотой медалью, К. Ф. Тюрмер печатал в «Лесном журнале» и в «Трудах Вольного экономического общества». В 1891 г. вышла из печати его работа «Пятьдесят лет лесохозяйственной практики» подводившая итоги полувековой деятельности.

Еще совсем юным ходил по лесам со своим отцом Ф. А. Теплоухов, ставший впоследствии известным лесоводом-естествоиспытателем, знатоком еловых лесов, человеком больших знаний и опыта.

Лесоводство как наука и техническое искусство должно исходить из долголетнего опыта и практики, поэтому надо максимально использовать накопленные столетиями наблюдения, опыты и практику. В 1872 г. в «Лесных беседах» А. Ф. Рудзкий писал: «Практическое приложение — есть лучший пробный камень теории. Производство научных опытов — дело ученых и нельзя не пожелать, чтобы ученые почаще выходили из области науки для науки, ища объектов для своих изысканий в тех областях, изучение которых требуется экономическими интересами народа».

Не умозрением, а опытом, методически правильно поставленным, можно решить основные вопросы лесного хозяйства: о роли происхождения семян, способах посева и посадки, влиянии почв на рост и развитие каждой культуры, физиологической расы ее. Эти и десятки других крайне важных вопросов занимали умы прогрессивных членов лесных обществ. О своих наблюдениях, опытах, достижениях они докладывали на заседаниях лесных обществ, писали в журналах.

Немногочисленны были первые лесные общества. На 15 января 1917 г. число членов петербургского Лесного общества равня-

лось 228, из них жило в Петербурге — 66. А какая большая работа проводилась этой небольшой, но талантливой кучкой людей! И только познание прошлого дает ключ к пониманию настоящего и правильному предвидению будущего. Сейчас в Научно-техническом обществе лесной промышленности и Научно-техническом обществе сельского и лесного хозяйства десятки тысяч членов-лесоводов, много молодежи. Перед ними стоит задача изучения богатого прошлого, анализа факторов, способствовавших разведению лесных насаждений, нормальному росту и развитию их, причин, тормозивших работы в лесу. Задача эта не простая, она может быть правильно решена только коллективом лиц, понимающих роль и значение исторического подхода к решению вопросов сегодняшнего дня.

Можно, а по ряду коренных вопросов и должно не соглашаться с мировоззрением многих представителей петербургского и московского лесных обществ, но надо воздать им должное: они ясно представляли себе экономическое, гигиеническое и эстетическое значение лесов; они любили лес, верили, что просвещение, распространение знаний — основное средство к достижению поставленных целей; они отдали много сил и энергии пропаганде знаний о лесе, о правильном ведении лесного хозяйства.

В период строительства коммунизма непрерывно повышается значение научно-технических обществ в развитии лесной науки и промышленности. В нашей стране эти общества имеют богатые возможности для изучения сложных проблем науки о лесе; в былые времена о таких возможностях члены лесных обществ не могли и мечтать.

ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЛЕСНАЯ НАУКА В КОНЦЕ XVIII И НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Первое лесное общество — Общество для поощрения лесного хозяйства зародилось в 1832 г. Чтобы приступить к анализу его деятельности, надо выявить состояние лесного хозяйства и лесной науки того времени.

Первые работы о лесе и лесном хозяйстве были напечатаны в «Трудах Вольного экономического общества». Уже в первом номере этих трудов в 1765 г. была опубликована статья А. А. Нартова (президента Российской академии наук с 1801 г.), одного из учредителей Вольного экономического общества — «О посеве леса». В трудах этого общества за 1766 г. помещены статья Фалька в переводе А. А. Нартова «О здешних деревьях и кустах, которые годны в садах к аллеям и шпалерам», перевод статьи профессора химии И. Г. Лемана «Мнение о лесах», рекомендовавшего себя как «великого охотника до растений», и статья «О рублении, направлении и заведении лесов» А. Т. Болотова, известного пропагандиста прогрессивного сельского хозяйства, одного из основоположников русского лесоводства. Последние две статьи характеризовали состояние лесного хозяйства второй половины XVIII и начала XIX столетия и намечали пути его улучшения.

Леман уже в 1766 г. отмечал, что «иные берегут леса свои весьма вредительным образом, ...напротив того, многие леса с умыслом опустошают. Некоторые почитают оные за надежнейшее средство, чтобы вдруг разбогатеть. Другие от нужды признают свои леса за наилучший способ, чтоб помочь пришедшим своим в упадок доходам, или по малой мере сохранить свой кредит еще на несколько времени. Но и те и другие погрешают, и прибыль, которую таким образом получают, есть токмо мнимая...».

А. Т. Болотов в 1766 г. констатировал, что «из всех разных частей сельского домостроительства едва ли которая находится у нас в столь худом состоянии, как та, которая до заведения, бережения, рубления или вообще до содержания лесов принадлежит...». Анализируя причины «недостатку в дровяном и в стрельном лесе в здешних местах» (Каширском и многих других

А. Т. Болотов

уездах Тульской губернии), он указывал, что «хорошей экономии над ним почти нигде не видно, но по большей части оставляется он одному течению природы, и без всякого почти призрения» Кроме того, «владельцы общих неразделенных лесов соревнуются в уничтожении их».

Другой причиной упадка лесного хозяйства А. Т. Болотов считал «беспорядочное рубление лесов без каких-либо предосторожностей». «И те,— писал он,— которые собственные леса имеют, ...рубят дрова и лес тогда, когда им понадобится, там, где им взглянется, и столько, сколько им надобно, а о том ни малю не пекутся, может ли сим образом вырубасемой, или паче сказать, опустошаемой лес их долгое время довольствоваться...» «Главнейшею причиною недостатку в лесе и дровах»,— продолжал он,— почесть можно нерачение многих сельских, никаких лесов неимеющих жителей, о заведении оных вновь и о снабдении себя как дровами, так и строельным лесом»...

Член-корреспондент Петербургской академии наук П. И. Рычков (1767 г.), обращая внимание читателей на лесоистребление

говорит, что «ныне уже есть такие места, где два и три дни за дровами ездят...» (речь идет о Казанской и Оренбургской губерниях).

Так обстояло дело с лесами помещиков, владевшими в обжитой части России (современные центральная и южная зоны европейской части СССР) более чем двумя третями всей лесной площади. Не лучше было положение и с казенными лесами. Росло население в городах, увеличивалось число заводов и фабрик, а с ними и потребность в лесных материалах. Крестьяне селились по берегам рек и вблизи них, в связи с чем росла потребность в пашне и лугах, расширяемых за счет леса часто наименее трудоемким способом — огнем, уничтожавшим лесные площади, не распахивавшиеся в ближайшие годы. Издавались, правда, правительственные распоряжения охранительного порядка, но они не выполнялись из-за отсутствия или недостатка лиц, охранявших леса.

В 1782 г. был обнародован указ Екатерины II, которым предусматривалось:

«1) Все леса, растущие в помещичьих дачах, хотя бы они были заклеены и считались заповедными, оставить в полную собственность владельцев.

2) Дозволить всякому свои леса продавать внутри государства и отпускать за границу с платежом установленной пошлины.

3) Впредь запретить в помещичьих дачах рубить лес на какие-либо казенные надобности и даже для адмиралтейства иначе, как с согласия владельцев и с уплатою требуемой цены».

Этот указ был повторен в дворянской грамоте 21 апреля 1785 г.

Так позаботилась Екатерина II о том, чтобы ничто не стесняло ее верноподданных помещиков в истреблении и разбазаривании своих лесов, границы которых, кстати сказать, к тому времени не были точно обозначены. Помещики занялись рубкой, не интересуясь особенно тем, где пролегает граница между их и казенными лесами.

Член «Вольного экономического общества», статский советник и кавалер Петр Кох, в течение девяти лет управлявший лесами Московской губернии, так характеризовал в 1809 г. влияние этого указа на состояние помещичьих лесов: «С вышеупомянутым правом на леса, дарованным дворянству, они немедленно воспользовались всеми выгодами от лесов, но казна никакой пользы от своих лесов не получала, ибо казенные леса по невы разумению прав собственности сделались как бы всем принадлежащими; кто только хотел, мог их вырубить и продавать для внутренней и заграничной торговли, на продовольствие городов, заводов и на судовое строение. В приморских губерниях размножены пильные мельницы и смолокурение. Все сие происходило без соразмерности и безденежно, следственно промышленники и заводчики не упустили обратить сию свободу в свою пользу.»

На основании обследования лесов Московской губернии П. Кох сообщал: «К вящему сожалению недостаток сей в строевом и дровяном лесе (хотя со стороны казенных рощ и учреждены благотворящие меры) не может в продолжении времени уменьшиться, но час от часу должен повсеместно увеличиваться от продажи помещиками и вырубания в большем количестве рощ и лесов, уцелевших от времен прежних, которые не помышляя о заведении вновь оных, оставляют вырубленные места без призрения».

Как обстояло дело в казенных лесах в эпоху Екатерины II, показывает такой пример: «В царствование же Екатерины II,—писал окружной лесничий Протопопов,—Шипов лес, не выходя из ведомства коллегии, состоял под надзором гг. губернаторов и земской полиции, которая, не имея никаких особенных предписаний на счет онаго и не будучи подвержена за него ответственности (ибо переменяющиеся члены полиции один другому онаго не сдавали), не старались прекратить усиливавшихся со дня на день своевольных порубок, лучшие деревья вывозили во множестве на винокуренные заводы, состоявшие в уездах Острогжском и Богучарском, и продавали строевой лес в разные отдаленные места». Если так обстояло дело в знаменитом Шиповом лесу, нетрудно представить себе, что делалось в других казенных лесах.

Полковник корпуса лесничих А. Бульмеринг в 1840 г., анализируя значение указа Екатерины II о лесах для казенного лесного хозяйства, отмечал: «Ни в истории лесного законодательства барона Врангеля, ни в других сочинениях не упомянуто, что от сей внезапной перемены лесных законов произошло обнажение казенных дач от заповедных корабельных дерев, ибо в губерниях, изобилующих дубом и сосною (в Казанской, Нижегородской, Тамбовской, Вятской, Оренбургской, Пензенской и Симбирской), генеральное межевание и составление атласов производились позже объявления указа 1782 г., следовательно, частные лица, коих дачи не были отделены от казенных ясными межами (каковых не существовало до генерального межевания), легко могли невинно распространить предоставленное им право вырубki в собственных дачах и на казенные». Причину усилившейся с 1782 г. вырубki заповедных деревьев, преимущественно вблизи судоходных и сплавных рек, он объяснял тем, что «корабельный и мачтовый лес всегда расценивался высоко».

В 1798 г. был издан указ Павла I «О лесном управлении». Общие правила о лесах, приложенные к этому указу, для распространения были перепечатаны и изданы особой книжкой под заглавием «Краткая российская дендрология или общие правила о российских лесах, в пользу любителей лесоводства изданные».

В 1799 г. Павел I, узнав из донесения адмирала де Рибаса, что дубовых корабельных лесов в Чебоксарском и Козьмодемьянском округах недостаточно для обеспечения флота лесом, при-

казал «приступить ныне же к заведению вновь таковых дубовых лесов по рекам Неве, Волхову, Мсте, Ловати, Палке и другим». В приказе было подробно указано, где и как это сделать. «Такое категорическое повеление, исходящее непосредственно от самого государя, конечно, должно было вызвать исполнение Лесного департамента, который сейчас же и послал указы оберфорстмейстерам новгородскому и петербургскому» — писал в 1895 г. М. М. Орлов, проф. Новоалександровского института сельского хозяйства и лесоводства. Однако на основе изучения архивных материалов по разведению дубовых лесов он пришел к заключению, что «кроме исписанной бумаги, не осталось ничего сделанного в исполнение указов Павла I».

В статье «Инструкция для устройства лесов ведомства Министерства государственных имуществ» профессор Петербургского лесного института Ф. К. Арнольд, излагая историю законодательных мер, имевших не только полицейский, но и лесоустроительный характер, писал: «Таким образом до 1830 года не было и мысли о лесоустройстве, в значении организации хозяйства в каждом отдельном лесу». Еще в 1830 г. инструкция министра финансов Е. Ф. Канкринна была разослана горным управлениям, казенным палатам, в ведении которых были тогда казенные леса, и лесным чиновникам «в виде ученого наставления для соображения при производстве лесных действий и для распространения нужнейших сведений о лесоводстве». Эта инструкция, не поддержанная законодательными или административными мерами, за отсутствием лиц, подготовленных для работ по лесоустройству в казенных лесах, естественно, как писал Ф. К. Арнольд, «осталась мертвою буквою».

В России во второй половине XVIII и в начале XIX вв. не было школ, где преподавались бы лесные науки. Ряд общих положений и правильных установок по разведению лесов можно найти в статьях 1766 г. И. Г. Лемана и А. Т. Болотова. «Надлежит стараться, — писал Леман, — чтоб пустые и под пашни и сенокосы негодные места засеять лесом и смотреть, какие деревья годны для каждого места: на болотных местах надобно сеять ольху, вяз, бук, ветлу, ель и иву, а на сухих местах сосну, дуб, осину и сибирское гороховое дерево» (желтую акацию). Так автор делает, хотя и не совсем удачную, попытку увязать отдельные породы с условиями произрастания.

И. Г. Леман считал, что качество бревен связано с временем рубки их и потому рекомендовал «рубить лес в настоящую пору, то-есть, в ноябре, декабре и январе». Чтобы деревья «не задохнулись» и лучше развивались в высоту и ширину, он полагал, что «надлежит деревьям давать довольно места», а для этого «вырубать деревья». Его не удовлетворял ассортимент пород, растущих в северных лесах, и он утверждал, что «также не худо бы было сверх растущих здесь обыкновенно ельника, сосняка, березняка и дубняка разводить сибирский кедр и лиственницу,

которые деревья весьма годны и особливо полезны на строение кораблей и на дело плотин, так и прочаго водяного строения; и для чего бы сим двум родам дерев здесь не вырость». Он ставил вопрос «о приискании турфа» для железоплавильных заводов в целях сбережения леса.

Более интересной, более углубленной, имеющей большое теоретическое и практическое значение, надо считать работу А. Т. Болотова «О рублении, поправлении и заведении лесов» (1766), в которой он отмечал: «Дела, которые до лесов вообще принадлежали и всягодно отправляемы должны быть, так связаны между собою, что представляют, так сказать, цепь из многих членов составленную, которую никогда перерывать не должно. В противном случае, буде в один год или в чем-нибудь упущение сделается, то во всем беспорядок произойдет, который после исправлять трудно, или совсем невозможно будет...». «Лес,— утверждал он,— надобно разделить на многие равные части, и из них, вырубая каждый год по одной, необходимо того наблюдения, чтоб по срублении последней, первая бы уже опять к вырубанию поспела». Конкретизируя последнюю мысль, А. Т. Болотов для лиственных пород рекомендовал разделить лес на 20 (на дрова) или 40 частей (для строительства). Так решал он вопрос об обороте рубок. Для хвойных деревьев Болотов рекомендовал «по крайней мере восьмидесятилетний оборот рубки».

При прореживании насаждений Болотов полагал достаточным промежуток в дровяном лесу в 2 аршина, а в строительном 4—6 аршин, оговариваясь, что этот промежуток можно изменять применительно к конкретным условиям. Важным он считал выбор времени для рубки и говорил, что «рубить надо в такое время, когда в деревьях сока нет или он не действует...». Учитывая нужду в лесу, он рекомендовал садить деревья «по плотинам, ниже плотин, кругом прудов, ручьев, рек, по рвам, около выгонов, улиц, кругом заборов, огородов». «На плотинах,— писал он,— способнее сажать клен, ясень, ильм и ольху, на буграх клен и березу, около рек и других вод ясень, ольху, в сырых местах ольху и иву...».

В разделе «О заведении новых лесов» Болотов так характеризовал отдельные лиственные породы: «Дуб по справедливости может почесться первым и лучшим деревом из всего черного леса..., кленовое дерево крепко, в деле чисто, бело, струисто и почти лучшее из российских, притом растет оно скоро, семян приносит ежегодно множество, к тому же они видны и для сбирания способны... корни простирает не далече и потому не заглушает других деревьев». Ольха, считал он, «для строения в воде самое лучшее дерево, ибо почернев, становится самую твердою... заводить ее можно в таких местностях, на которых другой род деревьев рост не может, а именно: в низких, болотистых и всегда сырых местах, которые через то скорейшим еще

образом осушены и в хорошую землю превращены быть могут». Признавая, что любое дерево может расти «на всякой земле», Болотов устанавливает общее положение, что любая порода «всегда растет лучше, здоровее, скорее и больше, если земля согласна с натурою его будет, следовательно, не малая для лесов выгода, если места под них сличные с натурою определяемы будут», и конкретизирует это положение на таких примерах: «Сосна любит расти на сухой и песчаной земле, и чем выше и пригористее положение места, тем для ее лучше... В низких же и влажных местах растет она худо, не скоро, и не бывает так прочна, как растущая на высоких. Ель, напротив того, растет лучше на низких и сырых местах, и земля для ней лучше, нежели для сосен, надобна». Такие характеристики приводятся для дуба, ясеня, вяза и других пород. Так Болотов делает попытку увязать отдельные породы не только с почвами, но и с условиями произрастания и затрагивает вопрос о зависимости технологических свойств породы от этих условий.

«...Сколько прибавилось бы еще леса,— писал Болотов в 1766 г.,— если бы, по предложению моему, все порожние внутри и около усадеб и деревень места и широкие окружные межи по полям под деревья употребить...» «Во многих местах,— продолжал он,— есть такие луга, которые никогда хорошей и здоровой травы не родят, но растут на них мох или от всегдашней мокроты кислая и негодная трава. Для чего ж их не засадить лесом, а в награждение ущерба в сенокосе вместо того оставшие луга по примеру иностранных земель удобрить и в такое состояние привести стараться, чтоб они родили сена больше и лучше...»

Касаясь вопроса о смешанных и чистых лесах, А. Т. Болотов доказывал ряд преимуществ первых перед вторыми. По вопросу о способах «заведения лесов» он писал, что «заведение оных от посева семян по справедливости лучший, надежнейший и скорейший способ есть. Примечено, что всякое от семячка произшедшее дерево растет лучше и здоровее, нежели вынудое из леса, оторванное от пня и посаженное». Он даже «приметил», что и на березах бывает множество пустых семян, «но их можно по тому узнать, что те кисточки прежде времени покраснеют, когда прочие еще зелены, чего ради их и рвать ненадобно».

Перечислив трудности посева мелких нежных семян большинства лиственных пород, Болотов писал: «О всех сих и многих других неспособностях рассуждая, за лучшее признаю я леса заводить на всех местах саждением готовых уже деревцов, приготавливая оные к тому посредством посева совсем в особливом месте, через что не только б оные неспособности и затруднения отвращены быть могли, но и та польза произошла б, что пашенная земля все то время под хлеб употребляема быть может, пока оные посеянные деревья к посадению на оной надлежащего совершенства не достигнут». Так впервые был поставлен вопрос о питомниках. Дуб в питомнике Болотов рекомендовал держать

три—четыре года, клен сажать восьми—десяти лет, ясень двух—трех лет.

Исключительно осторожный в своих рекомендациях, требовавших, по его убеждению, проверки опытом, А. Т. Болотов писал: «Что касается до лутовников, то хотя и думать надобно, что к немалой бы пользе и они служили, однако утверждать оную не осмеливаюсь. Время не дозволило мне еще своим опытом в том удостовериться, почему я и предлагал о том только мое мнение». «Без трудов нам не только леса в хорошем состоянии иметь, или вновь завести, но ничего хорошего сделать не можно»,— писал он в заключении к своим статьям.

Общие и частные высказывания Болотова — результат большой наблюдательности, критического отношения к наблюдаемому. Его статьи — выдающееся явление для своего времени. Но как это часто бывало, работы Болотова не были оценены по заслугам. В разделе «Библиография» «Лесного журнала», начавшего выходить в 1833 г., можно найти перечень работ по лесному хозяйству, выходивших в Германии, часто чрезвычайно сомнительных по содержанию, но нет даже упоминания о статьях Болотова. Нет ссылки на его статьи и в книге 1895 г. Ф. К. Арнольда «История лесоводства во Франции, Германии и России».

В 1786 г. вышла из печати часть I работы П. С. Палласа «Описание растений Российского Государства», в которой «упомянуто обстоятельно о пользе как в домостроительстве, так в ремеслах и художествах и в лечебной науке, по колику она известна, о сеянии и разведении деревьев... с показанием, елико можно, стран, в коих оне и на какой земле в наибольшем количестве родятся...». В «Описании» обстоятельно даны основные внешние признаки наших лесных пород, их биология и экология. Последовательность в изложении, богатство материала, собранного этим выдающимся ученым, общедоступный язык делают эту книгу интересной и на сегодняшний день. Изданная с прекрасными иллюстрациями небольшим тиражом она была доступна только для немногих.

В 1804 г. вышел из печати первый русский учебник по лесоводству «Начальные основания лесоводства» Е. Ф. Зябловского, профессора географии Петербургского педагогического института, преподавателя лесоводства в Училище корабельной архитектуры. Учебник был посвящен в основном лесовозращению, в отношении которого автор в отличие от А. Т. Болотова не обладал достаточно современными знаниями; не было у него и необходимого опыта. Тем не менее в книге есть ряд очень ценных мыслей, остающихся правильными и на сегодняшний день.

«Успех каждого посева,— писал Е. Ф. Зябловский,— наипаче зависит от хороших семян..., семена при всех совершенствах могут сделаться негодными к посеву, если не употреблено должное рачение при собирании и сбережении их». Обязательным он считал «ведать, куда определить лес» при лесоразведении.

П. С. Паллас

Хорошо обоснована автором польза прочисток в лесу. Ставя вопрос о лучшем времени для посева леса, Е. Ф. Зябловский отвечал: «Высевать семена весной лучше и безопаснее».

Однако ряд рекомендаций Е. Ф. Зябловского был неприемлем для того времени. Он утверждал, например, что разводить леса надо «по смежности судоходных рек, озер и каналов, ...где большие города...», мотивируя такой выбор мест большей доходностью и не учитывая, что в перечисленных местах более доходными являются огородные культуры.

Не учитывая безграмотности крестьян и повсеместного уничтожения заповедных рощ, Е. Ф. Зябловский утверждал, что полезно и нужно издать руководство по заготовке мачт, чтобы крестьянин научился «различать и находить мачтовые деревья». Сомнительной кажется и необходимость для учеников Училища корабельной архитектуры знать 24 класса по Линнею. Для автора учебника и авторов последующих работ по лесоводству характерен полный отрыв от действительности, благие порывы

сделать полезное дело без учета современной ему экономики и политики.

В 1809 г. вышла из печати работа П. Дивова «Краткое руководство к сбережению и поправлению лесов в Российском государстве». В предисловии автор ее писал: «...Заимствуя из его (Палласа. И. Б.) наблюдений и пища по его начертанию, собрал я также некоторые сведения и из наших по лесной и ботанической части писателей...». Уже это, как и содержание всей книги, говорит о компилятивности работы. Заслугой автора можно считать то, что он сообщал ряд сведений о древесных породах тем, кто не читал статей А. Т. Болотова, П. И. Рычкова, чрезвычайно интересную, но мало доступную работу П. С. Палласа, книгу Е. Ф. Зябловского. Ценно и указание Дивова насчет пользы лесосушительной мелиорации. Он отметил, что «заведения каналов в обширных лесах могло бы сильно содействовать к лучшему образованию лесной части».

Большим недостатком работы П. Дивова является то, что, цитируя немецкие работы сомнительного качества по лесному делу, он даже не упомянул о работах А. Т. Болотова.

На фоне отставания лесного хозяйства и истребления помещичьих лесов резко выделялись успешные попытки лесоразведения в особо тяжелых почвенно-климатических условиях южно-русских степей. Эти работы здесь велись отдельными помещиками, сторонниками прогрессивного помещичьего сельского хозяйства, понимавшими значение лесоразведения в открытой степи, проявившими много инициативы и настойчивости.

В 1804 г. выдающийся деятель по степному лесоразведению И. Я. Данилевский закультивировал сосной сыпучие пески своего имения «Пришиб» в Змиевском уезде Харьковской губернии на площади в 1000 десятин. Профессор ботаники при Харьковском университете В. М. Черняев сообщал, что в 1844 г. он посетил дом, построенный детьми Данилевского из леса, разведенного отцом.

Граф Ланжерон, управлявший Новороссийским краем, основал Одесский ботанический сад с целью выращивания саженцев для раздачи их степным жителям. Вскоре в южной части Харьковской губернии появились лесные рощи.

Приблизительно с 1818 г. видный деятель сельского хозяйства крупный помещик В. П. Скаржинский, участник войны 1812 г., видевший роскошные парки Западной Европы, решил заняться посадкой деревьев в своем имении «Трикраты» Херсонской губернии. Он заложил древесные питомники и к 1853 г. вырастил в степи до 400 десятин лиственных и хвойных лесов.

Степному лесоразведению большое содействие оказывало Общество сельского хозяйства Южной России, видными членами которого были В. П. Скаржинский, М. М. Кирьяков, граф Ланжерон. Общество основало на опытном хуторе вблизи Одессы древесный питомник для бесплатного отпуска саженцев желаю-

щим заняться лесоразведением. Казалось бы, что эти успехи по лесоразведению должны были заинтересовать и других помещиков. Но этого не случилось.

Еще А. Т. Болотов в 1766 г. писал: «Для того, чтобы могло все порядочнее происходить, определять к лесам особого и знающего человека, не для того одного, чтоб он их стерег, но чтоб и все работы в лесах под его смотрением происходили, и он обо всем порядке, касающемся до лесов, довольное сведение имел».

В царствование императрицы Анны Иоанновны, во исполнение неосуществленного указа Петра Великого, требовавшего правильного обращения с лесами, были вызваны из Германии форстмейстеры (Forst по-немецки лес), получившие специальное образование, и в числе их известный «лесной знатель» Фокель. В 1774 г. при оберегермейстерском корпусе обучались форстмейстерским делам десять ягд-пажей (Jagd — охота) из дворян. В течение четырех лет пажи должны были «обучаться производить порядочную охоту и форстмейстерству, т. е. знанию лесоохранительного и размножительного обряда».

В 1799 г. из воспитанников Морского кадетского корпуса четыре были отправлены в Англию «для обучения, как разводят там леса при королевских рощах, из коих английские флоты снабжаются лесами». Двое из них, возвратившиеся в Россию, получили звание ученых форстмейстеров и были отправлены в Казань для разведения корабельных лесов и для ботанического описания пород деревьев, произрастающих в Казанской губернии.

Делались и другие попытки готовить специалистов, но чисто формального порядка. Показательно то, что в докладе императору министр финансов в 1803 г. заканчивал свое заявление словами: «В России нет еще, кроме некоторых иностранцев, знающих в лесной части людей...» Леса интересовали правительство, главным образом, как материал для флота, поэтому в 1800 г. в Морском кадетском корпусе был учрежден форстмейстерский класс для обучения кадетов лесным наукам.

В 1802 г. был утвержден «Устав о лесах». На Лесной департамент, согласно пункту 19 этого устава, возлагалась организация школ «для образования и научения людей в лесоводственных науках». Избрание места первой лесной школы было поручено курляндскому дворянину фон Штейну. Главный директор лесов писал о фон Штейне, что он «практический сельский хозяин и что во всех частях сельского хозяйства довольно опытен», что в течение более тридцати лет он управлял в Курляндии арендными имениями, «а поэтому и знания его в лесоводстве относятся к сему краю».

По положению 1803 г., «для преподавания по всем предметам теоретических и практических наставлений» назначался один наставник, которому «препоручалась и вся школа в управление». В помощь ему назначены были лесной землемер, рисовальщик

и переводчик, так как фон Штейн плохо владел русским языком. В первый год решено было принять в школу только десять человек, на второй — еще десять.

Местом для школы выбрали Царскосельский зверинец и дом при нем, в котором разместились будущий наставник и директор фон Штейн с семейством и двадцать учеников. С 1805 г., по распоряжению главного директора государственных лесов, воспитанники школы посылались в Лисинский лес «для практического упражнения в снятии лесов на план».

Другая лесная школа была организована в 1805 г. в Козельске Калужской губернии для тридцати школьников. Она именовалась Калужским институтом. Задачей его было «заниматься переводом лесных книг для способствования и обучения тех, кои иностранных книг читать и в таковые институты являться не могут...». Здесь было подготовлено к печати «руководство к ботанике, выбранное из ботаники проф. Вильденова и из творения проф. Сукова инспектором сего института Мельхиором Вюльфингом и на русский язык переведенное того же института кадетом Иваном Поганковым». Это руководство было отпечатано в Петербурге в императорской типографии.

В 1808 г., по инициативе мецената графа М. М. Орлова, в Петербурге на Елагином острове был открыт Лесной институт. В 1811 г. он объединился с Лесным училищем, переведенным в Петербург из Царского села. В 1813 г. сюда же был переведен Калужский институт. Так образовался Петербургский лесной институт.

В 1829 г. был утвержден устав института, по которому курс обучения был рассчитан на шесть лет. Число воспитанников в нем увеличилось до 108, преподавали арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, геодезию, лесоводство «по всем частям онаго, садку и сеяние деревьев», естественную историю, лесную ботанику, физику, химию, лесную статистику, лесные законы, закон Божий, историю, географию, русский и немецкий языки, счетоводство, чистописание, рисование, черчение геометрических планов и ситуации, «стреляние и егерское искусство», музыку и «танцевание». Обучение последним предметам мотивировалось тем, что «музыка, услаждая слух, действует благотворно на нрав и душу человека и впоследствии может доставить воспитанникам на службе, в уединении и в глуши лесов приятное препровождение времени, а танцевание, придавая гибкость телу, делает человека проворнее и развязнее...». Преподавателей в институте было 13.

Перечисленные реорганизации учебного лесного дела при почти полном отсутствии квалифицированного педагогического персонала, ничтожном количестве воспитанников лесных школ, сравнительно с потребностями в лесничих не могли способствовать правильной организации лесного хозяйства.

Позднее, в 1895 г. Ф. К. Арнольд писал, что «заведение сие

(Петербургский лесной институт. *И. Б.*) и по упомянутом соединении весьма неудовлетворительно достигало своей цели по ограниченному штатному положению, весьма недостаточному курсу, ветхому и тесному помещению», что «по ходатайству его сиятельства (*Е. Ф. Канкрин, И. Б.*) ...отпущены из казны суммы, на которые выстроены для помещения института четыре больших каменных дома, несколько деревянных флигелей и исправлены старые здания, осушен и устроен лесной парк; приобретено для библиотеки значительное число лучших, до лесных наук относящихся, книг; заведены кабинеты ботанический, физический и химический, а для приготовления в должности профессорские по части лесных наук отправлено несколько чиновников Лесного ведомства в немецкие лесные школы».

РОЛЬ Е. Ф. КАНКРИНА В РАЗВИТИИ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

В развитии русского лесного хозяйства большую роль играл Е. Ф. Канкрин. В послереволюционной политико-экономической литературе даются различные оценки его как министра финансов. Но почти совершенно отсутствуют данные о нем как министре, который понимал значение лесного хозяйства для России и уделял лесному делу должное внимание.

Немец по происхождению, он уже взрослым приехал в Россию, где издавна служил его отец. В Германии Е. Ф. Канкрин получил высшее юридическое и экономическое образование. Человек большой воли и энергии, не лишенный литературных способностей, в годы войны 1812 г. работая в интендантских частях, он привлек внимание военного министра Барклая де Толли честностью, трудолюбием и литературными работами о снабжении армии продовольствием. В 1813 г. он уже числился генерал-интендантом действующей армии, а в 1823 г. был назначен министром финансов. В последующие годы он отличался разносторонней деятельностью и инициативой, содействовал распространению технических знаний, основал технологический институт.

Озабоченный состоянием русских финансов, в поисках источников увеличения доходов, интересуясь государственным имуществом вообще, огромной площадью казенных лесов в частности, Канкрин стремился устроить их «по правилам доброго хозяйства». Сознывая нужду в людях, подготовленных для ведения и управления лесным хозяйством, понимая, что выписывавшиеся до него форстмейстеры не способны к этому, он добился от Николая I разрешения об ежегодном «отправлении» за границу лиц, хорошо окончивших форст-институт, «для вящего усовершенствования в лесных науках». Уже в 1827 г. командированы были в Германию Вейхенталь, Гильдеман, в 1829 — Семенов, в 1839 г. — Петерсон, Длатовский, впоследствии основные сотрудники «Лесного журнала» и др.

Достойной внимания надо считать инструкцию, которой снабжал Канкрин командированных за границу. Вот некоторые пункты ее: «На пребывание Ваше в Берлине назначается два года. В продолжение оных Вы должны слушать с прилежанием

Е. Ф. Канкрин

курс всех наук, преподаваемых в Берлинской лесной академии и принимать участие во всех практических упражнениях, заведенных там для усовершенствования учащихся в познаниях по части лесоводства». По окончании двухгодичного срока, «предназначенного для пребывания Вашего в Берлине, Вы должны употребить еще один год на ученые путешествия по местам, славящимся устройством заведения по части лесоводства. В отношении сего предложения в свое время Вы получите особое предписание».

Заслуживает внимания и забота министра о посылаемых за границу. Командированных надо было прилично одеть. Чтобы деньги на обмундирование использовались по прямому назначению, Е. Ф. Канкрин распорядился не выдавать их на руки, а выплачивать по счетам. Вот, например, один из них: для двух человек за сукно 600 р., портному за сюртучные, фрачные пары и шинели 350 р. Каждому командированному выплачивали по 400 талеров на квартиру, на содержание, одежду и плату за учение.

60 — на мелочные расходы и 25 талеров на покупку книг «по распоряжению профессора Пфейля» (директора Берлинской лесной академии).

Интересна забота Пфейля об окончивших академию. Так, возвращавшемуся в Россию В. С. Семенову, назначенному Пфейлем в преподаватели Петербургского лесного института, было вручено письмо Е. Ф. Канкрину, в котором Пфейль высказал пожелание, чтобы Семенов до начала преподавания лесных наук осмотрел русские леса в целях сравнения их с германскими.

По распоряжению Канкринина, В. С. Семенов был командирован в Московскую, Рязанскую, Тамбовскую, Пензенскую и Владимирскую губернии. Это путешествие, начавшееся весной 1833 г., закончилось в конце января 1834 г., причем было сделано 5585 верст по почтовому тракту и 6683 версты по проселочным дорогам и лесам. С такими знаниями о русских лесах В. С. Семенов приступил к преподаванию лесных наук.

Задумываясь о состоянии современного ему лесного хозяйства, представляя, какое огромное значение имеет уровень знаний в этой области, и знакомясь с состоянием единственной в России высшей школы по лесному делу — Петербургского лесного института, Канкрин добился утверждения для института устава, который по вопросам преподавания представляет интерес и сейчас. Канкрин интересовался и горные заводы на Урале, состоявшие в ведомстве министерства финансов. А поскольку к этим заводам были приписаны огромные лесные площади, Канкрин не мог не заинтересоваться их состоянием. О размере лесных площадей, принадлежавших заводам, говорят, например, такие цифры: в 1765 г. Гороблагодатские заводы владели 10 000 кв. верст лесов, к одному только Воткинскому заводу было присоединено 350 000 десятин лесов и земли. Ознакомившись с состоянием этих лесов, Канкрин обнаружил бесхозяйственное использование их.

Признавая большое значение заводов на Урале — основных потребителей перечисленных лесов, Канкрин издал в 1830 г. специальную «Инструкцию об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского по правилам лесной науки и доброго хозяйства». Этот документ представляет несомненный интерес как по содержанию, так и по форме изложения. Как четко, ясно, сжато изложены в нем недостатки лесного хозяйства и намечены средства к их изжитию, показывают хотя бы отдельные отрывки из инструкции. Из введения, например, можно узнать, что «лесные узаконения и порядок лесного хозяйства на горных заводах требуют нового соображения для приспособления их, с одной стороны, к новейшим открытиям лесной науки, а с другой, к климату и местным опытам... Первая цель сей инструкции есть то, чтобы обратить на сей предмет полное внимание горного управления, ибо наука лесного хозяйства на заводах не менее важна, как собственно горные науки. Особливо местные горные началь-

ИНСТРУКЦІЯ
ОБЪ УПРАВЛЕНІИ
ЛѢСНОЮ ЧАСТІЮ

НА
ГОРНЫХЪ ЗАВОДАХЪ
ХРЕБТА УРАЛЬСКАГО,
ПО ПРАВИЛАМЪ ЛѢСНОЙ НАУКИ И
ДОВОРАГО ХОЗЯЙСТВА.

Изданная Министромъ Финансовъ
въ 1850 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Экспедиціи заготовле-
нія Государственныхъ бумагъ.

1 8 5 0.

Титульный лист «Инструкции об управленіи лесною частью на горныхъ заводахъ хребта Уральскаго»

ники всемерно должны стараться об устройстве и сбережении горных лесов, о разведении их, где нужно вновь, и об отыскании способов к уменьшению самой потребности в лесных припасах; за неисполнение же сего будут подвергаться строгой ответственности».

Перечислив причины «оскудения лесов на горных заводах» («излишний и небережливый расход лесных произведений», «недостаточное устройство лесного управления, неприведение лесов в надлежащую известность и определенность, беспорядочные порубки..., редкое употребление искуственных способов разведения» и др.), автор инструкции излагает по пунктам основные «правила ее и... предначертания тех распоряжений, кои должны быть сделаны на заводах для исполнения постановлений оных».

Исключительный интерес по идейной направленности представляет параграф № 117 инструкции: «...При каждом заводе иметь нужное число лучших новейших книг о лесной науке и поощрять молодых практикантов и чиновников к чтению оных. Не менее того готовить нужное число служащих к лесной практике, особенно к межеванию и снятию ситуаций. Внушать им охоту к лесоводству и вообще не предаваться мысли, что у нас еще рано думать о лесном хозяйстве... При чтении книг, особливо иностранных, молодые лесоводы должны иметь всегда в виду приспособление приобретенных сведений к обстоятельствам России, сличая правила теории с местными наблюдениями и сделанными опытами. Одна теоретическая ученость не приносит действительной пользы, и главная цель настоящей инструкции была не та, чтобы начертать систему науки, принятой в чужих краях, а приспособить истины оной к надобностям России, ввести не иностранное, а русское лесоводство...». Министр финансов Е. Ф. Канкрин понимал, что в России надо вести «русское лесоводство», т. е. лесоводство с учетом местных особенностей и нужд.

По вопросу о том, какие леса надо разводить, чистые или смешанные, инструкция разъясняла: «Прежде думали, что сие должно быть одним из первых предметов лесоводства, но ныне большею частью отстали от сей мысли, и, исключая буковые засеки и сосновые рощи, предпочитают смешанные, только улучшенные леса везде, где натура сама на оные указывает...».

Инструкция показывает, как Канкрин интересовался вопросами улучшения лесного хозяйства в районе горных заводов. Его интерес к лесному делу проявился и в ряде других распоряжений Министерства финансов: «О выращивании дубовых низкоствольников на корье для дубления кож», «О разведении лесов в Новороссийском крае», для чего предполагалось награждать местных жителей медалями, деньгами, отпускать им бесплатно посадочный материал и семена, заботиться о сборе их и «учредить школы лесных и садовых растений». Разработан был проект о разведении лесов в Оренбургской пограничной линии.

Е. Ф. Канкрин отдал распоряжение волостным и сельским правлениям при каждом селении государственных крестьян Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний завести плантации лесных деревьев близ воды, окопав их канавами и обсадив живыми изгородями из дикого жасмина или акаций. Окружным лесничим приказывалось учредить при волостных правлениях школы деревьев для бесплатного отпуска посадочного материала волостным правлениям.

Таким образом, министра финансов Канкрин, наряду с другими государственными делами, серьезно занимал вопрос о наведении порядка в лесном хозяйстве. Одним из средств для этого он считал образование лесного общества. Именно по его докладу Николай I утвердил 25 февраля 1832 г. Общество для поощрения лесного хозяйства.

В отчете Общества за первый год его существования было сказано: «Существованием своим с полезною целью поощрения частных владельцев к бережливому сохранению лесов и распространения познаний о правильном лесоводстве обязано оно просвещенной и предусмотрительной заботливости государственного мужа (Е. Ф. Канкрин, И. Б.), неутомимо пекущегося о развитии и совершенствовании отечественной промышленности, принявшего и совершившего уже многие улучшения по части государственного хозяйства».

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПООЩРЕНИЯ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

Цель и задачи общества сформулированы в сокращенном изложении следующим образом:

«Для поощрения частных владельцев к бережливому сохранению лесов и распространения познаний о правильном лесоводстве учреждается в Петербурге «Общество для поощрения лесного хозяйства»...

В Москве может быть учреждено отделение общества, по особому в свое время представлению, а в губерниях общество избирает нужное число сотрудников, кои суть или члены общества или корреспонденты...

Общество может иметь заграничных членов и корреспондентов».

Из раздела «О способах, употребляемых обществом для достижения предназначенной цели», важно отметить следующие:

Общество «собирает, посредством своих членов и корреспондентов, сведения о положении лесов, о порядке лесоводства в разных частях России и о разных предметах, к сему относящихся...

Обращает внимание публики и особенно владельцев на крайнюю необходимость заниматься без отлагательства важным предметом сбережения лесов...

В сих отношениях общество преимущественно старается поставить на вид те причины, от коих у нас потребление или истребление лесных материалов без нужды столь увеличилось, а самые леса прежде времени истощаются...

С тем вместе Общество распространяет, посредством печати и своих сотрудников, сведения о правильном лесоводстве...

По части искусственного лесоводства Общество наиболее старается сообщить владельцам практические сведения о правильных методах разведения и рубки лесов...

По угрожающему недостатку в лесе на кораблестроение и постройку домов общество старается содействовать сбережению дубовых лесов, размножению лиственницы и сеянию сосновых рощей там, где строевого леса недостает».

Общество состояло под особым покровительством государя императора по ведомству Министерства финансов. Департаменты разных министерств обязаны были оказывать обществу содей-

ствие, в особенности департаменты корабельных лесов, государственных имуществ, горных и соляных дел, мануфактур и внутренней торговли.

При организации общество насчитывало около тридцати членов. Из них восемь были назначены самим Николаем I, они должны были избрать остальных. Из двадцати восьми членов, составивших общество к 1833 г., числились: один обергофмейстер, три камергера его императорского величества, пять тайных советников, восемь действительных статских советников, несколько графов и князей, несколько менее знатных помещиков, а из представителей науки того времени — директор Петербургского ботанического сада и его помощник. В корреспонденты были избраны почти все губернские предводители дворянства, отдельные губернские лесничие, профессор Дерптского университета Шмальц и несколько помещиков.

Интересно отметить деталь: 27 января 1833 г. решено было «...приступить к изданию «Лесного журнала»... и определить для сего двух сотрудников: титулярного советника Уханцева и ученого лесничего Гиндельмана...», но эти сотрудники не удостоились избрания в общество.

Средства общества составлялись из ежегодной субсидии правительства 12 000 р. ассигнациями (начиная с 1832 г.), единовременных пожертвований 10 500 р., приношений от членов общества в сумме 600 р. Этих денег для начала деятельности было достаточно.

Каково же было отношение к лесному делу назначенных самим государем членов общества?

Президент общества П. И. Полетика воспитывался в сухопутном Шляхетском корпусе в течение четырнадцати лет (с четырех лет) и покинул его «с некоторой начитанностью,— как он сам говорил,— в русской и французской словесности, с некоторыми познаниями в разных науках...». Впоследствии Петр Иванович выдвинулся на дипломатическом поприще. Ни к сельскому, ни к лесному хозяйству никакого отношения он не имел. Числился в сенаторах и тайным советником (Русский биографический словарь, СПб., 1905).

Член общества Кушелев-Безбородко по окончании Московского университета получил степень доктора этико-политических наук. Работал в ведомстве коллегии иностранных дел. В 1830 г. был избран в почетные члены Академии наук.

В числе назначенных Николаем I членов общества фигурировал и корнет в отставке С. А. Яковлев. Его участие в работе общества выразилось в том, что на одном из заседаний он внес пожертвование в пользу общества 10 000 р. Пожертвование такой суммы, с точки зрения императора, давало право сидеть рядом с сенаторами и тайными советниками. Об остальных членах общества, назначенных Николаем I, сведений не оказалось.

В течение 1832 г. было одиннадцать заседаний общества, посвященных выбору членов, организационным вопросам, наметке ближайших задач. На отдельных заседаниях заслушивались, например, такие сообщения.

Граф Кушелев-Безбородко доложил о своем труде «Мнение о вреде, наносимом расчистками для посева хлеба, и об устранении сего вреда посредством сеяния на сделанных в лесу расчистках древесных семян вместе с зерновым хлебом». На одном из заседаний решено было напечатать статью ученого лесовода Гиндельмана «О посеве древесных семян вместе с хлебом».

Г. А. фон Левис, непреременный секретарь Лифляндского экономического общества, сделал представляющий практический интерес доклад на тему «Предположение о посеве дуба в Остзейских провинциях для возвращения корабельного леса». На последующем заседании решено было напечатать доклад фон Левиса и сочинение Гиндельмана «О семенном питомнике ели и о разведении в России бука».

На девятом заседании 2 декабря постановили: «Приобрести все иностранные кодексы и узаконения по лесной части для составления из оных наставления в руководство частным владельцам лесов». На десятом заседании президент П. И. Полетика предложил приступить в 1833 г. к изданию журнала «в том предположении, что сие доставит Обществу возможность содействовать владельцам к правильному устройству лесного хозяйства сообщением полезных сведений о лесных науках и новых по сей части открытий». На одиннадцатом заседании решено было немедленно выписать все иностранные лесные журналы.

Общество рекомендовало своим корреспондентам собирать статистические сведения о лесах. Характерным ответом, полученным от одного из губернских предводителей дворянства, был, например, такой: «...приступив к собиранию требуемых обществом лесного хозяйства сведений, нашел сию часть в совершенном детстве, что незнание правил лесоводства, отсутствие богатейших владельцев и главнейше черезполосное многих дач владение суть преимущественные причины беспорядочной рубки, а иногда и самого истребления лесов».

Некоторым лесничим предложено было производить опыты «по методу проф. Реуме в том намерении, чтобы с точностью определить в разных климатах империи время, благоприятнейшее для рубки строевого леса».

На заседании 25 февраля 1833 г. общество взяло на себя разрешение следующих задач:

1. «Составить практическую инструкцию об управлении владельческими лесами от 100 до 300 десятин, растущими в средней полосе России, по правилам лесного хозяйства». Инструкция должна была излагать преимущественно вопросы «лесоохранения, приведение леса в известность, искусственного разведения и естественного восстановления лесов».

2. «Описать удачные в России опыты останавления летучих и наносных песков посредством укрепления почвы древесными или травяными растениями».

3. «Показать, какие лесные породы преимущественно способны произрастать на бесплодных степях России; каким образом разводить оные на сих местах, и какое хозяйство должно вести в случае разведения леса на бесплодной земле для постепенного удобрения почвы и извлечения прибыли».

За решение любой из этих задач обещана была награда соразмерно с достоинством сочинения — золотая, серебряная или бронзовая медаль. Поскольку требовалось составить инструкцию об управлении владельческими лесами от 100 до 300 десятин, очевидно, она предназначалась для мелких лесовладельцев.

На годовом отчетном заседании граф Кушелев-Безбородко, исходя из анализа современного ему положения лесного хозяйства, в своем докладе утверждал, что «главнейший недостаток по сей части заключается в бесценности леса, которая, умаляя или почти уничтожая доходы от леса, более всего вредит самому их сохранению... Если владельцы лесов будут выручать из оных хороший доход, то сие, конечно, будет лучшим поощрением к самому попечению о сбережении и разведении оных». Поэтому он предложил задачу повышения ценности лесов, которая должна быть решена к 1 января 1834 г. Свой доклад граф закончил так: «Кто представит обществу... новое, доселе в России неизвестное употребление лесного материала так, чтобы через оное удвоена быть могла в губерниях, изобилующих лесами, самая ценность оного, тот получит золотую медаль в 50 червонцев...».

Отчетный доклад представляет большой интерес, поскольку докладчик — владелец огромных лесов в Новгородской губернии являлся одним из представителей лесохозьев того времени и выразителем их интересов. Любопытно, что крупный лесовладелец допускает возможность при современной ему в России технике разработки лесных материалов в течение десяти месяцев найти способ увеличить доход от леса «вдвое».

На том же отчетном заседании общества директор ботанического сада Ф. Б. Фишер прочитал доклад «О возрасте и долговечности дерев». В докладе сообщалось, например, что самая большая липа имела в 1804 г. в окружности более 40 футов (французских), что Ламбертова сосна в Северной Америке имела в высоту 215 футов (английских) и т. п. Граф Кушелев-Безбородко доложил «Рассуждение о необходимости охранения владельческих лесов от истребления и о пользе правильного лесного хозяйства», в котором подробно говорил о пользе леса вообще, о том, что «в древности леса были живые храмы».

Дальше было сделано сообщение о состоянии лесного хозяйства в Малой Азии, Иудее и Египте, Персии, Греции и Сицилии, о лесохозяйстве древних римлян, в Персии, Англии и Франции. Из раздела о состоянии лесов в России мы узнаем, что

«богатейшие леса истреблены почти до основания. Знаменитый Муромский лес превращен в кустарник, величественные Брянские леса, богатейшие насаждения природы по реке Оке уничтожены в течение не столь продолжительного времени; многие места, покрытые непроходимыми лесами, обращены в пустыни и степи, и опустошение лесов распространяется как бы сверхъестественною силою», что нередко владельцы, нетерпеливо стремясь к обогащению, учреждают горные, винокуренные и другие заводы, требующие угодьев и лесу более, нежели окрестные дачи могут дать без истощения». Констатируя, что на мало заселенном Севере сохранилось еще огромное количество лесов, докладчик сообщал, что «в плодороднейших и самых населенных губерниях леса истреблены почти до основания».

В качестве мер охранения и устройства лесов граф Кушелев-Безбородко рекомендовал: «размежевание лесных дач, учреждение лесной стражи и облегчение сплава и сухопутного провоза лесов». Учитывая состав аудитории и стремясь вызвать интерес к лесоохранению, докладчик говорил о «величественном виде вековых лесов, приятной наружности молодых рощ и дубрав, составляющих для владельца неизъяснимую прелесть сельского быта и приятнейшее убежище от зноя и жаров летних...». Чтобы настроить аудиторию в пользу лесоохранения, он приводит такие, например, доводы: «Леса могут быть украшаемы искусством, постройкою гротов, фонтанов, насаждений групп и островков лесных, посадкою иностранных деревьев, образованием островов на озерах, среди лесов находящихся, построением хижин для пристанища от дождя». И тут же перечислял, каких расходов требует от владельцев сбережение лесов: «владельцам нужно очистить и устроить свои рощи, засеять пустые места, сберегать леса свои от самовольных порубок и хищений, извлекать из лесов пользу, не опустошая оных». А поскольку нельзя было не вспомнить и о мерах разведения лесов, докладчик высказал такую мысль: «Можно бы обязать поселян сажать ежегодно по известному числу деревьев вместо других ничтожных повинностей».

В 1833 г. были присуждены золотые медали:

корреспонденту Общества, воронежскому губернскому лесничему Фрейерсу, «представившему в разрешение задачи об укреплении летучих песков рассуждение свое при достаточном удостоверении в том, что он во время служения своего в Екатеринославской губернии развел по описанным им способам на самых сыпучих песках более 700 десятин благонадежного лесу»;

корреспонденту, слободско-украинскому помещику И. Н. Каразину, «за отлично-успешное разведение иностранных деревьев разных пород на пустопорожних и неудобных местах»;

корреспонденту, лифляндскому помещику фон Левису «за сочинение хороших и полезных наставлений и руководств по части лесоводства»;

действительному статскому советнику Левшину «за деятельное внимание к лесоводству и опыты в большом виде в окрестностях Одессы, произведенные к сажанию деревьев на самой неблагоприятной почве».

На другом отчетном заседании (четвертом) была заслушана краткая речь президента П. И. Полетики о проделанной работе и преодолеваемых трудностях. Член-корреспондент общества П. А. Перельгин прочитал рассуждение «О причине болезней, смерти и разрушения органических тел вообще», Ф. Б. Фишер — «О живых изгородах». Тут же сообщалось, что на основании ~~какого~~ общественного положения о наградах присуждены:

Серебряная медаль помещику В. Я. Ломиковскому за «постоянные занятия лесным хозяйством с 1809 г., возделывание болотистых низменностей и непроходимых трясин, возвращение на них и на других местах плодовых и лесных деревьев, которыми удовлетворяет потребности свои и крестьян в дровяном и строевом лесе»;

серебряные медали помещику Херсонской губернии Г. Кирьякову за успешные занятия разведением деревьев в безлесных местах и эстляндскому губернскому лесничему Г. Краутведделю за вполне удовлетворительные статистические сведения о владельческих лесах в Эстляндской губернии и ряду других лиц.

На этом же заседании были избраны в члены общества подполковник барон Дельви́г, отставной генерал-майор А. И. Майоров и др.

Из отчета видно, что в 1835 г. было выписано 14 иностранных журналов и значительное число вновь изданных книг по различным отраслям лесных наук и хозяйства. В том же отчете сказано, что «особенное внимание свое «Общество для поощрения лесного хозяйства» постоянно обращало на «Лесной журнал», составлявший в течение трех лет главный предмет его заботливости». Отмечалось, что «по новости введения лесного хозяйства в обширном отечестве нашем еще весьма ощутителен недостаток в точных правилах, приспособленных к местностям», что «тримя сотрудниками помещено в журнале за 1835 г. 84 листа материалов, большая часть «быв написаны на немецком языке, в редакции переведены, пояснены замечаниями и обработаны, согласно плану издания».

Заключался отчет так: «Мы считаем себя вправе заметить, что «Общество для поощрения лесного хозяйства» вообще укрепляется, круг его действий более и более распространяется, и, если по настоящему можно заключать о будущем, мы имеем основательные причины надеяться, что вскоре увидим его расцветающим».

В отчете за десять лет сообщалось, что при содействии членов и корреспондентов общество «с 1833 г. собирало сведения о владельческих лесах в России, чтобы составить из них по возможности лесную статистику, но встретило в сем деле непреодолимые

препятствия, ибо частные леса в большей части не межеваны и самим владельцам не известны в точности ни пространство, ни насаждения их».

Из отчета следует, что «начало правильного лесоводства в частных лесах, по коим общество имело с владельцами или заведующими оными какие-либо сношения, положено в 16 губерниях, где в 30 имениях более 20 тыс. десятин лесов измерены и разделены на лесосеки по хозяйственному плану, определяющему ежегодный прирост, количество порубок и обороты в них, и обеспечивающему продовольствие владельцев и крестьян лесными материалами без истощения лесов. На землях Оренбургской пограничной линии произведены значительные посадки до 800 тыс. кольев разных пород. Общество доставило туда семена разных американских и туземных хвойных пород... выделило баварскому помещику барону Карвинскому, отправлявшемуся на четыре года в Мексику для собирания растений, по 600 р. серебром ежегодно для собирания древесных растений холодных частей Мексики, которые могли быть введены в России». Заканчивался отчет так: «Ход дел общества доказывает, что многие умы заняты уже улучшением лесного хозяйства и что сие устремление будет благотворно содействовать достижению цели общества, которое со своей стороны не щадит ни трудов, ни издержек».

Надо представить себе десятки миллионов десятин неразмежеванных лесов крупных помещиков, миллионы таких же лесных площадей на Оренбургской пограничной линии, чтобы понять, какое ничтожное хозяйственное значение имели 800 тыс. посаженных кольев, судьба которых к тому же осталась неизвестной, и 20 тыс. десятин устроенных лесов на фоне истребления миллионов десятин лесных площадей. Показательно стремление насаждать лесные деревья из Мексики при неизученности почвенно-климатических условий не только Мексики, но и России.

Заслугой «Общества для поощрения лесного хозяйства» надо считать перевод и издание книг: Котта Гейнриха, «Основания лесоводства» (1835); Котта Гейнриха, «Руководство к введению правильного в лесах хозяйства и таксации лесов» (1840); Кенига, «Лесная математика» (1840); Фелькера, «Лесная технология» (1843).

Из русских работ, изданных обществом, известный интерес в те годы представляли: Перельгин П. А., «Лесоохранение, или правила сбережения растущих лесов» (1835); Ломиковский В. Я., «Разведение леса в сельце Трудолюбие» (1837); «Инструкция об управлении лесною частью на горных заводах хребта Уральского» (1830).

Общество составило также два кратких наставления по укреплению летучих песков и разведению на них леса.

В 1845 г. умер Канкрин и президентом Общества для поощрения лесного хозяйства, а также одновременно президентом Вольного экономического общества стал принц П. Г. Ольденбург-

ский, который высказал мысль об их объединении. Мотивировал он свое предложение тем, что лесное хозяйство тесно связано с сельским, что Экономическое общество, как раньше основанное, обладает обширными связями и средствами и потому может оказать содействие Обществу для поощрения лесного хозяйства. Члены последнего согласились с доводами своего президента и просили его ходатайства перед правительством. В связи с этим 26 марта 1845 г. последовало повеление императора о присоединении Лесного общества к Вольному экономическому обществу, в котором оно составило шестое отделение.

«ЛЕСНОЙ ЖУРНАЛ» В ПЕРИОД 1833—1851 гг.

С 1833 г. Общество для поощрения лесного хозяйства начало издавать «Лесной журнал». На содержание редакции этого журнала правительство, по представлению графа Е. Ф. Канкрин, отпускало с 1836 г. по 8 тыс. р. в год. Журнал имел следующую программу:

«I. Лесохозяйственные науки

Разведение лесов и деревьев; лесоохранение; лесная технология или лесопотребление; лесная таксация или лесовычисление; история лесоводства.

II. Вспомогательные науки

Лесная ботаника; лесная химия; познание почв лесных; зоология, в особенности лесная энтомология; лесоизмерение; лесная география; лесная статистика и топографические описания лесов.

III. Литература лесных наук

Разбор сочинений по лесной части; библиографические сведения и объявления о вновь выходящих сочинениях по лесоводству; биографии ученых и указания по лесным наукам, труды известнейших лесоводцев и сочинителей по лесной части.

IV. Достопримечательности природы, новейшие изыскания и наблюдения

Описания необычайных и редких естественных явлений; новейшие изобретения по лесной части; описание полезных лесных орудий, приборов и моделей.

V. Смесь

Описание лесных заведений и учреждений; задачи по лесным предметам; статьи об охоте; лесные и охотничьи анекдоты...».

Как видно из намеченной программы, журнал затрагивал широкий круг вопросов лесного дела. Его задачи были весьма разнообразны:

«найти вместо дуба другое менее важное, но в достаточном количестве в России прозябающее растение древесное или тра-

ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ОБЩЕСТВОМЪ

ДЛЯ

ПООЩРЕНІЯ

ЛѢСНАГО ХОЗЯЙСТВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВЫСШЕЙ ТОРГОВЛИ.

1833.

Титульный лист «Лесного журнала», издаваемого обществом
для поощрения лесного хозяйства

вяное, которое могло бы в полной мере заменить дуб для дубления кож; исследовать, не годятся ли для сего кроме коры и другие части дуба и иных растений, например, лист, плод и проч., дабы получением большого количества дубильного вещества из одного дерева уменьшить количество истребляемых для сего деревьев»;

«определить и доказать, все ли разности и роды липы представляют равную выгоду в пользовании, и в чем состоит разность их произведения»;

решить, «выгодно ли будет в низовых губерниях восстановить прежде дубовые леса и можно ли надеяться успеха от такого предприятия, или лучше заменить дуб сосною или другою хорошею породою?».

О взглядах редакции журнала на лесные науки можно узнать из статьи 1843 г. Уханцева «О надлежащем направлении науки лесоводства и о некоторых предметах, на которые должно быть обращено внимание для отвращения недостатка в лесе», где он писал: «...естественному изобилию леса должно без сомнения приписать позднее происхождение науки лесоводства, которую нужда заставила заняться тем с большим рвением, что постепенное истощение лесов заставляло опасаться близкого недостатка в оных...»

...Стоя при начале пути, мы не богаты ни сведениями, ни опытностью и потому должны заимствоваться познаниями и воспользоваться опытностью других народов, предупредивших нас на сем поприще... В этом отношении Германия более всякой другой земли может быть принята нами за образец: там наука лесоводства достигла высшей степени совершенства, там написано наибольшее число лучших сочинений и ученые лесоводцы Германии снискали себе заслуженную славу и справедливое уважение». По мнению Уханцева, преклонявшегося перед иностранщиной, путеводной звездой для русского лесного хозяйства должно было служить немецкое лесное хозяйство.

Большинство статей, помещавшихся в «Лесном журнале», представляло собой переводы немецких и реже французских работ, авторы которых имели в виду резко отличные от русских климатические, почвенные, экономические и политические условия. Большинство непереводаемых статей писалось постоянными сотрудниками: Уханцевым, Гиндельманом, Семеновым.

В. С. Семенов — выдающийся деятель русской науки о лесе, окончил в 1829 г. Петербургский лесной институт, объездил леса в нескольких губерниях и был командирован за границу «для вящего усовершенствования в лесных науках», где оставался до 1833 г. Он слушал лекции известного лесовода Пфейля, естественные науки у знаменитого Ратцебурга и цикл лекций в Берлинском университете. Кроме того, В. С. Семенов познакомился с постановкой лесного дела в Западной Европе. По возвращении в Россию он был назначен преподавателем в Петербургском

лесном институте, где читал лесоохранение, лесную статистику, энтомологию, егерское искусство, лесную таксацию с лесоустройством, а позже и орнитологию. Уже один перечень этих предметов указывает на разностороннюю образованность В. С. Семенова.

Русские леса В. С. Семенов изучал во время ежегодных летних командировок для выполнения разных поручений. Это дало ему возможность ознакомиться с лесами европейской части России.

В. С. Семенов — автор первых русских весьма ценных учебников по лесной таксации и лесоохранению, использовавшихся для преподавания этих дисциплин в Петербургском лесном институте.

В течение 12 лет (с 1835 по 1846 г.) В. С. Семенов напечатал в «Лесном журнале» 68 статей по самым разнообразным разделам науки: ботанике, почвоведению и физиологии, лесной географии и статистике, лесоохранению, лесовозобновлению и лесоразведению, лесной таксации и лесоустройству, энтомологии и егерскому искусству.

Редакция «Лесного журнала» широко использовала публикацию переводных статей. Так, в журнале за 1838 г. были напечатаны статьи по зоологии: «О диком кролике», из «Forst und Jagd Kalendar», «Об обыкновенной сивке», «О турухтанах из «Naturgeschichte der Vögel Deutsch lands». Даже «Описание лесного кулика» дано из «Naumass geschichte der Vögel».

Так же обстояло дело и с ботаникой. Статья «Об ильме» была перепечатана из «Dictionaire des eaux et forêts». Даже о нашем сибирском красном боярышнике, породе для живых изгородей, потребовалось взять статью из «Allgemeine Landwirtschaftliche Zeitung».

Казалось бы, в российской действительности достаточно было материала на тему «О степени влияния человека на истребление лесов», и все-таки статья на эту тему переведена была Гиндельманом из «Kritische Blätter» von Dr. Pfeil.

Характеристика «Лесного журнала» не была бы полной и объективной, если не указать на ряд статей, представляющих интерес и по сегодняшний день. Такими надо считать следующие статьи по общим вопросам.

Дикон опубликовал «Ответ на предложенную обществом задачу — показать, на каких именно местах высоких степей России можно надеяться развести лес с успехом, какие лесные породы для сего способны и какое хозяйство должно вести в случае удачного разведения леса на бесплодной почве, дабы удобрить оную до такой степени, чтобы можно было, не опасаясь неудачи, учредить приличное лесное хозяйство или извлечь другую важную хозяйственную пользу?». В статье Дикон высказал такие общие положения: «Чтобы убедиться в непосредственной связи геологии с сельским хозяйством, необходимо обратить внимание на

образование почвы из каменных пород или из других пластов, лежащих под оною. От разложения этих пластов химическим действием атмосферы образуется тонкий поверхностный слой земли, который засеивается семенами растений, наносимыми воздухом, а размножение этих растений в течение более или менее продолжительного времени, в свою очередь, производит слой чернозема, качество которого зависит от подпочвы...» Тут же автор высказывал интересную мысль о том, что флора страны служит вернейшим руководством к выбору почвы, что флора юга доказывает плодородие почвы, что многое доказывает необходимость защиты лесов, чтобы сделать степи одним из богатейших мест Европы.

Касаясь вопросов агротехники в степном лесоразведении, Дикон писал: «Вообще кажется необходимо принять за правило, что повсюду, где почва мало способна удерживать в себе влагу и где климат сух, никогда не должно орать весной, если только этого можно избежать: ибо от оранья почва обнажается, и действие солнца и ветров причиняет столь быстрое испарение, что надежды земледельца часто не сбываются; напротив, надлежало бы производить оранье только осенью, потому что в это время почва скорее насыщается влагою и делается доступною действию воздуха. Но, чтобы лучше удержать эту влагу, необходимо до посева боронить землю тяжелыми боронами; ибо из опытов известно, что разрыхленная таким образом земля гораздо удобнее удерживает в себе сырость».

Дикон не только наблюдал определенные явления, но и экспериментировал. Так, он писал: «Чтобы подзем удерживал сырость, надо разрыхлять его, для чего надо разводить люцерну (*Medicago falcata*), растущую в здешних степях в изобилии. Обыкновенно предпочитают для помянутой цели *Medicago sativa*, но собственные опыты мои убедили меня, что здесь лучше ограничиться разведением первой, ибо *M. sativa* по истечению нескольких лет становится реже и растет с гораздо меньшею силою, нежели *M. falcata*».

Значительный интерес для того времени представляла статья Г. А. фон Левиса «Предположение о посеве дуба в Остзейских провинциях для возвращения корабельного леса», в которой охарактеризованы современное ему состояние лесов, почвы, благоприятные для выращивания корабельного леса, технические качества летней и зимней форм дуба. О причинах лесоистребления он писал: «Настоящая редкость дуба в Лифляндии не имеет иной причины, кроме беспрестанного распространения земледелия, вытесняющего дуб с лучшей почвы, превращаемой в пашни, а так как дуб не успевал на дурной почве, способной еще производить другие породы, то естественно он мало-помалу почти совсем исчез».

Большой материал обобщен в статье Мальгина «Некоторые сведения о введении правильного лесного хозяйства в дачах

А. Е. Теплоухов

Воткинского и Гороблагодатских заводов», в которой описаны природа и хозяйство лесов на Урале, их геологические и почвенно-климатические условия, ряд древесных и кустарниковых пород, наиболее приспособленных к этим условиям. Содержание статьи говорит о том, что автор хорошо знал леса и хозяйство в них в результате длительных исследований и наблюдений.

В 1840 г. была напечатана интересная статья выдающегося русского лесовода А. Е. Теплоухова «Леса и лесоводство Шварцвальдских гор» — результат обследования этих гор, опросов лесных чиновников, лесоводов и местного населения о прошлом и настоящем горных лесов. Для своего времени эта статья — образец описания леса любой почвенно-климатической зоны.

Много внимания уделено в названной статье вопросу «о произвольной перемене лесных пород или смене пород естественной»

в зависимости от местоположения и почвы. Констатируя, что «вообще по сие время сделано мало наблюдений на счет естественной перемены лесов», автор сообщает о наблюдавшихся им сменах. В том же году в «Лесном журнале» напечатана не менее интересная статья А. Е. Теплоухова «О приведении в известность и первоначальном устройстве лесов в частных имениях», в которой автор утверждал, что «...приведение в известность лесной площади, количества и достоинства находящегося в ней леса и всех обстоятельств, имеющих влияние на возобновление оногo и на сбыт лесных материалов,— есть основание всего лесоводства...».

Оригинальной надо считать и статью А. Е. Теплоухова «О пользе и вреде уборки вершинника, хвороста и другого сора в лесах», в которой вопреки обычным утверждениям о необходимости очищать лесосеки от порубочных остатков убедительно показано, как различно надо решать этот вопрос применительно к условиям леса.

Выдающийся интерес для своего времени представляли исследования графа Варгаса де Бедемара о запасах и приросте лесов в Тульской, Петербургской и Симбирской губерниях. Автор ставил перед собой задачу «в точности определить законы производительности лесов и составить опытные таблицы, удобоприменяемые в таксации лесов». Так пытался Варгас де Бедемар на основе научного исследования решить практическую задачу. Еще в 40-е годы XIX столетия он понимал, что исследования надо вести по типам леса.

Перечисленные работы, опубликованные в «Лесном журнале», в противоположность статьям Гиндельмана и Уханцева, написаны лесоведами наблюдательными, критически мыслящими, теоретически хорошо подготовленными, с большим практическим опытом, хорошо знавшими русские леса и хозяйство в них. Эти работы являются ценным вкладом в историю лесного хозяйства в России.

В 1845 г., когда журнал начал издаваться Вольным экономическим обществом, редакция поставила в известность, что она «единственно стремится к одной цели: распространить в отечестве понятие о рациональном лесном хозяйстве и возбудить желание к его изучению». За журнал была назначена такая умеренная цена (рубль серебром), что только при большом числе подписчиков могли оправдаться издержки на его издание.

Программа журнала намечалась такая: I. Леса и лесоводство в России; II. Леса и лесоводство в иностранных государствах; III. Библиография; IV. Смесь. Как видно из программы, Вольное экономическое общество ставило перед собой задачи более скромные, чем Общество для поощрения лесного хозяйства; журнал должен был носить осведомительный характер.

Ряд статей в «Лесном журнале», издававшемся шестым отделением Вольного экономического общества, представлял несом-

ненный интерес: например, статья Г. Н. Анненкова «Лесоводство в Моховом, заведываемом г. Майером», заимствованная из журнала «Сельское хозяйство и овцеводство», «Шелкопряд хризореа, появление его в лесах Курской губернии и причиненный им вред» и некоторые другие. Исключительно интересна статья «Что разумеется под именем рационального лесного хозяйства», в которой автор устанавливает общее положение, что «...главнейший предмет лесоводства и в особенности управления казенными дачами должен заключаться в приведении лесной почвы в такое состояние, чтобы она доставляла сколь возможно большую пользу государству и народу...» Утверждая, что «...все сочинения и учебные книги нерациональны уже потому, что в них нет предварительного пояснения цели, которой предлагается достигнуть, т. е. потому, что не указывают, каким образом привести лес в такое состояние, чтобы почва его приносила наибольшую пользу,— автор приходит к такому заключению: «Не рабское, бессмысленное исполнение правил, начертанных в знаменитейших лесохозяйственных сочинениях известнейшими германскими лесниками, составляет достоинство хорошего, практического лесохозяина, но практическая сноровка в избрании того, что действительно правильно и соответственно цели, в умении различить удобоисполнимое от несбыточного, в соображении отношения прибыли и убытка при введении различных хозяйственных мер, наконец, правильное и точное определение всего, что при известных обстоятельствах полезно и что вредно или бесполезно...» К сожалению, статья эта без подписи. Однако анализ содержания и стиля ее приводит к убеждению, что автором был А. Е. Теплоухов.

К концу 1851 г. содержание журнала ухудшилось, объем резко снижался: № 1—2 — 118, № 3—4 — 112, № 12 — 39 страниц. В этом году «Лесной журнал» прекратил существование, и шестое отделение было закрыто. Вновь журнал стал издаваться лишь в 1871 г.

«ГАЗЕТА ЛЕСОВОДСТВА И ОХОТЫ» В ПЕРИОД 1855—1858 гг.

С 1855 г. начинает выходить «Газета лесоводства и охоты» с приложениями в виде брошюр и книг, позже выходящими отдельными изданиями, с ежегодной субсидией Лесного департамента в 2500 р.

Первым редактором газеты был Ф. К. Арнольд. Его перу принадлежало большинство статей в первый год ее издания, скучных, неинтересных. На этом фоне несомненный интерес представляли, например, статьи А. Астаурова «Доход от лесов в отношении стоимости занимаемой ими площади», Г. Мальгина «Общий взгляд на состояние искусственного лесоразведения в Новороссии», ярко рисовавшего достижения в этой области, а также статьи Н. Шелгунова из-за границы о состоянии лесного хозяйства. В 1858 г. новый редактор газеты Н. Шелгунов, характеризуя содержание ее за прошлые годы и идейную направленность ее за прошлые годы, сознается, что «надеялся увидеть на страницах ее имена новых деятелей по части лесоводства в России, но, к сожалению, надежда эта не оправдалась вполне и из числа оригинальных статей, явившихся в печати в последние три года, не многие внесли в науку новую идею...». В статьях, касающихся описания разных лесных местностей, он констатирует «крайнее отсутствие жизни, наблюдений и типических особенностей, которые только и могут обрисовать рельефно характеристику отдельной местности...».

Потребность в газете, роль и значение ее Шелгунов характеризовал так: «Наступила новая эра, снова пробудилась жизнь, почувствовали мы, наконец, необходимость высказаться печатным словом, высказать свои наблюдения и заметки. Чувствуем мы, что нужно для наших лесов, знаем, что нужно их возобновить, да как это сделать? Много для нас неясненного, много спорного в самых пустых мелочах. Только специальное издание может служить местом выработки подобных вопросов, только такое издание проведет вообще в жизнь новые вопросы, наблюдения и поможет нам разработать наше еще очень сырое и очень молодое лесное дело».

В письме «От редакции» новый редактор писал: «...Трудно предположить, чтобы каждый из русских лесничих не имел за-

писи наблюдений и замечаний, сделанных в лесу им самим или подслушанных им у народа. Эти-то замечания, схваченные в русском лесу, а не извлеченные из немецких лесоводственных сочинений, не могут и не должны пропасть для науки!..» И потому он обращался ко всем лесничим, не чуждым лесного дела, «с покорнейшей просьбой сообщать описания лесных местностей, рисующие определенную физиономию описываемой местности, указывать причину дурного хозяйства или охранения лесов и средства устроить порядок в том и другом, местные способы продажи лесов, цены на материалы».

Шелгунов просил сообщать замечания на статьи, чтобы «газета могла служить органом и местом выработки современных лесоводственных идей в России». Итак, ставилась задача изучать русское лесное дело, исходя из положения, что «голый факт, как он есть — вот основание изучения, при этом не мелочное... Обстоятельства, в которых проявляется жизнь народная, играют чрезвычайно важную роль». В других статьях новый редактор настаивал на том, что «лесное дело нельзя отделять от жизни, что лесоводство как отвлеченное знание не существует».

В ряде чрезвычайно интересных статей «Из Пруссии», «Из Франции», «Из Швеции», помещенных в газете в 1858 г., Шелгунов показывает, как развивалось там лесоводство, лесные законы в связи с экономикой и политикой. Эти статьи — результат не поверхностных наблюдений туриста, а знакомства с лесным делом на местах, серьезного изучения исторических документов, представляющих интерес для историка и на сегодняшний день.

Стремление познать конкретную действительность, практику лесного дела в России поддерживает и талантливый, широкообразованный, один из виднейших сотрудников газеты Н. М. Зобов. В статье «Из дневника лесничего» (1858 г.) он писал: «...Теперь самая простая заметка, сделанная в лесах, драгоценнее всех красноречивых разглагольствований о пользе лесоводства и вреде истребления лесов. Повторяем, что нам нужны факты прежде всего...». И лучшие из лесничих откликнулись. В газете в 1858 г. печатаются статья Б. Б. Гельта и критические замечания к ней О. Неманни и Ю. М. Блюменталья, заметка П. Бурбацкого о лесных культурах в Погонном Лосяном острове.

В этих статьях лесничие на основе личных длительных наблюдений и опыта высказывались за и против рубок лесосечных и выборочных, решали и на сегодня спорный вопрос об использовании порубочных остатков, о роли лесных рабочих и лесных культур и т. п. «Нельзя представить себе,— писал в 1858 г. Н. М. Зобов,— с каким живым любопытством читали мы заметки Бурбацкого, Гельта, Неманни... Ведь это же не теория, не туманное умозрение, а правдивый рассказ, как человек хозяйничал в лесу и как природа отвечала ему на заданный вопрос».

Надо внимательно прочесть статьи Зобова и Шелгунова в «Газете лесоводства и охоты», чтобы представить себе, какими

теоретическими и практическими знаниями обладали эти два лесоведа, глубоко преданные лесному делу. Но уже тогда наметились идейные разногласия между Шелгуновым, начинавшим мыслить материалистически, и Зобовым, неисправимым идеалистом в лучшем смысле слова. Шелгунов пытался увязать свое «лесоводственное» мировоззрение с социально-политическими идеями, а Зобов писал: «Мы желаем, чтобы реформы имели основанием источник более глубокий, нежели экономические и социальные теории, еще ничем неоправданные. Пусть реформы выходят из глубины человеческого духа, из светлой мысли, чуждой предрассудков, из сердца, согретого теплотой любви...». Наряду с такими высказываниями звучали и другие мотивы. «Политическая экономия, статистика, администрация,— писал Зобов,— Бог с ними! Рассуждая об этих предметах, невольно выскажешь что-нибудь такое, что глубоко лежит на сердце, что кажется ясно как день, но о чем следует молчать, и этой излишней откровенностью еще навлечешь на себя неприятности...».

Автор этих высказываний не ошибся. В 1859 г. газету закрыли, так как оказалось, что «не обо всем можно говорить». В последнем номере газеты последний редактор ее Н. М. Зобов эзоповским языком писал: «Может быть будущий историк газеты скажет, что «Газета лесоводства и охоты» в той части знания, которая была ей отведена, явилась вследствие потребности современной мысли и в свою очередь имела влияние на развитие этой мысли, что она постоянно ратовала против всего отживающего... против педантизма, рутины, слепого подражания стране, которой условия совсем другие, нежели в нашем отечестве, против узких и своекорыстных убеждений...».

Заслугой газеты редактор ее считал то, что «она никогда не служила исключительным органом какой-либо партии и никогда интересы, чуждые науке, не запятнали ее страниц...». Заканчивал Зобов так: «Редакция газеты берет на себя смелость... сказать своим читателям, что, если она не сделала всего, что было должно, то сделала все, что могла».

Тематика книг и брошюр, выпускаемых газетой в виде приложений, слишком многообразна. Их содержание последовательно не развивает общую идею. Однако среди них были практически ценные книги Шелгунова «Лесоводство», «Съемка и нивелировка для лесоводов и сельских хозяев» и брошюра «Питомник. Наставление к устройству его и нормальная смета».

Судьба «Газеты лесоводства и охоты» была такой же, как и судьба «Лесного журнала». Неоправданными оказались надежды создателей ее помочь лесному хозяйству встать на правильный путь.

ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЛЕСНЫЕ ШКОЛЫ В 30—90-е ГОДЫ XIX СТОЛЕТИЯ

О состоянии частного лесного хозяйства в 30—90-е годы XIX столетия говорят, например, такие документы.

Лесное хозяйство «Опыты практического применения правил лесного хозяйства и разведения лесов, — писал в 1834 г. очень культурный для того времени помещик Андреевский, — почти не известны у нас, по хозяйству не привыкли презирать в будущее и мало думают о потомстве, некоторые до сих пор считают разведение леса делом бесполезным и невозможным... Некоторые из немецких колонистов в Симферопольском уезде оставили часть отведенных им земель под поросль, охраняя от скота, и в 32 года возрастили дубовый лес. Наши владельцы при новом поселении не делают ничего к улучшению хозяйства и или пускаются в спекуляцию».

Гродненский губернский лесничий Ковальский, сообщая в 1836 г. о состоянии лесов и причинах истребления их на лесистом северо-западе, писал: «За исключением Беловежской пуши, казенных лесов и некоторых владельческих дач в лесистых уездах, многие лесные пространства совершенно обнажены от большемерных и строевых деревьев, одна кустарная можжевельковая поросль, вытеснив все прочие породы, свидетельствует о существовании на тех местах лесов». К главнейшим причинам истребления лесных дач он относил издавна допускавшиеся поселения крестьян внутри лесов. Крестьяне расчищали лес, заботясь только о расширении полей.

Из отчета за 1837 г. видно, что Общество для поощрения лесного хозяйства собирало сведения о владельческих лесах в России, чтобы составить из них по возможности полную лесную статистику, и столкнулось с препятствиями. В отчете указывалось, что «частные леса в большей части губерний не межеваны и сами владельцы не знают в точности ни пространства, ни насаждения. Старший лесничий Г. Ошман в статье «Сведения о лесах Новгородской губернии» (1838 г.) сообщал, что частными лесами здесь занято 4785855 десятин, а их состояние характеризовал так:

«В частных лесах Новгородской губернии нет еще никакого хозяйства, и попечение владельцев о своих лесах ограничивается только охранением оных от значительных порубок и пожаров; ежегодные же вырубki производятся без всякого соображения с запасом лесов, весьма часто целыми участками, которые покупают лесопромышленники.

Насажение лесов по берегам судоходных и сплавных рек вообще скудно по причине несоразмерно больших вырубок в прежнее время и случайных пожаров... По берегам Шексны, Мологи, Паши, Мсты и Волхова, в расстоянии 15 или 20 верст от берегов, строевой лес уже почти весь потреблен, а дровяного, березового и ольхового столь мало, что цены на оный поднялись».

С 1837 г. управление лесами из министерства финансов перешло в систему министерства государственных имуществ, которое возглавлял П. Д. Киселев — прогрессивный для своего времени государственный деятель, бывший руководитель Секретного комитета 1835 г., вырабатывавшего план постепенной ликвидации крепостного права. П. Д. Киселев поручил ряду лиц проверить состояние лесов во многих губерниях. Вот, например, несколько донесений министру, поступивших от ревизоров.

Из Вологодской губернии писали: «Почти везде на расстоянии 10 верст от реки Двины, Сухоны, Лузы и Юги леса опустошены. Лес отпускается без счета по одним и тем же билетам несколько раз...». Из Олонецкой губернии сообщали: «В недалеком расстоянии от сплавного пути леса в большом оскудении, а вблизи лесопильных заводов чрезмерно истреблены. Всякий рубит, где ему ближе и удобнее, или где находит лучшие деревья. Правила о взятии лесных билетов не соблюдаются». В Архангельской области: «... для управления лесами приходится на каждого лесного чиновника слишком 2½ млн. десятин, на пожарного старосту — до 209 000 десятин, на полесовщика — до 175 000 десятин, — понятно, каков может быть надзор». Из Воронежской губернии писали: «В Павловском уезде Шиловская дача, изобиловавшая при Петре Великом корабельными дубами, в настоящее время из пространства 24 000 десятин сберегла только на 2600 десятинах дубовые деревья, а остальной лес годен только на дрова, колья и жерди», а «в Трубчевском уезде Орловской области на пространстве 66 000 десятин казенного леса нет ни одного строевого дерева».

Приведенные донесения достаточно ярко характеризуют состояние лесного хозяйства в северной и центральной России в конце 30-х годов XIX столетия. Не лучше обстояло лесное дело и в более южных районах. Известный прогрессивный помещик В. Каразин писал: «Около Кременчуга (Полтавской губернии. И. Б.) видел я еще в моей молодости трехаршинные в диаметре пни дубов на большом, недостижимом взглядом, пространстве. Теперь там совершенно бесплодный хрящ, крупный песок».

О состоянии лесов в одном из лесистых уездов Нижегородской губернии лесничий Панов в 1845 г. сообщал следующее: «Вообще Мадаевская дача (площадью в 12 200 десятин) при хорошем хозяйстве могла бы быть, кажется, образцовою для целого уезда, но чрезмерные прежние порубки привели ее в совершенное расстройство. В продолжение 30 лет вырублено в ней более 500 тыс. дерев разного рода — частью самовольно, частью для удовлетворения крестьян... Кроме самовольных порубок — беспрерывные расчистки Мадаевского леса под пашни и нерадение уборке валежника, которого весьма много находится в даче. Мамлевская дача — площадью более 6 тыс. десятин, оольшая часть ее истреблена пожаром, бывшим в 1841 г. Все погоревшее пространство покрыто валежным лесом, частью уже гнилым, частью годным еще на отопление крестьянских домов, частью же ныне очищено и обращено крестьянами под пашни».

Критически мыслящий лесничий А. Е. Теплоухов так характеризовал в 1848 г. состояние помещичьих лесов:

«1. Цельных сплошных лесов нет, но они испещрены пусто-тами, прогалинами и площадями, расчищенными под уголья.

2. По всем направлениям лесов проложены во множестве кривые летние дороги, тропинки и зимние волоки. Около сих мест все лучшие и старые деревья вырублены, подрастающие подсочены, надрублены и всяким образом попорчены.

3. Внутри насаждений множество валежника, вершинника и хвороста.

4. Образующиеся на мелких прогалинах после вырубки единичных дерев молодые подросты заглушаются отенением остальных дерев. А на больших площадях и пустошах внутри леса, при хорошей почве, подросты скашиваются обыкновенно вместе с травой или вытаптываются блуждающим скотом».

Правительство издавало разные указы, которые должны были противодействовать лесоистреблению. Так, 26 октября 1831 г. был издан указ «О воспрещении в некоторых губерниях истребления дерев на изделия для обуви». 10 ноября 1832 г. издан указ «Об отделении повсеместно особых лучших участков в лесах казенных поселян под названием заказных рощ», а 20 февраля 1833 г. обнародован закон «О постепенном введении постоянной лесной стражи в Петербургской, Московской, Воронежской, Екатеринославской губерниях». Однако эти указы оказались безрезультатными. Оценку им дал Ф. К. Арнольд. По его утверждению, все узаконения до крестьянской реформы исходили из основного положения указа 1782 г. императрицы Екатерины II, гласившего, что «продолжающиеся до сего времени о лесах учреждения обращались более в стеснение собственности наших подданных, нежели приносили пользу Адмиралтейству нашему».

Даже в тех хозяйствах, где проводились какие-то лесные работы, они носили характер подневольного труда. Н. М. Зобов,

профессор Петербургского земледельческого института, в 1869 г. так писал об этом: «С Петра Великого до наших дней преобладал в нашем лесоводстве обязательный труд. Стоит только вспомнить полесовщиков и пожарных старост, лашманов, сторожей из стрелковых баталионов, военно-лесных сторожей с содержанием 15 р. в год, наряд на лесные работы, подводы лесничим и т. д. Труд этот как обязательный был мало полезным, а поскольку он был даровой, не требовалось никаких размышлений и хозяйственных расчетов в лесном хозяйстве, основанных на знании и длительном опыте».

Как относились крестьяне к работам по лесонасаждению, показывает следующее:

«Государственные крестьяне близлежащих сел,— сообщал в 1873 г. Л. Г. Барк,— обязаны были отбывать лесную повинность в размере 12 рабочих дней на ревизскую душу в год — в Велико-Анадольском лесничестве бесплатно, что возбуждало в них чуть ли не ненависть к лесоразведению. Кроме того, производились у них по временам попытки обязательной посадки дерев, например, обсадки улиц тополями, что производилось как всякая обязательная работа чрезвычайно небрежно, под руководством не сведущих волостных и сельских урядников, почему все посаженные деревья очень скоро засыхали и при этом только один результат: крестьяне возбуждались негодованием против тех немногих односельцев, которые по собственной охоте разводили у себя сады и нередко бывали такие случаи, что только что посаженные деревья оказывались на другое утро вырванными с корнями, и это все из опасения, что начальство, видя успех дроворазведения у некоторых крестьян, заставит и остальных заниматься этим делом».

Любопытна такая деталь: количество бесплатно отпущенных саженцев всегда было вдвое меньше проданных.

Известную заботу о лесонасаждении в степях проявил министр государственных имуществ П. В. Киселев. Объезжая менонитские лесонасаждения в Херсонской губернии, он распорядился «устроить это дело на более прочном основании». Но результаты новых посадок оказались плачевными. При селении Шибы весной 1841 г. засеяны были, например, две десятины грабовыми семенами, которые вовсе не взошли. Близ селений Дубовка и Гаянка весной 1841 г. были сплошь засеяны до двух десятин дубовыми желудями и семенами береста, ясеня, клена, липы и березы, но вместо них взошли бурьяны и репейник. По официальным данным, за время с 1840 по 1845 гг. рассажено деревьев и черенков 549 929, из которых к 1847 г. оказалось «благонадежных» 227 159. Естественно, что в последующие годы отпад продолжался. Причина этих неудач кроется в следующем. Плантации создавали на довольно больших пространствах, в значительных расстояниях друг от друга и от лесничего, деревья для посадки выкапывали без надлежащего сбережения

корней, черенки брали от побегов, на которых не было почек, посевы производились семенами, присланными из других губерний.

Однако известны отдельные случаи, когда правительственные распоряжения выполнялись, и искусственное лесоразведение давало положительные результаты. Так, по сообщению Ю. Витте, лесохозяину отводилось 45 десятин земли, из которой 1 десятина должна была быть покрыта лесом. Хозяин обязан был ежегодно весной посадить известное число деревьев, не считая тех, которыми он должен был заменить пропавшие. Ежегодно комитет для поощрения садоводства, лесоводства и шелководства осматривал все плантации в округе, пересчитывал деревья и штрафовал, если плантация была не в должном порядке: не очищена от сора, насекомых и не огорожена.

Были, конечно, отдельные помещики, понимавшие значение леса, выделявшие много средств для разведения лесов, сбережения их, пропаганде этой полезной деятельности. Так, В. Я. Ломиковский с 1809 г. использовал каждый отрезок своей земли для посадки деревьев. На примере личного опыта он показывал, что на четвертый год лоза, выращенная из прутьев, может быть использована на ограду и обручи, что к 21-му году диаметр отдельных пород на высоте двух аршин достигал для сосны — 25, дуба — 35, осокоря — 90 см. Пропагандируя разведение лесов, Ломиковский в 1837 г. утверждал, что его «счастливые успехи еще могут засвидетельствовать и то, что правильное лесоводство, кроме собственной пользы, весьма много содействует и пользам сельского хозяйства». И. Я. Данилевский оставил детям до 1000 десятин соснового бора, которым он засадил некогда сыпучие пески.

Значительный интерес представляли работы по ведению правильного лесного хозяйства в имении Марьино Новгородской губернии и исключительно большого масштаба мероприятия по ведению такого же хозяйства, проведенные в 1841—1858 гг. в Пермском майорате графини С. В. Строгановой выдающимся для своего времени лесничим А. Е. Теплоуховым. Статьи об этих работах представляют интерес и на сегодняшний день.

Исключительного внимания заслуживают работы по лесонасаждению Ф. Х. Майера, приглашенного управляющим в имение И. В. Шатилова Моховое Тульской губернии, где он не только разводил лес на неудобных землях, склонах, но и организовал питомники, из которых по недорогой цене отпускался посадочный материал. Хозяйство это довольно подробно описано в 1851 г. Г. Н. Анненковым.

Деятельность Майера по распространению саженцев лесных пород иллюстрируется данными табл. 1.

Интересна такая деталь: так как выкапывание и отпуск небольших количеств саженцев нельзя было поручить поденщику, цена за десятки назначалась вдвое дороже, чем за сотни, а за

Порода	Количество проданных саженцев							
	1848 г.	1849 г.	1850 г.	1851 г.	1852 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.
Ель	9650	92 300	10 878	53 596	10 000	499	74 948	301 327
Береза	5000	20 800	13 900	600	2 200	148 950	77 715	274 565
Лиственница . . .	—	—	—	8 580	1 600	27 711	22 465	60 350
Сосна	—	—	2050	10	—	13 610	27 513	43 184
Веймутова сосна	—	—	—	114	123	3	19 447	19 687
Липа	—	100	—	6 020	1 110	4 540	5 470	17 240
Клен	—	50	250	200	—	8 100	1 515	10 145

сотни вдвое дороже, чем за тысячи. Эту меру Майер считал оправданной тем, что «цель заведения есть распространение и облегчение разведения лесов, и только этой цели мы посвятили труды свои».

В 1834 г. по замыслу, инициативе и проекту графа Канкринна Министерством финансов учреждено было в казенной Лисинской даче учебное лесничество «для образцового в большом виде правильного лесоводства и для введения воспитанников Петербургского лесного института в надлежащую по лесной части практику». Для пользы владельцев, желающих иметь сведущих лесничих, при учебном лесничестве учреждено было Егерское училище по подготовке лесников.

В параграфе 30 положения об училище было записано: в Егерское училище «принимаются пансионеры... из людей свободных или помещичьих, не менее как на два и не более как на четыре года... Они должны уметь читать и писать и отчасти знать арифметику, быть не моложе восемнадцати лет и добропорядочного поведения.»

Егери обучались: 1) «Правилам лесоводства, по коликую оные нужны для ведения на практике доброго лесного хозяйства; 2) черчению; 3) арифметике, составлению счетов и ведомостей, началам российской грамматики и сочинению обыкновенных по лесным делам бумаг; 4) началам геометрии и стереометрии, измерению земли и нивелировке, по коликую сие может быть произведено в действо без предварительных высших познаний...».

Параграф 35 положения требовал, чтобы егери вовлекались во все практические занятия лесных практикантов и другие работы, но оговаривалось «отнюдь не в тяжелые или домашние в пользу учебного лесничества работы, ниже в услугу чиновникам». Если учесть, что поступающие в училище, по положению, «одеяние и ружье с прибором должны иметь собственные, как

равно и постель и белье», что «за стол и за обязанность мыть их белье начальник должен брать не более трех сот рублей в год, получая сию сумму за год вперед», надо полагать, что поступать в Егерское училище могли отнюдь не крестьянские дети.

В 1869 г. Егерское училище было переименовано в Лисинское лесное училище с 200 учеников, из них 150 казеннокоштных. Оканчивающие курс училища получали звание кондукторов 1-го и 2-го разряда. С 1886 г. прием в училище был прекращен. За время существования оно выпустило 1109 кондукторов, 134 лесных объездчика и 40 стражников.

В 1871 г. в ведении лесного казенного управления состояло только одно Лисинское лесное училище. Школа лесников Бердянского лесничества закрылась за отсутствием желающих поступить в нее, прием в Липецкое училище новых воспитанников был прекращен в 1870 г.

В программе 1869 г., которая оставалась в силе до 1874 г., от поступающих в училище юношей, не моложе 15 и не старше 19 лет, требовалось уметь читать и писать по-русски, знание первых четырех правил арифметики над целыми числами, главные основания лесовозращения главнейших древесных пород, лесная ботаника, лесные законы, съемки и нивелировка.

В силу высочайшего повеления 21 мая 1874 г. программа для преподавания в училище была расширена до программы средних реальных учебных заведений. Соответственно этому от поступающих требовалось полное знание курса трех низших классов гимназии (без древних языков) или реальных училищ. Лесовозращение, лесная таксация, ботаника, технология читались со второго курса в более обширном объеме. Вопрос о подготовке кондукторов, о правах и обязанностях их затрагивался в ряде статей «Лесного журнала».

С 1 июля 1888 г. Лисинское учебное лесничество и состоящее при нем училище были упразднены. Для подготовки кондукторов постановлено было открыть 10 низших лесных школ в лесничествах губерний Петербургской, Московской, Тульской, Воронежской и других с 15 учениками в каждой школе.

В распоряжении Лесного департамента в 1899 г. указывалось, что «надо принять все меры к распространению сведений об этих вновь открывающихся школах в соответствующих учебных заведениях и среди того класса людей, дети которых по своей способности и привычке к физическому труду и скромной сельской жизни были бы наиболее пригодны для замещения должности лесных кондукторов после обучения в лесных школах». Чтобы и крестьянские дети могли поступать в эти школы, 10 человек в каждой принимались на полное казенное содержание, а остальные только не платили за обучение и бесплатно снабжались учебными пособиями и письменными принадлежностями.

В 1837 г. в ведение Министерства государственных имуществ был передан Петербургский лесной институт. В том же году он был реорганизован в военно-учебное заведение — Лесной и межевой институт, в составе лесной и межевой рот. Число учащихся в нем было увеличено, программа расширена. В 1859 г. в институте был открыт специальный курс для молодых людей, окончивших университет. Обучение продолжалось 17 месяцев, из них теоретические науки преподавались в течение 7 месяцев, а 10 месяцев уделялось практическим занятиям в Лисинском учебном лесничестве.

Форма одежды Лесного и межевого института

В 1863 г. Лесной и межевой институт и специальный курс были закрыты, а открылась Петербургская лесная академия с двухлетним курсом преподавания. Поступать в нее могли лица, окончившие университет или гимназию.

В 1865 г. Петербургская лесная академия была закрыта, а вместо нее в том же году в Москве была открыта Петровская земледельческая и лесная академия, в которой и сосредоточено было высшее лесоводственное образование. Об уровне последнего можно судить по отчету о деятельности академии за 1870—1871 гг. В нем сообщалось, что число слушателей академии — 227, из них потомственных дворян и обер-офицерских детей 58,6%, лиц духовного звания 14,5, мещан и цеховых — 9,3, купцов — 5,3 и крестьян — 5,3%. Из общего числа слушателей только 36% окончили курс в средних учебных заведениях, остальные поступили из низших учебных заведений. Лесную таксацию здесь преподавал проф. В. Т. Собичевский, а лесоводство Ф. К. Арнольд.

С 1886 г. в Петровской земледельческой и лесной академии лесное отделение закрылось и она преобразовалась в агрономическое учебное заведение.

Ф. А. Постельс

Н. Н. Раевский

В. Т. Собичевский

Н. С. Шафранов

З. З. Керн

Директоры Петербургского лесного института

Ф. К. Арнольд

*А. Р. Варгас
де Бедемар*

П. Н. Вереха

Л. Бонн

К. Гайер

Э. Эбермайер

Ф. Юдейх

Почетные члены Петербургского лесного института

Преподавание лесоводства сосредоточилось в Петербургском земледельческом институте (бывш. Гори-Горецком земледельческом институте). В 1869 г. в нем уже функционировали три кафедры специальных предметов. В 1880 г. агрономическое отделение Петербургского земледельческого института было закрыто и утверждено положение и штат Петербургского лесного института¹ с четырехлетним курсом преподавания.

Итак, одни школы закрывались, другие открывались, менялись цели и программы преподавания, ничтожно было количество воспитанников в них сравнительно с потребностью казенного и частного лесного хозяйства в лесничих, кондукторах и грамотных стражниках. Ничтожно было и количество преподавателей достаточной квалификации, поэтому преподавание в Лесном и межевом институте не могло стоять на должной высоте.

Такая несовершенная подготовка специалистов по лесному делу, крайний недостаток в них не могли не привлечь внимания более или менее прогрессивной части начальствующих чиновников. Товарищ министра государственных имуществ князь Д. А. Оболенский предложил совету Лесного общества рассмотреть вопрос об увеличении комплектования корпуса лесничих лицами, специально подготовленными для лесной службы. На собрании общества 8 мая 1871 г. это предложение рассматривалось одновременно с запиской П. Н. Верехи о необходимости изучения предложения Оболенского вместе с общим вопросом о средствах распространения лесоводственных знаний. Подготовить соответствующие материалы было поручено Д. И. Шилову.

«Одним из капитальных, если не капитальнейшим недостатком существующих школ,— писал в 1887 г. преподаватель Лисинского лесного училища, видный лесничий Д. М. Кравчинский,— считается неудовлетворительность постановки в них практического преподавания и обучения, почему результат этих школ часто становится, по общему мнению, совершенно не соответственным тем требованиям и условиям, в которых в настоящее время поставлено у нас лесное дело...».

И. Бабст в 1857 г. сообщал, что в России больше чем на 100 млн. десятин казенных лесов около 700 лесничих. В среднем на каждого лесничего приходилось около 150 тыс. десятин леса, тогда как в Пруссии на каждого обер-форстера — только 3750, в Вюртенберге — 1179 и в Саксонии — 909 десятин.

Н. М. Зобов, бывший лесничий Казанской губернии, а позже начальник отдела Лесного департамента, в 1869 г. писал о том, что в Германии с площадью лесов в 14 млн. десятин из высших

¹ В 1929 г. был реорганизован в Ленинградскую лесотехническую академию имени С. М. Кирова (прим. ред.).

школ выходило ежегодно до 300 специалистов по лесному хозяйству, даже в Испании было два лесных института (в Мадриде и Кордове), в Финляндии был один лесной институт. А в России на 110 млн. десятин казенных и около 50 млн. десятин частных лесов в конце 60-х годов XIX столетия было только одно высшее лесное заведение, и то объединенное с агрономическим.

Насколько медленно росло в России число лесничих с высшим образованием, показывает следующее: к 1837 г. на службе по Лесному управлению состояло классных чинов всего 507 человек, из них только 84 (16,6%) получили специальное образование по лесному делу. По сведениям И. Бабста, в 1857 г. из 700 лесничих только 200 (28,6%) получили специальное лесное образование.

На собрании Лесного общества 6 июня 1871 г. начальник отделения Лесного департамента Д. И. Шилов сообщал, что в центре, в Лесном управлении, числится на службе до 100 человек, окончивших курс лишь в уездных училищах, в низших военно-учебных заведениях или получивших только домашнее воспитание. В составе же всего Лесного управления из 817 человек (ревизоров лесоустройства, таксаторов, губернских лесничих) 260 (31,8%) не получили специального лесного образования. По сообщению Ф. К. Арнольда, в 1881 г. Лесное управление располагало всего 749 классными чинами, из которых только 53,1% получили специальное и общее образование.

О качественном составе лесничих можно судить также по высказыванию Н. М. Зобова в 1858 г.: «У нас есть между лесничими бюрократы, продавцы леса, счетчики, приказчики, преследователи безбилетно провозимых лесных изделий, светские щеголи, военные косточки,—одним словом, есть чиновники по лесной части, но еще мало лесничих».

Лесничий Б. Ф. Павлович в 1877 г. писал: «Хотя у нас еще не вполне определен тип казенного лесничего, но все-таки уже пришли к каким-нибудь понятиям на этот счет. Известно, например, что местный лесничий должен быть прежде всего хороший чиновник и обладать хотя некоторыми элементарными понятиями об лесной администрации. Затем определено, что лесничий должен иметь здоровые ноги, качество рук определено, по крайней мере, в отрицательном смысле, оне не должны быть заgreбисты. Но голова и физиономия лесничего, если и очерчены уже, то очень туманно».

Какой была подготовка студентов Лесного и межевого института в начале 60-х годов, видно из воспоминаний лесничего П. И. Жудры, который в 1888 г. писал: «А какие были наши познания в теории лесного дела и в науках, составляющих фундамент онаго? По чистой совести мне приходится заявить, что если означенные познания не представляли совершеннейший нуль, то во всяком случае крайне незначительную величину... За исключением систематики растений, мы были круглые невежды в естественных науках... К самостоятельным работам мы уже

абсолютно не были подготовлены... Лесоводство было для нас полнейшая terra incognita».

Каковы же были возможности для лучших из лесничих повысить свои знания? Профессор Петербургской лесной академии В. Т. Собичевский писал: «Местный лесничий должен по необходимости довольствоваться сведениями, вынесенными им из аудиторий специального заведения; дополнить их нечем: русских сочинений, вполне соответствующих современным успехам науки, почти нет; достать иностранные, если допустить даже знание языков, очень трудно и далеко не всегда по средствам; об учреждении же между нашими лесничими читальных обществ, распространенных в настоящее время в Германии, нет и помина...».

Еще хуже обстояло дело с подбором лесничих в частных лесных хозяйствах. Надо было создавать новые лесные школы, но для них не хватало высококвалифицированных преподавателей, обладавших достаточными теоретическими познаниями и длительным опытом по работе в лесном хозяйстве.

В большинстве помещичьих имений лесами управляли немцы, приехавшие из Германии. В одной из немецких газет, К. Ф. Тюрмер, немец, давно поселившийся в России, так характеризовал этих управляющих: «Большинство немецких лесных хозяев, встречающихся теперь в России, недостойны этого названия, и трудно решить, кому из них надо отдать преимущество — честным ли, но невежественным немецким сторожам или же не честным на руку немецким специалистам...».

Главный управляющий лесами графа Уварова, талантливый лесной хозяин К. Ф. Тюрмер в письме в журнал «Allgemeine Forst und Jagd Zeitung» в 1882 г. делил немцев-лесничих, состоявших в роли управляющих помещичьими лесами, на три категории: 1) «егерей» без образования, делающих незавидную честь немецкому имени и немецкой лесной науке; 2) настоящих немецких лесничих — специалистов, которые не знают и не хотят знать местных условий и полагают, что все в России нехорошо, кроме их «собственной персоны», и приносят русскому лесному делу несравненно более вреда, чем пользы, и 3) лесничих-авантюристов, непризнанных «гениев», странствующих по России, нигде не могущих ужиться и под конец попадающих под покровительство немецкого благотворительного общества.

«Злоупотребления всегда были и будут — это печальный закон человеческих обществ, но едва ли в наше время возможны такие грандиозные преступления лесничих, какие имели место в старые годы, при регламентации не менее обширной и суровой, чем нынешняя», — писал лесной ревизор П. И. Жудра в 1875 г., характеризуя нравственный уровень части лесничих тех лет.

Встречались лесничие знающие, опытные, горячо любившие лесное дело, всей душой преданные ему, но таких было мало. Блестящие образцы хозяйствования в частных лесах показали Ф. Х. Майер в имении И. Д. Шатилова, Ф. А. Тепло-

угов в майорате С. В. Строгановой и др., но слишком ничтожно было количество лесовладельцев, желавших и умевших создать им нужную обстановку.

Лесное хозяйство в пореформен- ный период

Для исследования положения в сельском хозяйстве 26 мая 1872 г. по высочайшему повелению была учреждена специальная комиссия. Она начала работу в ноябре 1872 г. и после 52 заседаний была закрыта в апреле 1873 г. В своем докладе комиссия так характеризовала состояние лесов в пореформенный период.

«Большие лесные пространства уничтожались вследствие недостатка средств к жизни и капиталов для ведения хозяйства, вследствие трудности охранения лесов от порубок и огромного требования лесного материала для железных дорог. Вырубленные площади распахивались или забрасывались; новых насаждений или охранения молодой поросли на лесосеках от выгона скота нигде не делалось. По единогласным заявлениям, сделанным в комиссии, обезлесение во многих местностях идет с такою ужасающею быстротою, что оно уже начинает отражаться на изменении климата... на обмелении рек и источников...».

Комиссия установила, что продавались «большие площади леса на сруб за какую бы то ни было цену», что «допускалась отдача вырубленных пространств под пастьбу скота, так как это пользование доставляло хотя некоторый постоянный доход», что точных сведений о пространстве лесов не имеется, так как в точную известность приведено только 26% казенных лесов, остальные казенные и все частные леса числятся по старинным планам, или же вовсе без планов», что «казенно-крестьянские леса, за немногими исключениями, находятся в плохом положении и представляют большую часть насаждения, весьма истощенные неправильною рубкою; если состояние лесов казенного лесного управления, в общем их составе, нельзя признать удовлетворительным, то в гораздо большей степени это относится к частным лесам».

Приведя ряд статистических данных о неравномерном распространении и потреблении лесов, комиссия считала настоящим «устранение тех случайных или временных причин, которые содействуют быстрому истреблению лесов частного владения». Важно подчеркнуть, что причины истребления комиссия считала случайными или временными, ничем не мотивируя этот вывод.

Известный русский публицист, профессор химии А. Н. Энгельгардт, переселившийся из Петербурга в свое небольшое имение (Батищево Смоленской губернии), автор книги «Письма из деревни», выдержавшей три издания, после пяти лет работы в деревне так характеризовал помещичье хозяйство: «В каких-нибудь 15 лет большинство хозяйств, все, в которых господствует старая система, пришли в совершенное расстройство: хо-

зьев нет, постройки разрушились, поля на две трети запущены и превратились в плантации лозника, орешника и березняка... в настоящее время в наших местах, по крайней мере, вовсе нет хозяев. Никто в деревне не живет, никто хозяйством не занимается, все служат, все разбежались..., мужчин-помещиков осталось ровно столько, сколько нужно, чтобы занять должности мировых, управских, милицейских».

«Прошло уже семнадцать лет после «Положения»,— писал Энгельгардт через два года, а помещичье хозяйство несколько не подвинулось... Ни выкупные свидетельства, ни проведение железных дорог, ни вздорожание лесов, за которые владельцы последнее время выбрали огромные деньги... ничто не помогло помещичьим хозяйствам стать на ноги... все держится только на необыкновенной, ненормальной дешевизне труда».

Прошло еще шесть лет, и Энгельгардт так отзывался о помещичьем хозяйстве: «Пало помещичье хозяйство, не явилось и фермерства, а просто-напросто происходит беспутное расхищение — леса вырубаются, земли выпаживаются, каждый выхватывает, что можно, и бежит. Никакие технические улучшения не могут в настоящее время помочь нашему хозяйству. Заводите какие угодно сельскохозяйственные школы, выписывайте какой угодно иностранный скот, какие угодно машины, ничто не поможет, потому, что нет фундамента. По крайней мере, я, как хозяин, не вижу никакой возможности поднять наше хозяйство, пока земли не перейдут в руки земледельцев».

В процессе налаживания своего хозяйства, знакомства с помещиками на земских собраниях, с показателями их хозяйства на сельскохозяйственной выставке, где были представлены скот и сельскохозяйственные орудия, у Энгельгардта выкристаллизовалось четкое представление о помещичьем хозяйстве. Понимая, что вопрос о лесном хозяйстве и причинах отсутствия его нельзя решать в отрыве от сельского хозяйства, от вопросов землевладения и последствий крепостного права в форме отработков за отрезки, водопой, леса, он по существу ставил вопрос о передаче земли крестьянству.

На Втором всероссийском съезде лесовладельцев и лесохозяев в 1871 г. в Липецке видным землевладельцем Харьковской губернии И. Т. Голенищевым-Кутузовым был сделан доклад на тему «О полезном значении лесов и о мерах сохранения их на юге России». Целью своего доклада он считал «повторить многочисленные указания на необходимость лесов, повторить те жалобы, которые слышны отовсюду, на истребление их».

О вдумчивой постановке вопроса в лесном хозяйстве на юге говорят следующие, хотя и далеко не бесспорные, положения доклада Голенищева-Кутузова:

«1. Лес есть собиратель вод и хранитель их; 2. Он расходует запасы влаги гораздо равномернее, чем поля; 3. Образует в себе и над собой слой воздуха, который менее напольного воздуха

удаляется по температуре от средней температуры, наблюдаемой в известной местности, а потому он охлаждает и тем уменьшает стремительность потоков горячего воздуха, а с морозными ветрами делится теплом; 4. Лес способствует увеличению столба выпадающей атмосферной влаги в крае».

Констатируя массовое истребление леса на юге, докладчик утверждал: «Ни войны, ни разорительные набеги не сделали того, что сделал с нашими лесами пар (речь идет о паровых двигателях. И. Б.) ...Наши потомки в состоянии будут сказать, имеем ли мы право хвалиться нашими реформами после ограбления страны, которое мы произвели. Этот грабеж — самый гнусный и по силе последствий и потому еще, что мы грабили даже тех, которые не могут взывать о помощи, так как мы грабили будущее поколение».

Указав на возможность использования для отопления каменного угля и торфа, на неправильную политику в отношении крестьянских лесов, Голенищев-Кутузов предложил меры сохранения лесов на юге, не претендуя на полную разработку этих мероприятий. Основные положения доклада и выводы Голенищев-Кутузов иллюстрировал фактами и цифрами.

П. И. Жудра в статье «Вопросы дня» в 1875 г. так характеризовал лесное хозяйство: «Крупные лесовладельцы уничтожают леса легальным путем, так сказать, оптом, крестьянское население идет к той же цели в розницу, по мелочам, нередко посредством преступлений. Таким образом, все и вся разоряет, истребляет: кто по нужде или невежеству, кто из корысти, а кто ради удовлетворения своей прихоти». В той же статье он пишет: «...Конечно и среди наших лесовладельцев бывают исключения, нередко встречаются и просвещенные собственники, которые ведут в лесах рациональное хозяйство... но подобные случаи, во-первых, единичны, во-вторых, носят характер скорее прихоти, роскоши... Большинство же лесовладельцев ни по убеждению, ни ради прихоти не чувствует ни малейшей симпатии к лесному хозяйству с его маленькими, по-видимому, процентами, и леса наши гибнут и гибнут, не защищаемые знаниями...».

Крупный землевладелец князь В. В. Васильчиков на съезде сельских хозяев в 1876 г. докладывал: «В последние годы все леса в окружности уничтожены... В настоящую минуту частные леса до того уменьшились, что я вынужден был бы прекратить производство сахароварения, если бы у меня не было 2 тыс. десятин собственного своего леса, разделенного на правильные лесосеки, и если бы казенное лесное ведомство не принялось в лесах своих за правильное извлечение из них доходов...».

Князь Васильчиков протестовал не против того, что лес рубят, а против хищнического, неразумного истребления, когда лес рубят, пни выкорчевывают, землю продают, чтобы, как он писал об одном из своих соседей, «раздобыть денег и средств к продолжению беззаботного житья своего в Москве и за границей»...

Доклад был напечатан в «Отечественных записках». Характеризуя состояние лесного хозяйства и иронизируя над некоторыми планами правительства по лесной части, князь Васильчиков писал: «Россия собирается осушать болота в почти бесплодных своих местностях, а пренебрегает черноземом и силится довести плодороднейшую почву Европы в полное состояние пустыни».

Доклад Васильчикова, богато иллюстрированный конкретным убедительным материалом,— это не рассуждения либерально настроенного интеллигента семидесятых годов. Это крик души крупного землевладельца-промышленника, знающего и умеющего хозяйничать по всем правилам современной ему науки, в течение 25 лет следившего за своим хозяйством и изучавшего лесное хозяйство Германии, Франции, Англии, а позже — в Балашовском уезде Саратовской губернии. Васильчиков рекомендует себя в статье как поборника «сортирования и очищения хлеба до крайних пределов, чтобы отбирать для посева самое полное, самое сильное зерно», что говорит о нем, как о дельном, прогрессивном помещике. Васильчиков был владельцем не только большого имения, но и свеклосахарного завода, работающего с 1839 г. и приносящего ежегодный доход от 17 до 20 тыс. р.

«Частные владельцы, конечно не все, а только многие, очень многие,— писал лесовод, проф. Ф. К. Арнольд в 1884 г.,— продают лес за бесценок, с рассрочкою платежей и без всяких таких условий, которые бы имели целью сберечь лес и способствовать новой поросли, но в некоторой степени стеснительных для купцов. Из таких лесов продается не один прирост их, нет, их сводят, сколько межкою охвачено,— была роща, а через год, другой — пустырь»: Таким было лесное хозяйство в 70-е годы.

Ниже приводится несколько строк, характеризующих положение дел с частновладельческими лесами в отдельных губерниях центральной России в 80-е годы. «Наша летопись,— сообщала редакция «Лесного журнала»,— как беспристрастная хроника событий прошлого года, имеющих какое-либо значение для русского лесного хозяйства, ничем существенным не отличается от летописей прошлых лет — это однообразное, длинное повествование о различных родах и видах лесоистребления, бессознательного и умышленного, необдуманного и корыстного...».

Из летописи 1884 г. мы узнаем, например, что в Путивльском уезде Курской губернии заповедные имения князя Барятинского охватывали площадь в 11 000 десятин, что «помещики придерживались одного принципа — лишь бы повыгоднее сбыть заповедные родовые рощи, лишь бы поскорее получить за них деньги и расплатиться с долгами...», что «громадное количество лесов попадает в руки богатого владельца свеклосахарных заводов Терещенко, который обращается с ними так же бесцеремонно, как и мелкие скупщики, и вырубает целые рощи, что недавно он

приобрел около 10 тыс. десятин прекрасного дубового леса у некоего Массалитинова и... теперь там не осталось ни прутика».

«На страницах наших периодических изданий»,— писал в 1888 г. Н. К. Генко,— встречается ежегодно такая масса фактов, свидетельствующих о безрасчетном истреблении лесов, что стоит лишь собрать их за несколько лет, чтобы получить во истину потрясающую картину всероссийского безрассудства, придерживающегося девиза — *Après nous le déluge*» (после нас — хоть потоп).

Так характеризовали состояние помещичьего лесного хозяйства помещики и лесоводы разных социально-экономических воззрений. Естественно, вставали вопросы, чем объяснить такое состояние, что побуждало лесовладельцев так вести лесное хозяйство, в чем причины такого отношения к лесу. П. И. Жудра одной из причин такого состояния считал равнодушие общества к лесному делу, объясняющееся отсутствием лесоводственных знаний. Ряд его знакомых, отлично владевших живыми, мертвыми языками, знающих в совершенстве археологию, политику и т. п., выражали немалое изумление, услышав, что у сосны есть цветы, «точно эти органы растений свойственны только розам и камелиям»,— писал он, иронизируя.

«Крестьянская реформа, побудив помещика к ведению хозяйства, застигла его в большинстве случаев без знаний, одинаково по сельскому хозяйству, так и по лесному хозяйству»,— писал профессор Петербургского лесного института А. Ф. Рудзкий, прекрасно знавший состояние частного лесного хозяйства.

В книге «Лесные беседы» в 1881 г. он так объяснял причины обезлесения: «Преимущественно отсутствием представления о лесе, как о весьма важном и надежном источнике постоянного дохода, должно быть, по нашему мнению, объяснено повальное лесоистребление, начавшееся у нас после освобождения крестьян»...

Совсем иначе объяснял причины варварского отношения к лесу И. Т. Голенищев-Кутузов в докладе на Втором всероссийском съезде лесовладельцев и лесохозяев в Липецке. «По времени,— сообщал он,— первичной причиной, с которой начался период лесоистребления, было безденежье владельцев при переходе хозяйства к вольнонаемному труду, опасения их за целостность лесов... А так как стройка железных дорог и сахарных заводов требовала больших количеств строевого леса и дров для отопления, неестественно возрос спрос на дрова. Оказалось, что из безденежья есть очень простой выход — на корню продать лес, ни о чем больше не заботясь». По утверждению докладчика, «большой спрос на лес служит искушением даже для таких владельцев, которые в прежнее время берегли леса — и те начинают поднимать на него руку». Тут же он указывал на роль банков, способствующих расхищению лесов, на возможность исполь-

зования для отопления каменного угля, торфа, на неправильную политику в отношении крестьянских лесов.

Видный лесовод, проф. Ф. К. Арнольд писал: «Потребность землевладельцев после 19 февраля сделалась больше, а бюджет для удовлетворения их значительно сократился. Лес понадобился за границу, на сахарные заводы, на разные фабрики,— почти вся новая промышленность начинала с того, что рубила и жгла лес... не продавать лес было невозможно».

В 1891 г. вышла из печати книга крупного лесовода К. Ф. Тюрмера — «Пятьдесят лет лесохозяйственной практики». Она написана немцем, приглашенным из Германии в 1853 г. для управления Порецкой лесной дачей графа А. С. Уварова. Здесь Тюрмер работал 37 лет. В этой даче под руководством Тюрмера были созданы высокопродуктивные леса на площади свыше 2500 га, являющиеся и сейчас красой и гордостью лесного хозяйства Московской области.

За успешное лесоразведение Вольное экономическое общество присудило К. Ф. Тюрмеру золотую медаль. Книга его представляет исключительный интерес не только потому, что в ней представлена история Порецкой дачи за 37 лет, но и благодаря высказываниям, характеризующим лесное хозяйство многих помещиков. Ниже приведены некоторые из этих высказываний.

«Ведению правильного лесного хозяйства в частных дачах,— писал Тюрмер в 1891 г.— мешает, главным образом, преследование лесовладельцами лишь личной выгоды, без всяких соображений о будущем» и продолжал: «Трудно представить себе, как безрассудно уничтожало большинство владельцев свои леса; как только чувствовался недостаток в деньгах, продавался один участок за другим, обыкновенно за бесценнок, на сруб, и от леса оставался лишь ничего не стоящий кустарник».

Так обстояло дело у большинства владельцев, распродавших свои леса. Не лучше оно было и у тех, которые продолжали вести лесное хозяйство. Тюрмер объяснял это тем, что до 1876 г. лесовладелец редко поручал свой лес управлению лесничего-специалиста. В доказательство он приводил пример: в одном имении с обширным лесом в качестве лесничего был приглашен немец, начавший карьеру с ухаживанья за больными в прусском лазарете; впоследствии этого «лесничего» сменил ямщик.

Не редко лесничими оказывались выслужившиеся домашние учителя, писари, землемеры, лакеи, повара, кучера и т. д. «Мне теперь еще известен один лес, писал К. Ф. Тюрмер,— величиною в 14 000 десятин, которым управляет врач, имеющий в то же время в своем ведении и больницу. Как ни дики подобные факты, но они случаются сплошь да рядом и служат свидетельством, какое ограниченное понятие имеют лесовладельцы о лесном хозяйстве».

Тюрмер приводил следующие доводы лесовладельцев — противников искусственного лесоразведения:

до того времени, когда посеянный и посаженный лес будет давать доход, мы не доживем;

если деньги, необходимые для производства культуры, отдать на проценты, можно получить более, чем от продажи искусственно выращенного леса; кроме того, с капиталом в банке имешь гораздо меньше забот, нежели с лесом;

лес ведь и сам собою вырастет, он и раньше рос без особого попечения о нем человека;

о сохранении лесов нечего особенно заботиться, так как у нас есть и без того огромные запасы горючего материала: каменного угля, торфа, нефти;

лесом достаточно богата Россия...

«Откровенно говоря,— писал К. Ф. Тюрмер,— слушая подобные доводы, в которых уже черезчур ясно проглядывает жестокий эгоизм, трудно удержаться в границах приличия, чтобы не возразить на это слишком резко...».

Так неодинаково объясняли причины лесоистребления достаточно авторитетные люди, хорошо знавшие лесное хозяйство. Одни (П. И. Жудра, А. Ф. Рудзкий, К. Ф. Тюрмер) искали их в отсутствии знаний, в эгоизме лесовладельцев, другие (Ф. К. Арнольд, И. Т. Голенищев-Кутузов) рассматривали массовое лесоистребление как следствие, результат развивающегося капитализма, вызвавшего развитие лесной промышленности и увеличившего спрос на лес и предложение его.

Вспоминая факты уничтожения леса на абсолютно лесных почвах, П. И. Жудра в статье «Вопросы дня» (1875 г.) писал: «Они ясно доказывают, что наука, любовь к родине, гражданский долг были чужды тем, кого судьба наделила подобными лесными пространствами. Велика ответственность их перед потомством; потомство не простит ни их невежества, ни их эгоизма. Не сомневаясь в том, что невежество — основная причина нерадивого отношения большинства крестьянства к лесу, он высказывал убеждение, что «школа, одна лишь школа должна помочь лесному делу».

В 70—80-е годы в «Трудах Вольного экономического общества», в «Отечественных записках», «Лесном журнале» и в газетах печатались статьи о правильном ведении лесного хозяйства. Особенный интерес представляли статьи самих землевладельцев. Например, в статье «Выгодно ли лесовладельцу лесной местности беречь свои леса, вести правильное лесное хозяйство?», опубликованной в «Трудах Вольного экономического общества» в 1876 г., лесовладелец Волынской губернии Ф. Треймут писал: «Вырубает, мол, Русь православная свои дремучие леса и ведет народонаселение к неминуемой гибели — вот тема, на которую давно уже пишется много и часто... беспощадное истребление лесов не может не влиять на распределение дождей и прежде всего может отозваться сухостью атмосферы и без того сухой местности...».

Сомневаясь в том, что «внукам не из чего будет строить дома, не на чем будет сварить обед, не чем будет истопить печку», он продолжал: «Слава Богу на необходимый строительный материал нашим внукам и правнукам хватит одних архангельских лесов, которые занимают пространство в 380 тыс. кв. верст; на обед и топку печей наши внуки, вероятно, будут употреблять русский каменный уголь...».

На вопрос о том, выгодно ли для лесовладельцев лесной местности беречь леса и вести правильное хозяйство, Треймут отвечает: «правильное лесное хозяйство только тогда доходно, когда лесная местность перестанет быть лесной». В качестве доказательства он приводит следующие данные: Тульская губерния, например, при пространстве 27 тыс. кв. верст имеет лесов около 1300 кв. верст, т. е. около двадцатой части всего пространства; смежные с ней губернии Московская, Рязанская и Тамбовская также малолесные. Средняя цена за десятину строевого леса в этих губерниях 400 р. и дровяного 250 р. А Волынская губерния занимает 63 тыс. кв. верст, лесов в ней 32 тыс. кв. верст, т. е. на половину всего ее пространства. Вследствие такой громадной массы лес продается здесь по 30 р. за десятину строевого и 20 р. за десятину дровяного.

Если волынский помещик выкорчует половину своего леса, выбирая землю лучшего качества, и «за выкорчевку будет даром отдавать растущий лес», он при правильном хозяйстве с 8000 десятин при обороте рубки строевого леса за 80 лет, а дровяного за 40 лет ежегодно выручит 3500 р. при расходе 1000 р., т. е. 2500 р. дохода. При выкорчевке же половины леса и обращении ее в пахотную землю доход удвоится. «Если бы всем помещикам волынским,— писал он,— вздумалось сделать такую операцию и выкорчевать половину своих лесов, отдавая, что растет в лесу за выкорчевку, то по окончании этой операции на Волыни осталось бы лишь 16 тыс. кв. верст леса... Губерния была бы все-таки лесистой, климат перемениться бы не мог, но за то цена за лес, по меньшей мере, удвоилась бы, и продажа леса могла бы быть безостаточная. С этой поры и настало бы для волынских помещиков время подумать о правильном лесном хозяйстве, Вот те арифметические данные, на основании которых помещики лесных губерний не внемлют гласу и продолжают изводить свои леса, наводя такую панику на литературу».

Так мыслили и действовали «деловые» помещики, которых было меньшинство. Большинство же из них совсем ни о чем не думало. Об интересе таких помещиков к хозяйству А. Н. Энгельгардт в «Письмах из деревни» (1885 г.) сообщал: «Скоро я убедился, что говорить с помещиками о хозяйстве совершенно бесполезно, потому что они большею частью очень мало в этом деле смыслят. Не говоря уже о теоретических познаниях,— до сих пор я еще не встретил здесь ни одного хозяина, который бы знал, откуда растения берут азот или фосфор, который бы обладал

хотя самыми элементарными познаниями в естественных науках и сознательно понимал, что у него совершается в хозяйстве,— но и практических знаний, вот что удивительно, нет! Ничего нет, понимаете...».

Так обстояло дело в отношении помещичьего сельского хозяйства, для ведения лесного хозяйства вовсе не было ни знаний, ни опыта. «Кому же не известно,— писал А. Н. Энгельгардт,— что годная для полевой культуры земля дает менее всего дохода, оставаясь под лесом. Если годные для культуры пространства остаются под лесами, то это первый признак низкой степени развития сельского хозяйства в стране. Леса должны оставаться только на местах, которые не годны для культуры, и лишь в таком размере, чтобы не было у населения большого недостатка в топливе... А крестьянин на березняки и лес любоваться не станет: сейчас же вырубает и распахивает. Ведь это крестьяне сложили поговорку: «что пень собьем, то грош найдем».

Проф. А. Ф. Рудзкий в «Лесных беседах» (1881 г.) утверждал, что «Создание класса постоянных лесных рабочих есть, по нашему мнению, одно из необходимейших условий для успешного развития лесного хозяйства». Другое условие он формулировал так: «Для обеспечения правильного лесного хозяйства и поднятия доходности лесов равно необходимо, чтобы разработка леса средствами владельца сделалась общим правилом, продажа же на корню допускалась лишь как исключение, вызванное временным неустройством администрации или же особыми условиями рынка».

И. Т. Голенищев-Кутузов утверждал на Втором всероссийском съезде лесовладельцев и лесохозяев в Липецке, что в борьбе с лесоистреблением на юге нужны следующие меры:

все южные железные дороги должны перейти на отопление каменным углем;

фабрики и заводы, отстоящие не далее 20 верст от железных дорог или каменноугольных шахт, обязаны перейти на минеральное топливо, а новые фабрики должны там же открываться при обязательном использовании суррогатов дров;

следует обложить высокой пошлиной лес, вывозимый за границу из южных портов;

казенные здания в городах, вблизи железных дорог, должны отапливаться каменным углем.

Вместе с тем он считал желательным устранить пастьбу на лесосеках законодательным путем.

Настаивая на необходимости поручать ведение лесного хозяйства специалистам, К. Ф. Тюрмер шел дальше: «Пока у нас не будет постоянных лесных рабочих, а также практически подготовленных лесных сторожей и помощников техников, способных точно исполнять предписания лесничего, до тех пор не может быть и речи об интенсивном лесном хозяйстве...»

Длительный опыт лесохозяйственной работы ученого-лесоведа А. Е. Теплоухова и выдающегося лесоведа-практика К. Ф. Тюрмера показал, что лесное хозяйство в частновладельческих лесах следует вести при следующих условиях:

лесовладелец должен руководствоваться не только личными, но и государственными интересами;

руководить лесным хозяйством должен специалист, пользующийся полным доверием помещика;

технический персонал, даже сторожа, должны получать специальную подготовку и нести ответственность за порученное им дело;

персонал должен быть материально обеспечен.

Однако в социально-экономических условиях феодально-монархического строя ни одно из перечисленных условий в большинстве помещичьих имений не могло соблюдаться. Помещики, в течение многих поколений жившие личными интересами, постоянно покровительствуемые царями, воспитанные на «священном» праве собственности на землю и крепостных людей, не могли быть альтруистически настроены в отношении ведения хозяйства вообще и лесного в частности.

Были крупные помещики-лесовладельцы — графы Строгановы, князь В. В. Васильчиков, менее крупные — И. Д. Шатилов, граф А. С. Уваров и другие, которые правильно вели лесное хозяйство, но большинство помещиков предпочитало жить только сегодняшним днем, уничтожать полученные в наследство леса, не заботясь о выращивании новых.

Анализируя цифровые данные из отчета за **Лесоустройство** 1866 г. по проведению съемки в казенных лесах, проф. Н. М. Зобов в 1869 г. писал: «Если приведение в известность площади лесов будет продолжаться с такой же постепенностью как теперь, то пространство лесов Европейской России определится положительно не ранее, как через 87 лет, в 1956 г.»

Министерство государственных имуществ с 1865 г. сосредоточило при Лесном департаменте статистические сведения о лесах и лесном хозяйстве с целью приведения их в систематический порядок «для руководства при проектировании дальнейших мер к улучшению и развитию лесного хозяйства».

В приложении к журналу Министерства в 1868 г. было напечатано «Извлечение из отчета по Лесному управлению за 1866 г.». Из этого отчета видно, что на 1 января 1867 г. общая площадь казенных лесов в европейской части России равнялась приблизительно 139,5 млн. десятин, из них под лесом находилось 68%. Лесоустроительные работы к 1867 г. проведены были на площади около 20%. На учтенной площади устроенных дач насчитывалось около 10%.

Проанализировав в 1872 г. результаты лесоустройства в казенных лесах по данным отчетов Лесного управления за 1866—

1869 г., старший таксатор Е. И. Шенрок пришел к такому заключению: «Настоящий порядок устройства лесов не гарантирует большей части лесов от истощения их неправильными рубками и не обещает этой гарантии даже в весьма определенном будущем». И далее: «Настоящий порядок лесоустройства ведет, с одной стороны, к непроизводительной трате лесоустроительных средств; с другой — к невозможности в скором времени оградить леса от беспорядочных рубок, истощающих леса».

По данным управления государственными имуществами, в европейской части России к 1880 г. устроенных лесов было 13 млн., неустроенных 108 млн. десятин.

В 1884 г. был опубликован отчет по Лесному управлению за 1881 г., разбор которого Ф. К. Арнольд посвятил большую статью в «Лесном журнале». Из нее видно, что сравнительно с массой лесов в империи, «пространство устроенных лесов оказывается, конечно ничтожным», что «устроены леса в основном в отдельных только губерниях (Воронежской, Курской, Тамбовской, Тульской, Харьковской и немногих других)».

«Ни одна из отраслей русского лесного хозяйства не подвергалась стольким видоизменениям в применении к практике в русских казенных лесах, как лесоустройство», — утверждал проф. П. Н. Вереха в 1904 г.

Казенная лесная администрация пришла к заключению о совершенной непригодности издавна действующих правил лесоустройства. Поэтому в 1880 г. лесной департамент признал необходимым изменить самый порядок лесоустройства как в организационном, так и в техническом отношении. Для рассмотрения этого вопроса была организована специальная комиссия под руководством председателя специального по лесной части комитета, в состав которой вошли профессора Лесного института Н. С. Шафранов, А. Ф. Рудзкий и П. Н. Вереха, два ревизора лесоустройства, вице-инспектор Лесного департамента и три видных лесничих.

Комиссия установила, что неудовлетворительность лесоустроительных работ объясняется прежде всего отсутствием организационного плана, в результате чего эти работы никогда не увязывались с действительными потребностями. Были выявлены и объяснены пороки действующего лесоустройства и детально разработаны основные положения для ведения рационального лесоустройства.

Результаты работы комиссии П. Н. Вереха в 1904 г. резюмировал так: «Последовали изменения в лесной администрации; по весьма распространенному у нас правилу, что все сделанное не нами никуда не годится, а вот мы сделаем иначе, изложенный проект попал под сукно, где, вероятно, и до сих пор находится. Новые деятели начали новый посев на поле русского лесоустройства. Посев был обильный, инструкций для устройства русских лесов выросло не мало».

По отчету лесного управления за 1903 г. из общей площади 107 млн. десятин казенных дач в европейской части России считалось устроенных 23%. «Лесоустроительная инструкция 1894 г.,— писал в 1906 г. проф. М. М. Орлов,— переизданная с небольшими дополнениями в 1900 г., не только не содействовала развитию техники лесоустройства, но скорее препятствовала ему».

В 1903 г. количество неустроенных лесов в дачах первого разряда на Кавказе было 2,5 млн. десятин, в азиатской части России — 28, в Архангельской губернии — 35, в Вологодской — 26, в Витебской — 0,67, в Петербургской — 0,35 млн. десятин.

Подводя итоги деятельности Лесного управления по лесоустройству, М. М. Орлов в 1906 г. писал: «Наличие такого значительного числа неустроенных казенных дач является одним из самых резких недостатков современного казенного лесного хозяйства».

Так характеризовали состояние лесоустройства в казенных лесах авторитетные лесоводы, члены петербургского Лесного общества.

Естественное и искусственное лесовозобновление

«Долго,— писал М. М. Орлов в 1906 г.— лесовозобновление на вырубках в казенных дачах являлось вопросом, можно сказать, роковым для русского казенного лесного хозяйства, так как большинство лесосек плохо возобновлялось, почти оставалось в течение многих лет непроизводительным, и насаждения ценных пород, дуба, сосны и ели, сменялись насаждениями осины и березы». Причин к этому было много: несоблюдение необходимых условий порядка рубок, несоответствующие способы рубок, пастьба скота на вырубках, большое количество порубочных остатков, часто задерживающих процесс лесовозобновления, редкие семенные годы, оставление на лесосеках семенников низкого качества.

Не лучше обстояло дело и с искусственным лесовосстановлением на вырубках. Из отчета лесного управления за 1866 г. известно, что искусственное лесоразведение произведено на площади 4183 десятин. Из отчета за 1881 г. видно, что засеяно 1242, посажено 3340 десятин леса и то не на лесосеках, а на местах, ранее не бывших под лесом.

Ф. К. Арнольд в 1884 г. подвел итоги лесокультурных работ в такой форме: «Не знаю, как на других действует подобный перечень выполненных лесных работ, но на мою душу ложится какое-то удручающее чувство от переименования микроскопических величин, брошенных подачкою в необъятную массу наших лесов».

Залогом успеха возобновления вырубок надо считать знание и опытность исполнителей, которым должны быть предоставлены достаточные средства. В действительности же лесничие нередко поручали выбор семенников лесной страже, которая, не

обладая достаточными лесоводственными познаниями, часто руководствовалась личными интересами, отбирали часть семенных деревьев, семена которых обладали плохими наследственными качествами. Нерешенным оставался и вопрос о правильной подготовке почвы к посеву, о преимуществах посева или посадки применительно к местным условиям.

Вопрос об облесении лесосек является актуальным и в настоящее время, поэтому крайне интересно, как он решался П. И. Жудрой более 80 лет тому назад. «Основное положение лесного хозяйства,— писал он,— состоит в том, чтобы насаждения после рубки их были немедленно возобновлены... Облесение вырубок — это *conditio sine qua pop* (обязательное условие. И. Б.) всякого рационального хозяйства. Дозволив себе однажды продолжать рубку леса, не дождавшись облесения прежде вырубленных площадей, мы нарушаем коренной закон лесного хозяйства, ибо вместо процента пользуемся капиталом, т. е. совершаем действие, отрицаемое всяким рациональным хозяйством». Жудра считал, что лесовозобновление вообще неудовлетворительно, и в местностях малолесных хуже, чем в районах лесистых. Фундаментальным условием естественного возобновления, по его убеждению, являются постепенные рубки старых насаждений.

Касаясь вопроса о подготовке почвы к посеву, которая сводилась к уборке хлама и рыхлению почвы, Жудра высказывал очень интересную мысль о том, что «неочистку вырубок надо считать причиной плохого лесовозобновления только тогда, когда будет доказано, что отсутствие облесения той или другой площади зависит не от недостатка или худого качества попадающих на нее семян, а именно вследствие препятствия, оказываемого прорастанию их древесными остатками».

Чтобы достигнуть улучшения облесения вырубок, П. И. Жудра считал необходимым в важнейших дачах, когда естественное возобновление решительно невозможно, приступить к систематическому культивированию лесосек. Выбор лесничих для государственных лесов должен быть очень тщательный, причем им должны быть предоставлены достаточные средства для обширных опытов и наблюдений. В деле облесения вырубок лесничему надо давать полную свободу действия, в пределах закона и науки, не стесняя его бюрократическими формальностями.

Касаясь лесных работ (очистки лесосек, подготовки почвы, расчистки просек и т. п.), сопряженных с известными денежными затратами, Жудра констатировал, что такие работы или вовсе не производятся во многих дачах, или выполняются крайне неудовлетворительно. Одной из основных причин этого он считал документальный контроль, значительно парализующий производство лесных работ даже в тех случаях, когда эти работы исполняются лицами добросовестными, искренне любящими свое дело.

По убеждению Жудры, «документальный, а не фактический контроль включает в себе то главное зло, что, с одной стороны, развивает громадное письменное производство, с другой — мало гарантирует от злоупотреблений». Развив подробно и убедительно эту мысль, Жудра приходит к заключению, что «помочь делу может лишь одно: замена документального контроля фактическим... Таким образом, мы вправе заключить, что неудовлетворительное состояние у нас лесных работ происходит от отсутствия системы, что в свою очередь зависит частью от внешних причин, как-то: существования строгого документального контроля и массы формальностей, которыми окружены лесные работы, частью от старых знакомых — апатии, равнодушия и недостатка знаний». К «старым знакомым» он относил также лень, беспечность. Жудра понимал, что рекомендуемые им меры паллиативны и не могут излечить болезни, но утверждал, что «за неимением радикальных мер или невозможностью применить их, паллиативные меры следует признать рациональными по той простой причине, что они в данном случае — единственно возможные».

П. И. Жудра настаивал, что на первом плане должны быть осушение болот, прореживание насаждений и искусственное лесовозращение на свободных лесных пространствах.

Важным событием в деле производства лесных культур явилось введение залогов, вносимых покупателями за каждую купленную десятину леса в размере не свыше 25 р. В случае отказа покупателя очистить и закультивировать лесосеки залоговые суммы поступали в распоряжение Лесного управления и расходовались на лесокультурные работы: посадку, посевы, питомники, семеновушильни, подготовку почвы, наем рабочих и т. п.

Показателем величины залогов может служить, например, тот факт, что к 1 января 1904 г. их накопилось в золотом исчислении 2 460 860 р. Казалось бы, что при наличии таких сумм искусственное лесовозобновление могло принять должные размеры. Однако этого не произошло, так как не все деньги расходовались по прямому назначению. Так, из отчета Лесного управления за 1903 г. видно, что в течение этого года поступило залоговых сумм 1,1 млн. за вырубку 127 тыс. десятин, а закультивировано было в течение года только 26 тыс. десятин с расходом в 168 тыс. р. Таким образом, на лесные культуры ежегодно тратили примерно седьмую часть поступивших сумм, в том числе и на оплату надзирателей, которые заняты были и другими работами.

**Управление
лесами** В «Лесном журнале» в 1872 г. появилась статья П. И. Жудры о состоянии лесного хозяйства с рядом предложений по его улучшению. В эти годы Жудра был полон радужных надежд и оптимизма. «Не надо быть прорицателем, — писал он, — чтобы предсказать блестящую будущность нашему лесному хозяйству при

осуществлении всех мер, указываемых наукой и опытом, за исключением тех, быть может, местностей, где различные естественные условия ставят решительную преграду всякой культуре».

Жудра, с восторгом приветствуя закон от 3 июня 1869 г. о новой лесной страже, писал, что «закон этот имеет громадное значение и является важным шагом на пути реформы, устанавливая взамен стражи ненормальной, искусственной, вытекающей из крепостного права, новую стражу, основанную на *рациональном принципе свободного труда* (курсив мой. И. Б.). Реорганизацию лесной стражи он рассматривал как мероприятие не только административного порядка, но и как одну из экономических реформ, вызванных, по его выражению, «течением обновленной жизни».

Но прошло немного времени, и оптимизм Жудры рассеялся. Он сознается, что возлагал черезчур много оптимистических надежд на новое учреждение. Анализируя экономическую реформу, Жудра разъяснял, что «разумная организация лесоохранения и учреждение лесной стражи вне крепостного права должны находиться в органической связи с социально-экономическими вопросами, которые выражаются: спросом, предложением, величиной заработной платы и тому подобными факторами».

Во вступлении к серии статей «Вопросы дня» Жудра писал: «В течение целого почти столетия мы делали лишь опыты и эксперименты, сегодня создавали, завтра разрушали, непрерывно меняли принципы, поочередно проводили всевозможные системы, взаимно противоположные,— одним словом, целый век искали разрешения задачи и очутились, наконец, перед древним сфинксом, обращающим к нам с роковыми словами: «Угадай, или я пожру тебя». Отбрасывая высказывания, что причиной такого состояния лесного хозяйства являются лишь недостаток знаний и опыта, он продолжал: «Несостоятельность государственного лесного хозяйства обуславливается главным, если не единственным образом, отсутствием правильной и последовательно проведенной системы».

В шестидесятые годы в связи с развитием капитализма в деревне и стремлением многих лесовладельцев повысить доходы от лесного хозяйства встал вопрос о хозяйственных заготовках леса в разделанном виде. Прибыли, получаемые лесопромышленниками, не давали покоя наиболее деятельным лесовладельцам, решившим совместить в себе лесовладельца и лесопромышленника. Вопрос этот горячо обсуждался на Втором всероссийском съезде лесохозяев в Липецке. Съезд высказался в пользу продажи лесовладельцами леса в разработанном виде, признав продажу на корню вынужденным исключением. Был поднят вопрос о том, должны ли проводиться хозяйственные заготовки и в казенных лесах, поскольку государство — также лесовладелец. Анализируя доводы за последнее, П. И. Жудра в работе «О хо-

зяйственных заготовках» подвергал их резкой критике. Относясь отрицательно к хозяйственным заготовкам, он утверждал, что задача государственного лесного хозяйства не спекулировать и промышлять, получая возможно больше денег за отпущенный материал, а отпускать лес как можно больше количеством, лучше качеством и при наиболее удобных условиях эксплуатации.

«Нет,— писал Жудра,— мы, передовые деятели своей профессии, не должны поддерживать меркантильные и фискальные традиции, мы обязаны бороться с ними со всей энергией, во имя науки, во имя действительных, а не кажущихся интересов своей страны. Хозяйственные заготовки как общая мера могут быть желательны в видах ближайших выгод фиска, а отнюдь не в высших интересах государственного лесного хозяйства».

Ярко изобразив, что от лесничего требуется быть архитектором, юристом, тратить массу времени на оформление документов, продемонстрировав на ряде примеров, что вся эта документация требуется из-за недоверия лесничему даже в мелочах, Жудра утверждал: «Теория и практика, наука и опыт указывают нам одно и то же средство для улучшения государственного лесного хозяйства: доверив чести и знанию русского лесничего, сделать его лесохозяином в действительном значении этого слова».

Характеризуя роль лесных ревизоров в недалеком прошлом, Жудра сравнивал их с «пятым колесом телеги». В инструкции для лесных ревизоров его поражали следующие особенности: крайне мелочная регламентация; громадная масса обязанностей; непосильная личная ответственность; весьма щекотливые неудобные отношения с лесничими. Это не способствовало повышению роли лесного ревизора в улучшении ведения лесного хозяйства.

Губернские управления государственными имуществами, в которых сосредоточивались все дела по управлению казенными лесами и лесным хозяйством, не могли, по его убеждению, выполнять возложенные на них задачи по двум причинам: во-первых, чиновники управлений, заведующие даже техническими отделами, не только не обладали специальными познаниями, но зачастую были и малограмотны, во-вторых, административное деление государственных лесов произведено по губерниям, учреждение же в каждой из них особого управления — совершенно нерационально, так как при делении России на губернии площадь лесов в расчет не принималась. Критические высказывания Жудра подкреплял конкретными цифрами и фактами, раскрывавшими бюрократизм, который царил в губернских управлениях государственными имуществами, в частности, в управлениях казенными лесами.

Исходя из общего положения, что «всегда и везде администрация должна быть лишь средством для достижения иных высших целей во всех сферах народной и государственной жизни», что «она должна содействовать развитию лесного

хозяйства», что «в этом заключается ее главная и единственная цель», Жудра так характеризовал существующую администрацию: «Все мероприятия, все проекты, все распоряжения исходят из административного кабинета и применяются на практике большею частью искусственно, не потому, чтобы они были действительно рациональны по времени и месту, а потому, что вытекают из особых бюрократических соображений».

Оговариваясь, что он не касался «центральной администрации», Жудра концентрирует внимание на местной администрации, представляемой лесничим, лесным ревизором и Губернским управлением государственными имуществами. Лесничий, по выражению Жудры, краеугольный камень лесной администрации, по существу, беспомощен.

Отдав должное старым помощникам лесничего, которым ничего не значило питаться день-другой черным хлебом, пройти несколько десятков верст пешком по дебрям и болотам, Жудра констатировал, что начиная с шестидесятых годов, вместо закаленной деревенской молодежи, нетребовательной к жизненным благам, удовлетворявшейся 160—240 р. в год, «являются юноши-кондукторы с аристократическими наклонностями, изнеженные и вообще неспособные к тяжелому физическому труду и суровой крестьянской жизни... нравственное и умственное развитие стражи находится на столь низкой степени, что исключает всякую возможность рассчитывать на ее полезную деятельность в области лесного хозяйства и администрации... Отсутствие у лесничего надежных агентов — вот одна из причин неудовлетворительного состояния местной лесной администрации... Лесная стража состоит из безграмотных, невежественных лиц. ...45% современных русских лесохозяев-лесничих имеет такое же понятие о рациональном лесном хозяйстве, как об обитателях луны».

В заключении к серии своих статей, объединенных в «Вопросы дня», Жудра в 1876 г. писал: «Не прибегая к излишним повторениям, мы на основании тех данных и соображений, которые изложены в «Вопросах дня», не можем не принять следующих предложений:

- 1) современное государственное и частное лесное хозяйство крайне неудовлетворительно, или вернее, лесного хозяйства у нас почти не существует;

- 2) причины столь прискорбного явления заключаются, с одной стороны, в отсутствии правильной и последовательно проведенной системы, с другой — в неудовлетворительном составе лиц, посвятивших себя лесной профессии».

Через три года, в 1879 г., Жудра утверждал: «Кто знаком с нашими лесами (конечно, не по сборникам циркуляров и не по годовым отчетам), тот не может не признать, что шаблонные приемы в хозяйстве составляют ужаснейшую в нем язву, губят бесследно и те небольшие средства, которые затрачиваются на его, якобы, улучшение... Девиз предлагаемой мной системы...

свобода действия и фактическая ответственность, между тем, как девиз настоящего порядка — регламентация и бумажный контроль».

Мысли, взгляды, прогнозы и выводы Жудры не встречали возражений со стороны редакции «Лесного журнала», поскольку не было сносок к ним и никаких замечаний, которые, как правило, редакция делала в случаях несогласия с автором той или другой статьи. Поэтому естественно считать, что такого же мнения о хозяйстве в казенных лесах придерживалась редакция и совет лесного общества.

**Доходы
и расходы лесно-
го управления**

Согласно обзору 1888 г. управления государственными имуществами, в 1855 г. десятина леса в среднем по европейской части России давала дохода 1 коп., в 1878 г. — 8,6 коп., а если считать одну только производительную площадь (за исключением болот и неудобных площадей) — 10,8 коп. По Московской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Калужской, Тульской, Орловской, Курской, Воронежской и Харьковской губерниям в том же 1878 г. в среднем доход с десятины составлял 164,4 коп., наибольшая доходность, зафиксированная для Тульской губернии, равнялась 648,5 коп. Интересно то, что в европейской части России к 1880 г. было устроенных лесов около 13 млн., неустроенных около 108 млн., в том числе неэксплуатируемых около 24 млн. десятин. Приведенные цифры настолько красноречивы, что дополнять их чем-нибудь не приходится.

В 1893 г. валовой доход от казенных лесов равнялся 22,4, а чистый — 15,9 млн. руб., в 1903 г. валовой доход возрос до 63, а чистый до 51,2 млн. руб., т. е. более чем в три раза. Казалось бы это должно было улучшить положение лесничих, а по утверждению проф. М. М. Орлова, в 1906 г. «общественное и материальное положение чинов казенной лесной службы приходится признать неудовлетворительным»; оклады содержания чинов местного самоуправления, установленные в 1872 г., не изменились и к 1906 г.

Чтобы сравнить доходы от лесов в России и Швеции в начале XX столетия, А. М. Радциг в 1903 г. приводит данные, помещенные в табл. 2.

Таблица 2

Лесные районы	Площадь лесов в млн. десятин	Вывоз за гра- ницу в 1899 г. в тыс. р.	Доход от деся- тины леса
Европейская часть России	1 061	—	—
Швеция	183	—	—
Север России	89 497	16 502	18 к.
Север Швеции	12 365	53 188	4 р. 30 к.

Доходность лесов в Северной Швеции почти в 24 раза выше, чем лесов Севера России.

Одна из основных причин низкой доходности лесов России, по исследованиям А. М. Радцига, заключается в следующем:

«В Германии, да и во многих наших губерниях десятина леса дает до 200 куб. футов древесины в год. На Севере леса растут медленней; допустим, что даже в два раза медленнее, чем в Германии, или в наших центральных губерниях, а поэтому на 200 куб. футов древесины с одной десятины леса рассчитывать нельзя, но на 100 куб. футов, очевидно, можно, а между тем наши северные леса дают не более 3 куб. футов, т. е. в 30 раз меньше, чем следовало бы».

Но и в России умели получать с лесных площадей большие доходы. Блестящей иллюстрацией этого может служить лесное хозяйство удельного ведомства Министерства императорского двора и уделов. По данным обзора деятельности министерства императорского двора и уделов за время царствования Александра III (1881—1894 гг.) при площади леса больше 5 млн. десятин чистый доход с десятины составил в 1881 г. 2552 руб., а в 1894 г.— 3317 руб. Процент устроенных лесов удельных ведомств в Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской губерниях равнялся 75. Умели хозяйничать самодержцы России — крупнейшие помещики в своих наследственных владениях.

Конкретным показателем рационального лесного хозяйства является внимание к работам по лесоулучшению. Ниже приведены, по данным 1906 г. М. М. Орлова, несколько цифр, иллюстрирующих общие расходы и расходы на лесоустройство в казенных лесах России и некоторых других стран за первые годы XX столетия (в процентах от валового дохода):

	Общий расход	Расход на лесоустройство
Франция	46	16
Пруссия	49	17
Баден	33	10
Россия	20	4,5

Общие расходы по отношению к валовой доходности казенных лесов России были вдвое меньше, чем во Франции и Пруссии, а расходы на лесоулучшение еще меньше. Площадь лесов в Швеции немного больше 18 млн. десятин, на очистку ручьев и рек с целью приспособления их для сплава было там истрачено в 1891 г. 29 915 руб., а в России с этой же целью согласно отчета Лесного управления в 1899 г. было истрачено 7897 руб. при площади казенных лесов больше 100 млн. десятин. Эти цифры показывают, что хозяева в казенных лесах ставили задачей извлечь из леса побольше доходов за счет рубки леса, уделяя ничтожную долю лесохозяйственным работам.

Намечая систему мероприятий по улучшению хозяйства в казенных лесах, проф. М. М. Орлов в 1906 г. писал: «Средства на лесоправление, лесоустройство, лесовозобновление, уход за лесом и на улучшительные работы должны быть даны, иначе казенное лесное хозяйство не может претендовать на название хозяйства, а обращается в эксплуатацию лесного имущества, грозящую его истощением и уничтожением; такая деятельность недопустима по отношению к национальному имуществу в государстве, стремящемся к культурности». Итак, М. М. Орлов, впоследствии заслуженный деятель науки и техники Советского Союза, как лесовод и ученый по государственному мыслящий, признавал, что казенное лесное хозяйство не может претендовать на название «хозяйство».

Один из виднейших теоретиков лесного дела Г. Н. Высоцкий в 1906 г. счел своим долгом заявить: «История и современное положение государственного лесного хозяйства не позволяют признать, что политика и практика лесного ведомства соответствуют государственным задачам лесоохранения и нуждам малоземельных крестьян». Высоцкий считал, что «хозяин лесов в лице лесного департамента не знает объекта своего хозяйства». По образному выражению Высоцкого, Лесной департамент «является лишь как бы главноуправляющим лесами, принадлежащими Министерству финансов. Последнее же, как некультурный помещик, ничего в своем хозяйстве непонимающий, требует от Лесного департамента лишь возможно высших доходов при минимальных культурных и хозяйственных расходах, совершенно не заботясь о благоустройстве своего поместья».

Крестьянская реформа и лесо- истребление

По положению 1861 г. об устройстве помещичьих крестьян и по Положению 1863 г. об устройстве удельных крестьян, леса из крестьянских наделов были изъяты. Для большинства удельных и помещичьих крестьян освобождение от крепостной зависимости было и освобождением от леса.

Не лучше было и положение государственных крестьян. В «Лесном журнале», например, сообщалось, что бывшие государственные крестьяне юго-западных губерний (Киевской, Подольской, Волынской) лесного надела не получили, что лесные площади даны им в дополнительный земельный надел, обложены земельным, а не лесным налогом и предназначены для увеличения числа сельскохозяйственных угодий. Этим самым лесные площади предназначались к истреблению.

Управляющий Вторым Борисовским лесничеством Минской губернии С. Бех сообщал в 1888 г., что крестьяне Минской губернии в своих наделах лесов не имели и по Положению не получили.

Правильную оценку Положения дал заведующий удельной Владимирской конторой в ответе на секретный запрос начальства: «Положение не разрешает лесного вопроса, чрезвычайно

важного, ибо лес для крестьян так же необходим, как земля или, по их выражению, как хлеб».

В. И. Ленин писал: «Пореформенная эпоха характеризуется особенным ростом этой (лесной. И. Б.) промышленности; спрос на лес быстро возрастал и как на предмет личного потребления (рост городов, увеличение неземледельческого населения в деревнях, потеря крестьянами своего леса при их эмансипации) и, в особенности, как на предмет производительного потребления. Развитие торговли, промышленности, городской жизни, военного дела, железных дорог и пр. пр.— все это вело к громадному увеличению спроса на лес для потребления его не только, а капиталом»¹.

Росли города, увеличивалось число фабрик и заводов, рос внутренний и внешний рынок, а вместе с ним и спрос на лесные товары.

При этом в связи с отсутствием каменноугольного, нефтяного и торфяного производства спрос на древесину все возрастал. В большинстве случаев этот спрос удовлетворялся частными лесовладельцами, так как казенные леса эксплуатировались крайне слабо. Крупные лесовладельцы, не уверенные в том, что их не стеснят в пользовании лесами, продавали их лесопромышленникам.

Мелкие лесохозяева, лишившись после крестьянской реформы бесплатной рабочей силы и сельскохозяйственного инвентаря, нуждались в деньгах и тоже продавали леса. Крестьянам, сохранившим после реформы свои леса, понадобились деньги для выкупных платежей, а государственные крестьяне опасались, что у них леса отнимут и старались быстрее сбыть древесину лесопромышленникам.

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 3, стр. 460—461.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЛЕСНОЕ ОБЩЕСТВО

Еще Н. Шелгунов в «Газете лесоводства и охоты» писал о том, как велика потребность у лесничих во взаимном обмене мыслями. Отдельные статьи по лесному хозяйству в шестидесятых годах XIX в. публиковались в журналах «Сельское хозяйство и лесоводство», «Русское сельское хозяйство» и журнале Министерства государственных имуществ будущими учредителями «Лесного общества». Но эти статьи были разрозненными, не объединенными одной идеей, недоступными широкому кругу лесничих в провинции, оторванных от культурных центров — Петербурга и Москвы, где жили и работали виднейшие специалисты по лесному делу.

История возникновения

В центре и на местах назревала необходимость в организации, которая связала бы Петербург с провинцией. В 1871 г. редакция «Лесного журнала» сообщала: «В последние годы все чаще и чаще стали слышаться среди лиц, посвятивших свою деятельность лесному хозяйству, сетования на то, что между ними нет никакого единения, слишком мала общность профессиональных интересов и что укрепить и упрочить внутреннюю духовную связь между людьми, занимающимися лесным хозяйством и рассеянными притом во всей России, могло бы только устройство периодических лесных собраний, на которых бы возможен был свободный обмен мыслей и наблюдений».

Мысль об устройстве в Петербурге частных собраний была высказана раньше — осенью 1869 г. Группа лиц, входящих в «Кружок петербургских лесничих», решила объединиться для этого в общество. Первое частное собрание их состоялось 14 декабря 1869 г. в квартире Н. С. Шафранова, одного из энергичных лесоводов, вошедших впоследствии в состав членов-учредителей будущего Лесного общества. На этом собрании присутствовало 25 человек, единодушно признавших необходимость учреждения общества, которое должно было служить соединительным звеном между людьми, занимающимися и интересующимися лесным хозяйством: лесничими, лесовладельцами, лесопромышленниками.

В обращении к «членам семьи русских лесничих» собрание просило о содействии в разработке вопросов по лесному хозяйству. Председателем ежемесячных собраний был избран лесовод В. С. Семенов, член ученого комитета Министерства государственных имуществ, он же вице-инспектор корпуса лесничих. товарищем председателя — П. Р. Казизын, вице-директор Лесного департамента, секретарем — Н. С. Шафранов, преподаватель Петербургского земледельческого института.

Устав общества был утвержден Министром государственных имуществ 2 марта 1871 г. Лесное общество считало своим призванием служить интересам государственного лесного хозяйства.

В уставе Лесного общества перечислялись его цели и средства их достижения. Ниже приведены сокращенные выдержки из этого устава.

«§ 1. Лесное общество имеет целью содействовать распространению в России полезных знаний по лесному делу и улучшению лесного хозяйства».

«§ 2. Цели этой общество предполагает достигнуть:

а) совещанием членов и разработкой лесных вопросов;

б) изданием по мере своих средств «Лесного журнала» и содействием изданию сочинений по лесному хозяйству»;

в) производством опытов и исследований через своих членов — действительных и почетных».

«Действительные и почетные члены избираются из всех условий русских подданных и иностранных. Для заведывания делами общества имеется Совет, состоящий из председателя, товарища председателя, редактора, секретаря и казначея. Члены избираются большинством голосов закрытыми записками. Действительные члены вносят в кассу общества по десяти рублей серебром в год. ...В почетные члены избираются лица, приобревшие общую известность познаниями и заслугами на поприще лесного хозяйства и промышленности, равно оказавшие Обществу особую пользу».

«§ 13. Кроме участия в собраниях, выборах и ревизии сумм общества члены имеют право еще на посредничество общества по своим лесохозяйственным делам, для сношения с разными учеными и промышленными заведениями, обществами и учреждениями, находящимися как внутри России, так и за границей».

**Состав
общества**

«Вглядываясь в состав Лесного общества, — сообщала редакция в 1872 г., мы видим, что к нему уже успели примкнуть, кроме лесничих, и некоторые лесовладельцы и лесопромышленники; надеемся, что число их будет последовательно увеличиваться, особенно когда они убедятся, что Лесное общество считает своим призванием служить интересам частного лесовладения и лесопромышленности наравне с интересами государственного лесовладения, находящегося на хозяйственном попечении корпуса лесничих».

ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ.

ИЗДАНИЕ

Лѣснаго Общества.

ГОДЪ 1-й.

ВЫПУСКЪ 1-й.

АВГУСТЪ. 1871.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Майкова, въ д. Министер. Фик., на Дворц. площ.

1871.

Титульный листъ перваго выпуска «Леснаго журнала», издававшагося
Леснымъ обществомъ

Однако эти надежды редакции «Лесного журнала» не оправдались.

Так, в списке учредителей Лесного общества числилось 119 человек, а на 1 июля 1878 г. выбыло из числа членов-учредителей общества 63 человека, или больше половины. Движение состава действительных членов общества к началу 1872, 1873 и 1878 гг. характеризуется данными табл. 3.

Таблица 3

Показатели	Купцов-лесопромышленников	Лесовладельцев	Лесоводов		
			Воронежской губернии	Гродненской губернии	всего
Избрано в 1871 г.	4	4	9	—	17
из их числа выбыло к началу 1878 г.	4	3	4	—	11
Избрано в 1872 г.	6	19	—	7	42
из их числа выбыло к началу 1878 г.	6	7	—	6	26

Приведенные цифры говорят о крайней неустойчивости состава общества, недостаточной заинтересованности его членов в работе.

Почти 50% членов общества работали в Петербурге. Это иллюстрируется следующими данными:

Число членов Петербургского лесного общества		
на 1 октября 1888 г.		
Почетных — 15	из них в Петербурге — 9	
Постоянных — 27	" " " " — 10	
Действительных — 183	" " " " — 43	
на 15 января 1917 г.		
Почетных — 14	из них в Петербурге — 7	
Действительных — 214	" " " " — 59	

Естественно, что в Петербурге и губернских городах членами общества числились привилегированные лица: чиновники лесного департамента, преподаватели Петербургского лесного института и Петровской земледельческой и лесной академии в Москве; они составляли почти половину членов общества.

Лесоводы Петербурга могли бывать на заседаниях общества, участвовать в прениях, делать доклады, вносить предложения.

Губернские лесничие, приезжая в столицу, тоже имели возможность бывать на заседаниях общества. Низко оплачиваемые провинциальные лесничие, годами не выезжавшие из глуши, не могли участвовать в работе общества, так как оно не имело филиалов на местах.

Почти бессменным оставался небольшой круг лиц, руководивших работой общества. Это были в основном организаторы — люди, верившие, что путем пропаганды и живого примера можно воздействовать на государственную экономику, на лесное хозяйство.

На заседаниях общества 25 лет председательствовал В. Т. Собичевский, участвовать в них считали своей обязанностью — П. Н. Вереха, А. Ф. Рудзкий, Н. К. Генко и Э. И. Шенрок. Живой интерес к судьбам степного лесоразведения побуждал Н. С. Шафранова и П. А. Костычева обследовать степные лесничества, а лесничих Л. Г. Барка и Ф. Ф. Тихонова — докладывать лесному обществу о результатах своих работ по созданию лесов в степях.

Одним из наиболее образованных, критически мыслящих членов Лесного общества был лесной ревизор П. И. Жудра — с 1883 г. председатель московского отделения Лесного общества. Корифей русского лесоводства проф. М. Е. Ткаченко характеризовал его как одного из энергичнейших лесоводов восьмидесятих годов. Либерально настроенный, благородный в своих устремлениях, Жудра являлся представителем наиболее прогрессивной части членов общества. Наблюдательный, вдумчивый, всегда искренний в суждениях и высказываниях, он ярко характеризовал в воспоминаниях (1888 г.) настроения студентов Лесного института шестидесятих годов, составивших впоследствии ядро учредителей Лесного общества. Его статьи в «Лесном журнале» — документы, по которым можно четко представить состояние лесного хозяйства и мировоззрение лучшей части лесничих начала семидесятих годов.

По окончании гимназии Жудра поступил в 1860 г. в Лесной институт. В 1888 г. с большой непосредственностью писал он о том, как проникало к воспитанникам института революционное движение, охватившее тогда широкие слои общества, как изучали они политическую экономию А. Смита, как ночами зачитывались заграничными русскими изданиями. По его словам, «юные впечатлительные умы гнулись, так сказать, под напором этих свежих всеобъемлющих идей гуманности и прогресса, составлявших такую резкую противоположность всему, что вынесли они из недавнего детства, из школы, из семьи». «Мы искренне желали, — писал он, — быть самыми лучшими и самыми честнейшими и делать все возможное для общего блага, но не составили себе отчета в том, что же именно мы должны делать сегодня, завтра, при данных условиях времени и места; мы имели впереди великие цели, достичь которых, как мы думали в своем

юношеском самообольщении, нельзя по старым дорогам, а новым путей мы не знали и вряд ли мог их кто-нибудь указать. Отсюда разлад между словом и делом, несостоятельность в практической жизни, бесцельная борьба, и в результате — разбитое существование и смерть от психической болезни». Для иллюстрации последнего он приводит случаи, когда в результате столкновений с начальством два студента, один с выдающимися способностями и прилежанием, другой весьма даровитый, с характером и волей, кончили жизнь, один самоубийством, другой психическим заболеванием.

В 1862 г. П. И. Жудра вместе с другими студентами Лесного института выполнял практические занятия в Лисинском учебном лесничестве. Этот период он так характеризовал: «Светильник любви к лесу и к лесной науке, еще теплившийся в стенах института, здесь погас окончательно и на сцену выступили ближайшие радости жизни... Общественные и литературные новости интересовали нас значительно меньше, чем в институте, все помыслы направлены были на предстоящую служебную деятельность».

Интересны взгляды и другого видного лесовода, члена Лесного общества, профессора Петербургского лесного института А. Ф. Рудзкого, одно время бывшего редактором «Лесного журнала». После окончания в 1860 г. Лесного и межевого института он был командирован за границу. Лесное дело А. Ф. Рудзкий изучал во Франции, торфяное дело и некоторые отрасли сельского хозяйства, наиболее близкие к лесоводству, в Бельгии. таксацию и изготовление лесных карт в Баварии, переугливание дров в Штирии и сплав леса в Зальцберге и Залькамергуте.

Человек разносторонний, постоянно протестовавший против упрощенных представлений о науке и ее методах, хорошо знающий русские леса, управлявший крупным частным лесным хозяйством, он был специалистом огромной эрудиции, всегда строгим в оценке устных и печатных выступлений членов общества.

Рудзкий — это выдающийся ученый, который диалектически рассматривал отношение древесных пород к среде. Именно он, задолго до австрийца Визнера, выдвинул положение, что отношение сосны к свету изменяется от физико-географических условий, поэтому сосна на севере светолюбива, а на юге теневынослива. Стихийным диалектиком он проявил себя и в вопросе о значении подлеска, смешанных древостоев и насаждений, степени густоты леса, о темпах роста ели в соответствующих условиях и т. д.

А. Ф. Рудзкий был редактором не только «Лесного журнала», но и ряда изданий по сельскому хозяйству. Проф. М. Е. Ткаченко сообщает: «Немногие знают, что в качестве редактора журнала «Плодоводство» он первый заметил черты нового и оригинального в нашем гениальном творце новой биологии И. В.

Мичурине и напечатал первую статью Ивана Владимировича, отвергнутую тогдашними педантичными схоластами в плодородстве» («Лесное хозяйство», 1949, № 3). А. Ф. Рудзкому, как отметил проф. М. Е. Ткаченко, в высокой мере было свойственно то чувство нового, которое присуще только прогрессивным деятелям, видящем перед собой далекую перспективу.

Принципиально важным надо считать отношение видных членов общества к вопросу о «священном» праве собственности помещиков на лесные площади, о вмешательстве государства в хозяйственную деятельность частных лиц. Когда на лесохозяйственном отделении Второго съезда сельских хозяев в Москве в декабре 1870 г. был поставлен вопрос об ограничении права свободного распоряжения лесовладельцами лесным имуществом А. Ф. Рудзкий настаивал на необходимости правительственного вмешательства в частное лесное хозяйство. Противником этого предложения выступил представитель Петровской земледельческой и лесной академии доцент Г. А. Волосатов — один из учредителей Лесного общества.

О борьбе, какая велась в те годы вокруг этого вопроса, П. И. Жудра писал: «Несмотря, однако, на легион недоброжелателей государственной опеки над частными лесами, несмотря на подпольную борьбу, которая против нее затевается, мы не переставали верить, что она найдет твердую почву у всех лучших благомыслящих людей, дорожащих благоденствием».

Итак, один из учредителей Лесного общества Г. А. Волосатов определенно против ограничения права владельцев распоряжаться частными лесами, тогда как А. Ф. Рудзкий считает его необходимым, а П. И. Жудра настаивает на нем. В этом важном вопросе не было единого мнения в обществе.

Расхождения между членами общества были не только по вопросам политическим, не было единого мнения и в вопросах экономики лесного хозяйства, что видно хотя бы из следующего.

Внимание Жудры, в молодости интересовавшегося вопросами политической экономии, не могло не привлечь развитие капитализма в России. Свидетельством этого может служить его рассуждение в работе «Вопросы дня» (1875 г.): «Врагом леса в настоящую эпоху является еще капитал, финансовые комбинации лесовладельцев, продающих свои леса ради получения высшей ренты — несомненные действия капитала и его законов... Капитал с его процентами вторгнулся в роли разрушителя в область лесного хозяйства и благодаря своему обаянию и всемогуществу нашел покорнейших слуг среди специалистов, прикрывших его требования законом науки... Жудра представлял группу членов Лесного общества, народнически настроенных, считавших капитал врагом леса, пропагандировавших идею сохранения лесов с точки зрения государственной, общественной и нравственной. Другого мнения придерживался

Ф. К. Арнольд. В своей работе 1895 г. «История лесоводства в России, Франции и Германии», он отмечал, что после 19 февраля 1861 г. «потребности землевладельца сделались больше, а бюджет для удовлетворения их значительно сократился», что «почти вся новая промышленность начинала с того, что рубила и жгла лес». Отсюда он делал вывод: «Не продавать лес невозможно», так как если иметь в виду прогресс, то нельзя отказаться от лесной промышленности, которая в то время была полностью в руках частного предпринимателя-капиталиста.

Много времени, сил, энергии тратили члены Лесного общества на подготовку всероссийских съездов лесовладельцев и лесохозяев. Но резолюции этих съездов не затрагивали коренных вопросов лесного хозяйства (о подчинении не на словах, а на деле частных интересов общегосударственным, о капиталовложениях в лесное хозяйство Севера, о механизации процессов разработки леса, о создании условий, при которых лесничий был бы самостоятельным в своей работе). Хищническое хозяйствование в частных владениях, бюрократическое управление казенными лесами, низкий моральный уровень местных властей оставались типичными язвами царской России 70—90-х годов прошлого столетия.

Ведущие члены Лесного общества, оторванные от сельского хозяйства, от экономики и политики областей, замкнулись в узкие рамки лесного дела. Наблюдая в течение длинного ряда лет, как паллиативными, бессистемными мероприятиями правительство латало огромный износившийся «тришкин кафтан» лесного хозяйства, они настойчиво призывали к распространению знаний для решения лесной проблемы.

Члены общества сознавали, что леса гибнут. Они глубоко понимали значение лесов (общегосударственное, хозяйственное, эстетическое, гигиеническое), велика была их потребность в общественной работе, хотелось им сознать себя не обывателями, а специалистами-гражданами. И хотя их общественная работа не давала и не могла дать значительных результатов в области сбережения лесов, они упорно продолжали вести ее, верили в ее пользу и необходимость и убеждали в этом других.

Таковы были общественные настроения отдельных представителей Лесного общества. Неоднородность его ведущего состава не могла не отразиться на деятельности общества.

На заседании 2 марта 1906 г., в день XXXV годовщины, профессор Петербургского лесного института М. М. Орлов произнес краткую речь о задачах общества в прошлом и будущем. В прениях по докладу член-учредитель общества лесной ревизор Рязанской губернии Г. Х. Цыгра высказал опасения, как бы пожелания Орлова не оказались только благими порывами, если учесть уроки прошлого. Такой скептицизм Цыгра мотивировал тем, что произведенный им анализ истории общества показал крайнюю неустойчивость его количественного состава.

С. С. Конаржевский — секретарь и член общества с 1897 г. утверждал, что «гордиться может общество пока лишь одним своим журналом, симпатии к которому должны возрасти... В остальной же деятельности наше общество сегодня не представляет никакой эволюции от той *большой канцелярии*, которую оно представляло в момент своего рождения — 25 февраля 1832 г. Теперь оно превратилось лишь в *малую* или, вернее, *просто* — канцелярию... У нас состав общества исключительно *чиновный*».

В 1906 г., при переоценке всех ценностей на фоне революционных событий, оказалась неоправданной вера руководства Лесного общества в возможность достижения поставленных целей в современных ему социально-экономических и политических условиях. В результате революции 1905 г. стало очевидным, что право собственности на землю и леса перестает быть священным, что судьба лесного вопроса должна решаться за пределами Лесного департамента. Наступили времена, когда вместо безнадежных попыток развязать туго затянутый узел лесного дела, надо было разорвать его.

Деятельность общества

Деятельность общества была многообразной. Проявлялась она в таких формах: заседания (как правило 8 раз ежегодно); издание «Лесного журнала»; подготовка, организация и проведение всероссийских съездов лесовладельцев и лесохозяев; издание книг по разным вопросам лесного дела; заслушивание ежегодных отчетов.

Уже в 1870 г. на собрании членов-учредителей Н. М. Зобов сделал доклад «О теоретической и практической подготовке лесничих», а М. К. Турский «О лесных училищах». После прений собрание единодушно высказалось за необходимость организации в России специальных лесных училищ. Тогда же был поднят вопрос об устройстве эмеритальной кассы чинов корпуса лесничих; проект такой кассы был разослан на места с просьбой прислать замечания.

В январе 1871 г. общество решило организовать самостоятельный лесной отдел на открывающейся 30 мая 1872 г. в Москве политехнической выставке — в день двухсотлетнего юбилея со дня рождения Петра Великого. Тут же была избрана комиссия для выработки подробной программы лесного отдела выставки и мер к выполнению ее.

В течение 1871 г. общество провело шесть обыкновенных и два экстренных заседания, где были рассмотрены следующие сообщения:

Н. С. Шафранова — о трудах лесохозяйственного V отделения Второго съезда сельских хозяев в Москве; О. С. Полетасва — о лесовозных дорогах и лесах большой Букеевской орды; М. К. Турского — о составленных им таблицах для вычисления запасов лесонасаждений; П. Н. Верехи — о причинах дорого-

визны дров в Петербурге; С. А. Шапиро — о сухой перегонке древесины и экономическом значении этой операции для жителей северных губерний.

На собрании 4 декабря 1871 г. было предложено созвать в Москве Первый всероссийский съезд лесовладельцев и лесохозяев во время политехнической выставки, которая намечалась в 1872 г.

В первый год существования общество проделало большую работу, но не было в этой работе общей идеи, которая могла привлечь внимание значительного количества лесничих на местах. Доклад С. А. Шапиро мог заинтересовать северян, доклад П. Н. Верехи — только петербуржцев.

В 1872 г. на заседаниях общества было рассмотрено 11 вопросов, в том числе: о средствах к удешевлению топлива и поддержанию правильных цен на дрова в Петербурге; какие местности России признаются наиболее безлесными или обезлесенными и где могли бы быть возобновлены опыты лесоразведения; о производстве в Ярославской губернии уксуснокислой извести; о болезни еловых шишек; о повреждениях насекомыми *Hylesinus crenatus*; о форме шишек сибирской и европейской елей.

Общество было занято также рассмотрением пожеланий и ходатайств учреждений и отдельных лиц.

Лесной департамент обратился в 1873 г. к Лесному обществу с просьбой рассмотреть прошение помещика Киевской губернии графа Остен-Сакена об отводе ему 20 десятин в Черкасских лесах для разведения японского дубового шелкопряда.

На заседании 3 марта 1873 г. было сообщено, что министр возлагает на Лесное общество составление программы для исследования лесного хозяйства и организацию особой для того комиссии.

Географическое общество просило составить «программу собирания сведений о летучих песках».

Управление Грязе-Царицинской железной дороги запрашивало, можно ли рекомендовать хвойные породы для образования защитных полос вдоль полотна железных дорог.

Граф А. Д. Шереметьев интересовался вопросом о проектах устройства лесных дач в Костромской и Курской губерниях.

В последующие годы на заседаниях общества читались доклады и делались сообщения по разнообразным вопросам, имеющим отношение к лесному хозяйству и лесозаготовкам.

В 90-х годах прошлого и начале нашего столетия в общество вступают новые молодые ученые, талантливые исследователи М. М. Орлов, В. Д. Огиевский, Г. Ф. Морозов, А. П. Тольский, Э. Э. Керн, Г. Н. Высоцкий, выступающие на заседаниях с научно-исследовательскими докладами.

В 1900 г. Г. Ф. Морозов делает доклад «О влиянии сложных форм леса на влажность почвы и грунта», а Г. Н. Высоцкий сообщает «О результатах своих научных исследований в Мариу-

польском опытном лесничестве и вообще в степной полосе России».

В 1902 г. Морозов выступает с докладом «К вопросу о лесоводственном значении майского жука», в 1903 г. с сообщением «О возобновлении дубового леса в Теллермановском лесничестве по способу Г. Н. Корнаковского» и с докладом «Сосна как азотособиратель».

Начиная с 1904 г. центральным на заседаниях общества является новый, огромного теоретического и практического значения вопрос о типах лесных насаждений. Первым в этом направлении выступает Г. Ф. Морозов с докладом «Лесоводственное значение типов насаждений». В том же году В. А. Петровский делает сообщение «О типах насаждений в Разнеженской даче Нижегородской губернии».

В результате этих исследований возник вопрос о типах почв, о влиянии их на рост и развитие деревьев и влиянии последних на почвы. Так, в 1904 г. А. П. Тольский читает доклад «Как влияют типы почвы на развитие корней сосны», в 1905 г. Г. Н. Высоцкий выступает с докладом «Органическая продукция и речной сток», а в последующие годы с докладами о влиянии геологических, климатических, гидрологических факторов на растения.

Так лесная наука в широком понимании ее значения начинает властвовать на заседаниях общества. Происходит живой обмен мыслями между учеными-исследователями и лесоведами-практиками, лесоводы знакомятся с новой наукой — лесоведением, выделенным Г. Ф. Морозовым из лесоводства.

Наряду с перечисленными докладами на заседаниях общества можно было услышать сообщения «О ходе лесной торговли России» и «Эстетика в лесоустройстве», «О лесной торговле Кавказа» и «Об эксплуатации лесов В. С. Храповицкого», «О вновь открытых низших лесных школах» и «О хозяйстве в казенных лесах Архангельской и Вологодской губерний в связи с условиями лесной промышленности на Севере».

За первые 25 лет деятельности общество уделило больше всего внимания вопросу о степном лесоразведении, где имелись достижения, каких не знала Западная Европа. Видные лесоводы Петербурга выезжали в степные лесничества, знакомились с приемами работ в тяжелых условиях засушливой степи и по возвращении делились впечатлениями.

Если размах работы в казенных опытных лесничествах всегда лимитировался скромными ассигнованиями, то Удельное ведомство не стеснялось в средствах на степное лесоразведение. Работами по облесению южнорусских степей от этого ведомства руководил Н. К. Генко. Летом 1885 г. он обследовал 27 дач в губерниях Екатеринославской, Ставропольской и Таврической на площади около 6 тыс. десятин и сделал подробный доклад о положении дел на собрании общества. Изложив вкратце историю лесоразведения в обследованных дачах, он в хорошо продуман-

ном сообщении уделил особое внимание следующим вопросам: выбору места под лесоразведение, древесным и кустарниковым породам, выращиванию сеянцев, обработке почвы, посадке и пополнению убыли, периодическим очисткам, администрации и орудиям, денежному расходу на облесение степей и хозяйству в разведенных лесах.

Вывод из обследования Генко формулировал так: «Разведение леса в степях Южной России производится ныне с постоянным, неизменным успехом, и стоимость самих работ сокращена до такой цифры, о которой еще недавно никто не помышлял: стоимость облесения одной десятины — 40 р.».

В 1901 г. Генко докладывал на заседании общества о разведении леса в степях Удельного ведомства на востоке европейской части России. Эти степи занимали более 837 тыс. десятин, страдали периодически от неурожая. Надо было смягчить резкость степного климата, противодействовать юго-восточным и восточным ветрам (суховеям) и устранить в этих местах недостаток лесных материалов. Лес разводили широкими (до 1 км) полосами, перпендикулярно господствующим ветрам. За 15 лет успели облесить 10 670 десятин. На посадки, уход за деревьями, сооружение построек для лесоводов и стражи, обзаведение инвентарем было истрачено около 125 тыс. рублей.

Сложную работу проводило Лесное общество по подготовке и организации съездов лесовладельцев и лесохозяев, по оформлению резолюций этих съездов.

Всероссийские съезды лесовладельцев и лесохозяев	По ходатайству общества, впервые такой съезд был создан в 1872 г. в Москве. Учитывая многообразие естественноисторических и организационно-хозяйственных условий европейской части России и желая дать возможность лесничим на местах участвовать в съездах, совет общества всегда добивался созыва их в разных городах. Это видно из помещаемых данных в табл. 4.
---	--

На Первом всероссийском съезде лесовладельцев и лесохозяев были заслушаны доклады на следующие темы.

I. Какие способы лесовозобновления, по испытанию в разных местностях России, оказываются наиболее успешными и дешевыми и какими средствами удешевить добычу древесных семян.

Представлены были три доклада. Профессор Петербургского лесного института Н. С. Шафранов, он же редактор «Лесного журнала» в своем докладе пришел к таким выводам:

естественное лесовозобновление в России во многих случаях заслуживает предпочтения;

посадка заслуживает предпочтения перед посевом;

удешевление древесных семян возможно путем рационального добывания семян в России и получения заграничных семян.

Заключение съезда по трем докладам гласило: «По недостатку опытных данных из различных местностей России, как это

Съезды	Место съездов и год		Всего членов	В том числе		
				лесовладельцев	лесопромышленников	частных лесничих
Первый	Москва,	1872	174	16	—	9
Второй	Липецк,	1874	92	12	—	—
Третий	Рига,	1876	97	11	1	20
Четвертый	Варшава,	1878	326	93	—	—
Пятый	Москва,	1883	—	—	—	—
Шестой	Харьков,	1887	62	5	—	11
Седьмой	Казань,	1890	139	6	—	—
Восьмой	Киев,	1893	214	32	—	32
Девятый	Самара,	1898	109	15	2	—
Десятый	Рига,	1903	—	—	—	—
Одиннадцатый	Тула,	1910	223	—	—	17
Лесоохранительный	Петербург,	1911	—	—	—	—
Двенадцатый	Архангельск,	1912	225	—	56	—

выяснилось из прений относительно преимуществ того или другого способа лесовозобновления, нельзя в настоящее время заключить категорически, какой из способов в данной местности заслуживает предпочтения».

II. Какие затруднения представляет существующий порядок судопроизводства по поводу самовольных порубок в казенных и частных лесах и какие изменения возможны по духу судебных уставов.

Докладывали пять человек. Большинство докладчиков, не анализируя причин самовольных порубок, предлагали способы изменения судебного производства. Один из них доказывал, что лучшим средством предупреждения порубок надо считать увеличение стражи, лучшее обеспечение ее и, как следствие этого, отбор хороших стражников.

III. В какой мере нужны опыты и наблюдения; каким путем и на каких основаниях они должны производиться.

Докладывали три видных лесоведа, из них два преподавателя высшей школы. Докладчики считали опыты и наблюдения безусловно необходимыми, но каждый из них предлагал темы по вопросам своей специальности.

Съезд, признавая важное значение систематических исследований и находя желательным устройство лесоводственных станций, постановил обратиться в Лесное общество с просьбой

выработать программу исследований и изыскания средств к учреждению лесоводственных станций в казенных и частных лесах.

IV. Какими мерами правительство, земство и кредитные учреждения могли бы содействовать улучшению частного лесного хозяйства.

Так как докладчик по существу вопроса ничего не сказал, прений по нему не было.

V. Какими средствами можно скорее добиться распространения полезных знаний по лесному хозяйству, сохранения лесов и правильной их эксплуатации.

Докладчики исходили из резко отличных точек зрения. Один считал, что распространять знания надо «показом» и предлагал учреждение образцовых лесничеств и обязательное для частных лесничих представление отчетов на рассмотрение Лесного общества. Книги, брошюры, лекции как способ распространения знаний он отвергал.

Другой докладчик предлагал ввести преподавание лесоводства в земских губернских семинариях для приготовления сельских учителей и устройство питомников как для наглядного ознакомления с приемами лесоразведения и ухода за лесом, так и для снабжения желающих саженцами.

Для распространения полезных знаний по лесоводству съезд признал желательным учреждение образцовых лесничеств; опубликование частными лесничими результатов своего хозяйства; учреждение Высшего специального лесного учебного заведения и нескольких средних заведений для подготовки кондукторов.

На заседаниях съезда были заслушаны и другие доклады. Если вдуматься в названия докладов, создается впечатление, что все разбиравшиеся вопросы представляли лишь практический интерес. Съезд был организован Лесным обществом, но не было на нем ни единой продуманной программы, ни практических предложений.

Несмотря на недостатки, съезд представлял несомненный интерес. На нем впервые столичные лесоводы встретились с провинциальными, впервые поставлены были на обсуждение вопросы, разрешение которых требовала жизнь: об опытном лесном деле, учреждении образцовых хозяйств, организации пропаганды лесных знаний.

В последующие годы программы докладов рассматривались на заседаниях общества, в «Лесном журнале» задолго до съездов печатались статьи по докладам.

На всероссийских съездах лесовладельцев и лесохозяев выступали с докладами А. Ф. Рудзкий, В. Г. Собичевский, а позже М. М. Орлов, В. Д. Огиевский, Г. Ф. Морозов, В. В. Докучаев, Г. Н. Высоккий, крупнейшие специалисты того времени в разных областях лесного дела. На съездах лучшая часть казенных и частных лесничих приобщалась к новым идеям. В процессе

прений постепенно выяснилась роль науки в практике и значение практики для науки.

Наряду с докладами об искусственном возобновлении ставились вопросы о биологии и экологии пород деревьев, о взаимовлиянии этих пород в лесу. Так, на съезде в Туле в 1910 г. по докладу Г. Ф. Морозова «Будущность наших сосняков в связи с типами насаждений в зависимости от хозяйства в них» было вынесено постановление, признававшее наиболее новое учение о типах насаждений, созданное докладчиком. Этим постановлением съезд категорически отверг шаблон, по которому сосновые насаждения, не взирая на крайнее разнообразие их биологических свойств, считались однородными и для них рекомендовался один и тот же способ рубки и возобновления.

Тематика докладов непрерывно расширялась. Так, на съезде в Киеве в 1893 г. был заслушан доклад Э. Э. Керна «Настоятельная необходимость в принятии мер против песков и оврагов», по которому развернулись оживленные прения, и доклад Д. М. Плюто «О влиянии на ведение лесного хозяйства проведения железных дорог, подъездных путей и хорошо устроенных лесных дорог». В постановлении съезда утверждалось, что для устранения причин исчезновения лесов необходимо повышать их ценность на корню посредством устройства подъездных путей по линии железных дорог, устройства удобоезжих дорог и урегулирования железнодорожных тарифов. Мотивировалось это тем, что «железные дороги, расширяя предел сбыта лесных материалов и открывая сбыт таким сортаментам, которые не имели до тех пор спроса, ...дают возможность вести правильное хозяйство». Так постепенно жизнь потребовала от лесоводов широкого подхода к решению лесоводственных вопросов.

Менялось и отношение лесовладельцев к съездам. Если на съезде в Москве (1872 г.), Липецке (1874 г.), Казани (1890 г.) они представлены были очень слабо и не выступали, то на съезде в Киеве (1893 г.) их голос звучал в полную силу.

Но на съезде в Киеве, как и на предыдущих, еще отсутствовали лесопромышленники, о которых А. Ходнев в 1879 г. отзывался в «Лесном журнале» так:

«Лесная промышленность в Ростовском уезде Ярославской губернии — явление в известной степени общее для всех лесных местностей империи: она сосредоточена в руках богатых людей из купцов и крестьян, так называемых «лесопромышленников» — этих эксплуататоров-кулаков, на долю которых достается почти вся сумма огромных выгод по этой промышленности».

А. Ф. Рудзкий в 1881 г. вспомнил такой случай, характеризующий лесопромышленников и лесохозяев того времени. Уговаривая великорусского купца купить лес и доказывая, что на покупке тот заработает 30%, Рудзкий услышал ответ: «Это верно,

барин: 30% хорошая нажива, а все же купить не придется, потому что есть еще пока вислоухастые, у которых и все 300% наживешь».

Но с годами расширялась торговля лесными материалами на внутреннем и внешнем рынках, а поэтому менялся лесопромышленник. С этой точки зрения большой интерес представляет съезд в Архангельске в 1912 г. К этому времени организовался уже Союз архангельских лесопромышленников, от которого выступили докладчики. Например, один лесопромышленник выступал с докладом «Меры содействия по подъему лесной промышленности Севера», другой с докладом «О смолокурении», третий — на тему «Архангельская лесная застава и сплав леса» (билеты).

На съезде в Архангельске, где с докладами выступали шесть членов Лесного общества, наряду с темами «О типах и бонитетах», «О задачах лесного опытного дела» ставились доклады по лесоэкономическим вопросам: «О железнодорожных нуждах Северного края», «Положение лесного хозяйства в связи с колонизацией края».

Так постепенно выкристаллизовывалась идея, что лесное хозяйство надо рассматривать в неразрывной связи с лесной промышленностью, с железнодорожным делом, с политикой государства.

Выступления В. В. Докучаева и Г. Н. Высоцкого на съезде в Киеве в 1893 г. о задачах специальной экспедиции, организованной лесным департаментом, труды съезда в Самаре в 1898 г., где докладывал проект плана исследовательских работ В. Д. Огиевский, съезда в Архангельске в 1912 г., где выступал Г. Ф. Морозов и его противник по вопросу о типах лесонасаждений М. М. Орлов представляют интерес и на сегодняшний день.

**Опыты,
исследования,
выставки**

Одним из способов распространения полезных знаний по лесному делу общество считало организацию опытов, исследований, выставок. Еще Второй всероссийский съезд лесовладельцев и лесохозяев в Липецке в 1874 г. вынес резолюцию, требовавшую учреждения образцовых лесничеств для распространения полезных знаний по лесоводству.

В докладе на заседании общества в 1873 г. П. Н. Вереха констатировал, что в лесах правильного хозяйства нет, лесничество на местах, обладающие соответствующими знаниями, боясь ответственности, не решаются вводить новое в лесном хозяйстве, а слабо подготовленные и желающие учиться не могут получить нужные учебники. Поэтому он утверждал, что основная задача общества на конкретном примере показать, как надо вести правильное лесное хозяйство. С этой целью П. Н. Вереха предлагал возбудить ходатайство перед министром государственных имуществ о передаче обществу лесной дачи для организации образцового лесничества.

Подходящей для такого опыта Вереха считал часть Усманской лесной дачи Воронежской губернии площадью 3 тыс. десятин. Исходя из того, что у общества нет средств, чтобы представить материальные гарантии министерству, он считал: «единственная для казны гарантия заключается в нравственном нашем обязательстве вести дела на пользу государству. Не имея никаких личных материальных выгод, по нашему уставу, в увеличении наших капиталов, мы не можем быть заподозрены в спекулятивных намерениях. Но для увеличения гарантии я полагаю, что следует оставить за казною право всегда взять дачу в свое распоряжение, коль скоро будет замечено ненормальное пользование ею со стороны общества».

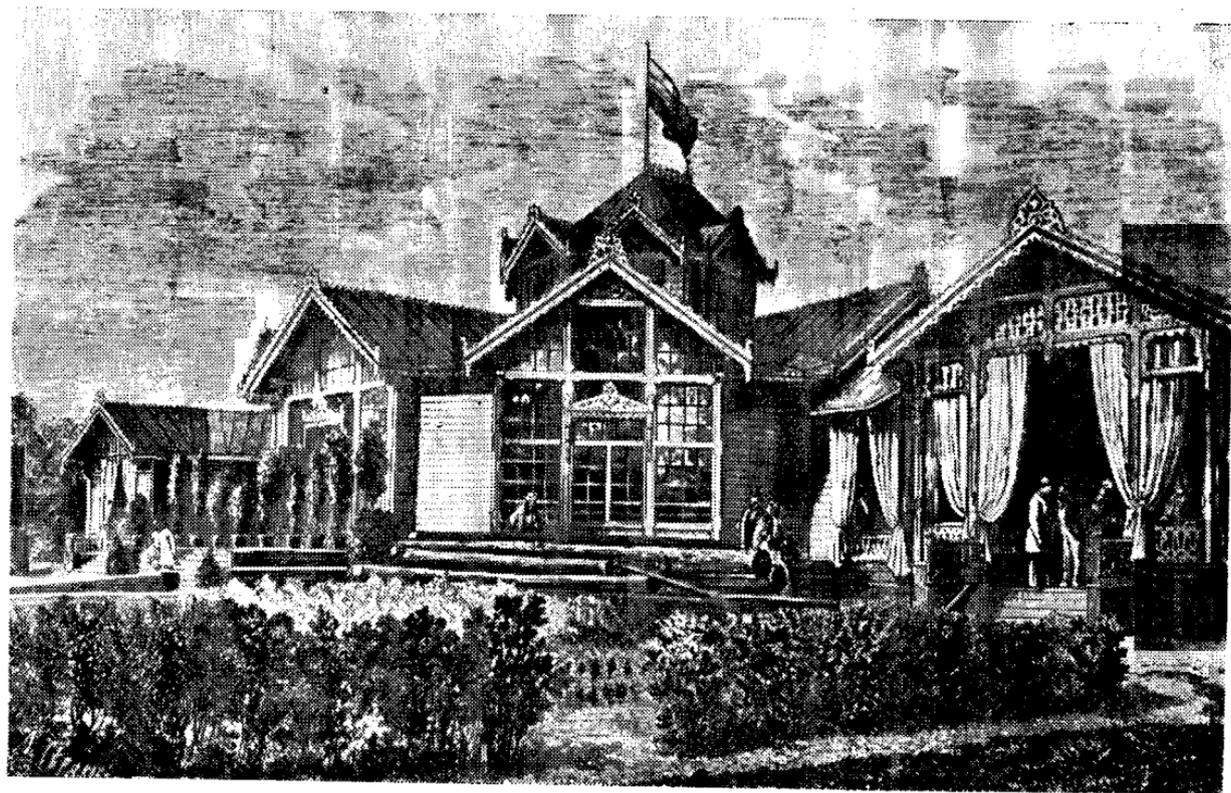
Доклад П. Н. Вереха заканчивал так: «Придав полную гласность всем нашим действиям по хозяйству в даче и результатам их, мы смеем думать, наглядно докажем полезное значение рационального лесного хозяйства и путем неопровержимого опыта убедим маловерных, что выводы лесоводственной науки не суть бесполезное изобретение хитрого немца, но так же насущны и плодотворны для благосостояния государства, как и всякие другие научные законы...».

Министр государственных имуществ отказал выделить в распоряжение общества лесную дачу для ведения лесного хозяйства на строго научных основаниях.

Уже с первых шагов деятельности Лесное общество уделяло много внимания ознакомлению широких кругов лесоводов с достижениями в лесном хозяйстве. Показателем этого надо считать и создание лесного отдела на Московской политехнической выставке в 1872 г., который состоял из 13 отделений: исторического, географии и статистики русских лесов, русской лесной дендрологии, лесовозобновления и лесоразведения, воспитания леса, лесосохранения, геодезического, лесной таксации и лесоустройства, эксплуатации леса, химической обработки древесины, лесного транспорта, ботаники, анатомии и физиологии древесных растений, моделей домов.

Для руководства работой лесного отдела и его оформления «Лесное общество» выделило специальную комиссию, в которую вошли Н. М. Зобов, П. Н. Вереха, Д. И. Шилов и Ф. А. Теплоухов — сын одного из основоположников русского лесоводства А. Е. Теплоухова. В работах комиссии участвовали: профессор Петровской земледельческой и лесной академии В. Т. Собищевский, преподаватель Лисинской лесной школы М. К. Турский, а также известный исследователь природы Севера и Сибири М. Сидоров.

Уже в 60—70-е годы прошлого века русские лесоводы ставили вопрос о повышении продуктивности лесов, что и было отражено на стендах выставки. Так, демонстрируемые исследования А. Ф. Рудзкого были посвящены вопросу эффективности рубок ухода, а на примере Лисинского лесничества показано было

Павильон лесного отдела Московской политехнической выставки, 1872 г.

Ф. А. Теплоухов

влияние лесоосушительных работ на повышение продуктивности словых насаждений.

Особый интерес представляли карты и таблицы, иллюстрировавшие состояние лесного хозяйства в России: карта лесов европейской части России с подразделением по праву владения на леса ведомства Министерства государственных имуществ, леса Удельного ведомства, частных лесов и др. Кроме того, был изготовлен атлас статистических карт и таблиц, иллюстрирующих отношение площади лесов к числу населения в губернии, площади устроенных дач ведомства Министерства государственных имуществ к площади дач неустроенных, валовой доход с десятины ведомства министерства, среднюю величину чистого дохода.

Экспонаты для выставки были получены от высших лесных школ, из десятков казенных и частных лесных дач, от частных лиц: купцов, заводчиков, крестьян. Много времени, труда, любви

к лесному делу было вложено в работу для получения и расположения демонстрационного материала по четкой, хорошо продуманной системе.

В помощь посетителям был издан путеводитель на 400 страницах, где давались подробные описания всех 1500 экспонатов. Эта книга долгое время служила справочным пособием для лесоводов. Один из авторов книги и ее редактор проф. В. Т. Собичевский, давая оценку выставке, писал, что она была «...первой в своем роде попыткой не только у нас в России, но и вообще в Европе, представить научно, в возможной полноте все стороны лесного хозяйства, показать отношение его к другим отраслям народной промышленности».

По исследованиям В. И. Клевцова, «демонстрация достижений отечественного лесоводства на Московской политехнической выставке послужила мощным толчком развития лесного хозяйства в нашей стране»¹.

Чтобы быть в курсе зарубежных достижений по лесному делу, общество командировало своих членов на лесные выставки. Десятки часов посвящены были заслушиванию докладов о выставках, сотни страниц — описанию их в «Лесном журнале». Например, С. Владимиров в статье «На промышленном торжестве тысячелетнего опыта» сообщал, как была представлена лесная область на Будапештской выставке 1896 г. по случаю исполнившегося тысячелетия Венгрии. Автор статьи прежде всего подчеркивает, что Будапештская выставка «представляет удивительный пример, если можно так выразиться, выставочно-финансового благоразумия», заключавшегося в том, чтобы не количеством, а качеством экспонатов обеспечить действительную солидность и серьезность того, что должно привлечь общественное внимание.

Предки венгров были ярыми охотниками. Эта страсть передалась потомкам, и на выставке лесоводство сочеталось с охотой. На основе будапештских впечатлений, Владимиров писал: «не только истребление лесной дичи, т. е. по-русски, охота в собственном смысле, но также и самое разведение ее в границах лесов при известных условиях может легко перейти в решительную, всепоглощающую и весьма требовательную страсть...».

Поразила автора статьи и промышленная разделка больших древесных стволов на пильный материал, при которой утилизируется все, что только может быть использовано. «Нам кажется,— писал Владимиров, что рациональная разделка каждого древесного ствола свыше аршина в диаметре трактовалась в Будапеште как строго точное и безусловно необходимое решение математического уравнения по крайней мере с тремя неизвестными... возможное число добычи самых ценнейших сортиментов, наименьшая величина отступления от намеченного плана при наличии каких-нибудь пороков древесины, число торговых сорти-

¹ «Лесное хозяйство», № 2, 1957, стр. 82.

ментов из того, что остается после получения ценнейших сортиментов».

На выставке демонстрировалось, как из дерева получается белая лента, которая по ротационной печатной машине бежит с поразительной скоростью и превращается в текст местных газет. Показывались мелкие изящные вещички домашнего обихода: портмоне, портсигары, ножи и ножнички, как бы из слоновой кости, стекла, металлов разной окраски. А сделаны они были из дерева, обработанного особым способом.

В «Лесном журнале» № 6 за 1896 г. была помещена статья А. Скоробогатого «Лесной отдел швейцарской национальной выставки летом 1896 г.», в которой достаточно подробно рассказывалось об экспонатах, свидетельствовавших о большом интересе к лесному делу в Швейцарии, этой маленькой горной стране с площадью лесов 24 690 км². «Лавинная карта» Швейцарии в масштабе 1 : 100 000, пять больших томов с подробным описанием каждой лавины, размеров той угрозы, которую она представляет, мер и стоимости ее укрепления свидетельствовали о той работе, которую провели швейцарские лесничие в течение 20 лет по изучению лавин.

ЛЕСНОЙ ЖУРНАЛ В ПЕРИОД 1871—1905 гг.

Со второй половины 1871 г. «Лесной журнал» выходил раз в два месяца объемом не менее семи печатных листов. В программу «Лесного журнала» входило восемь разделов: 1) статьи по всем отраслям лесного хозяйства; 2) влияние законов и обычаев на успехи лесного хозяйства; 3) лесоторговый отдел, движение лесной торговли в разных местностях, рыночные цены на лесной материал и т. п.; 4) лесохозяйственная библиография, разбор важнейших русских и иностранных сочинений по лесному хозяйству; 5) лесная хроника и смесь; 6) известия о деятельности Лесного общества; 7) обзор вновь выходящих постановлений по Лесному управлению; 8) объявления, касающиеся предметов лесного хозяйства.

Журнал рассылался бесплатно всем членам Лесного общества; для остальных подписная цена с пересылкой и доставкой была за шесть выпусков четыре рубля.

Ниже на конкретных примерах показано содержание «Лесного журнала» в первые годы его издания.

В журнале за 1873 г. были помещены интересные статьи: К. Ф. Тюрмера «Из практики лесоразведения в Порецком имении графа Уварова», Л. Г. Барка «Степное лесоразведение в Екатеринославской губернии» и Бремзена «Зелькова (*Planera crepata Desf*)». Но в этом же выпуске помещены и 17 рецензий на серьезные немецкие работы, которые вряд ли стоило помещать в журнале, если принять во внимание, что огромное большинство лесничих на периферии немецким языком не владело и не было знакомо с этими работами.

В вып. 4 и 6 журнала за 1875 г. напечатаны статьи П. И. Жудры из серии «Вопросы дня» («Местная администрация государственных лесов» и «Популяризация лесоводственных знаний»), которые уже цитировались. Статьи эти, написанные на злобу дня, богатые по содержанию, яркие, образные по форме, характеризовавшие положение лесничих на местах, несомненно представляли интерес для провинциальных лесничих. Не менее интересной для них была стенографическая запись прений на заседании общества на тему «Об освобождении лесничих от обязанностей, не относящихся прямо к их специальности», напечатанная

в вып. 4. Эти прения, в которых приняли участие видные авторитетные специалисты, показывали, как вдумчиво, серьезно ставился вопрос, как близки уму и сердцу выступавших интересы провинциальных лесничих.

Ценный материал представлен был в разделе «Лесоторговые известия» (вып. 4), где сообщались цены на продукты лесной промышленности на базарах ряда городов, расход и приход отдельных лесохимических заводов, содержалось описание лесных материалов, цены на них для внешнего рынка. Эти данные могли представлять интерес для лесовладельцев и лесопромышленников, которые следят за развитием лесной промышленности, за торговлей на внутреннем и внешнем рынках.

Совершенно иной характер носит большинство других статей. Например, статья В. Т. Собичевского «Современное состояние растительной патологии лесных деревьев и значение растительных паразитов-грибков при возвращении леса» в вып. 4 за 1875 г. и продолжение ее в следующих выпусках представляла обстоятельный обзор новейшей немецкой специальной литературы по лесной патологии на 96 страницах, интересный только для крайне узкого круга лесничих высокой квалификации. В ней излагалась морфология и биология десятков грибков-паразитов, из них значительное число не вредоносных и не имеющих хозяйственного значения. Для лесовладельца и провинциального лесничего эта статья не представляла интереса, так как, будучи описательного характера, не давала практических советов.

В вып. 4 и 5 журнала за 1875 г. была помещена статья Д. Н. Кайгородова «Лесоводственная экскурсия в Бемервальд» на 56 страницах, в которой с излишними деталями, неинтересно описывалась экскурсия в леса Бемервальда после страшного урагана 1868 и 1870 гг., а также повреждения еловым короедом.

В вып. 4 того же года в разделе «Библиографическое обозрение» дана рецензия на французскую работу Поле 1874 г. «Предохранение от порчи дерева, питательных и других различных органических веществ, химическое исследование изменения этих веществ и средств для предупреждения этого изменения» на 34 страницах, из которых на 18 петитом дана «Синоптическая таблица средств для предохранения дерева от порчи, предложенных с 1700 г.». Знакомство с рецензией и таблицей вызывало недоумение: какой смысл давать оценку вопроса, не интересовавшего тогда никого, кроме автора статьи?

В вып. 5 была помещена статья Ф. Полонского «Вятские каповые изделия», трактовавшая о работе двух семейных мастерских, вырабатывающих из березовых капов дорогие изящные изделия. Эта статья представляла интерес для очень немногих читателей.

«Лесной журнал» много внимания уделял вопросам организации лесного опытного дела, подготовки специалистов, развития степного лесоразведения, ознакомлению с постановкой лесного

хозяйства за рубежом. Но еще больше печаталось статей сугубо научных, не связанных единой идеей, лишенных целеустремленности. Эти недостатки «Лесного журнала» постепенно осознавались советом Лесного общества.

Так, 15 января 1877 г. в отчете о деятельности общества сообщалось, что «как в столице, так и в провинции раздаются голоса за издание ежемесячного журнала, в котором рельефнее и своевременнее могли бы выступать современные вопросы лесного дела вообще и практического русского лесного хозяйства в частности...». 28 января 1877 г. в совет общества поступило сообщение Э. И. Шенрока о том, как «упрочить существование Лесного общества развитием интереса к его деятельности между членами общества, проживающими в провинции». Дело в том, что с 1874 г. число членов общества начало уменьшаться; в последние два года выбыло 140 членов.

Не считая уход членов из общества случайным явлением, Шенрок приходит к мысли, что это является показателем невнимательного отношения к членам, проживающим в провинции.

Для лесничих провинции, лишенных возможности бывать в Петербурге и участвовать в работе собраний общества, единственным связующим звеном с ним являлся «Лесной журнал» или издания общества. Но журнал выходил раз в два месяца и сообщал о предметах, уже обсуждавшихся на собраниях общества. Между тем, «только возможно частое общение с какой-либо сферой деятельности общества и притом только подробное ознакомление с нею может возбудить интерес к ней», — заявлял Шенрок.

Член общества, живо интересующийся вопросами лесного хозяйства, всегда близкий к практической деятельности, естественно хочет, считал Шенрок, чтобы и его мнение, часто критическое, отразилось в работе общества, а иногда он склонен и к полемике по тому или другому поводу. Журнальные статьи он может не написать, а заметка, отзыв, критические замечания, как правило, не помещаются в журнале, и он постепенно теряет интерес к работе общества.

Шенрок считал необходимым учредить звание члена-корреспондента, морально обязанного писать журнальные статьи и пользующегося какими-то преимуществами перед другими.

Для оживления деятельности Лесного общества и улучшения «Лесного журнала» Шенрок считал необходимым:

«Содержание «Лесного журнала» даже и в настоящем его объеме составлять из газет с более короткими сроками выхода и приложений к ним статей более длинных и ученых, выпуск которых может быть поставлен в зависимости от накопления материалов;

избрать из числа членов общества определенное число членов-корреспондентов в различных местностях с возложением на них обязательства представлять в общество в течение года не менее

одной статьи по какому-либо предмету лесного дела и преимущественно местного характера; взамен обязательства этого предоставить членам-корреспондентам право на преимущество в помещении их статей в издании общества и на высший за них гонорар в сравнении с другими сотрудниками журнала».

В результате обсуждения предложений Шенрока, совет общества решил издавать «Лесной журнал» с 1878 г. месячными книжками, не менее 3,5 печатных листов в каждой.

При анализе причин неудовлетворенности местных лесничих содержанием «Лесного журнала» важно учесть и такое обстоятельство. Основное ядро Лесного общества составляли лесоводы, командированные по окончании Петербургского лесного института за границу, хорошо знавшие лесное хозяйство Германии, Франции, Бельгии, владевшие немецким и французским языками. Эти члены общества всегда были в курсе зарубежной литературы по существенным вопросам лесного хозяйства и смежным с ним. Они требовали часто обсуждения в обществе таких вопросов, которые не интересовали лесничих на местах.

Так, сотни страниц раздела «Библиография», относящихся к критическому анализу содержания выходящих за рубежом книг и журналов, не могли заинтересовать провинциальных лесничих, слабо подготовленных в научном отношении и перегруженных административной и канцелярской работой. Нередко слишком резкий тон полемики между виднейшими деятелями общества, которой посвящались десятки страниц «Лесного журнала», вносил путаницу в умы лесничих «медвежьих углов».

Совет Лесного общества, учитывая критику Э. И. Шенрока, 14 декабря 1877 г. разослал письмо, в котором сообщалось: «Прислушиваясь к голосам, раздающимся из провинции относительно характера и направления «Лесного журнала», решено в отношении содержания его, насколько дозволит материал, давать место преимущественно работам практического направления, особенно же сообщениям из провинции об обстановке и результатах лесного хозяйства». В этом письме сообщалось также, что вместо шести книжек журнала будет издаваться 12 «с целью достижения более живого обмена мыслей и доставления в провинцию, по возможности, новых сведений», что в приложениях к журналу «будут помещаться крупные работы и даже целые отдельные сочинения и рассылаться бесплатно».

С 1878 г. «Лесной журнал» начал выходить ежемесячно. Чтобы привлечь больше провинциальных лесничих в члены общества, увеличить число подписчиков, содержание журнала изменили: ряд статей носил газетный характер, приложения представляли практический интерес.

Несмотря на новшества, в отчете за 1879 г. сообщалось: «Совет и, в частности, редактор признают, что содержание журнала подлежало бы значительному улучшению. Главным недостатком нашего органа должно назвать *неопределенность его направления*.

...не удалось дать «Лесному журналу» чисто практическое направление, как оно было бы желательным, и полное превращение журнала в средоточие сообщений из области отечественного лесного хозяйства может быть достигнуто лишь при деятельном Вашем, Милостивые Государи, участии в собрании материала для построения русского лесоводства, и потому совет считает долгом обратиться к членам общества с просьбой оказать в широком размере просвещенное содействие к большому оживлению «Лесного журнала» и к развитию в нем сообщений из родного леса».

Чтобы оживить журнал, советом Лесного общества была сделана попытка наладить обмен мыслей между лесными хозяевами в форме вопросов и ответов. В течение четырех лет (1883—1886 гг.) поступило только четыре вопроса. В 1887 г. совет общества снова заявил, что «он с полной готовностью отвечает на все присылаемые к нему или в редакцию «Лесного журнала» вопросы, относящиеся к лесному хозяйству...», и будет печатать в журнале вопросы и ответы.

На экстренном собрании «Лесного общества» 21 декабря 1885 г. член общества Н. К. Генко сообщил о непрерывном уменьшении числа членов общества. Главная причина этого, по мнению докладчика, «кроется в несомненно индивидуальной особенности славянской природы увлекаться всем новым при недостатке энергии и выдержки. Вследствие сего после первоначального возбуждения, если не видно плодов первых усилий, скоро наступает разочарование, сменяющееся, наконец, равнодушием». Помимо этой общей причины он отмечал слабый интерес к вопросам лесного хозяйства не только в среде интеллигенции, но и в среде лесничих.

Н. К. Генко утверждал, что и на данный момент содержание «Лесного журнала» оставляет желать лучшего. Он считал необходимым:

«1) чтобы на будущее время не было допускаемо запаздывание выпусков;

2) чтобы по возможности в каждом выпуске печатались полные отчеты о предшествовавших заседаниях общества и хроника как научная, так лесохозяйственная и административная».

На следующем собрании Лесного общества прения по докладу Генко продолжались. П. Н. Вереха высказался в том смысле, что если бы все проявили такую энергию, какую проявил Генко при анализе положения общества, то были бы преодолены все препятствия к его процветанию. А. Ф. Рудзкий полагал, что «Лесной журнал» «бесцветен и не только не может привлечь посторонних деятелей, но даже среди небольшого кружка специалистов едва ли пользуется большим сочувствием». Такое положение дел, по его убеждению, «не может внушить особенного доверия к его деятельности и, значит, оно не имеет достаточно само в себе силы, чтобы с успехом выполнить свои задачи».

В извещении совет Лесного общества писал: «Главная причина далеко не утешительного положения дел общества заключается в значительном сокращении числа его членов. Тогда как общее их число составляло в первое десятилетие от 350—400 и более, общество насчитывает в настоящее время лишь 190 членов. Часть бывших членов, вышедших из состава общества, ныне не состоит даже в числе подписчиков. Глубоко сожалея об этом печальном факте, совет Лесного общества смеет, однако, думать, что многие из бывших членов выбыли лишь случайно, забыв своевременно выслать членские деньги».

Слустя 10 лет после анализа деятельности общества, сделанного Генко, редакция ставила в известность подписчиков, что, «вступая в новый шестнадцатый год издания, «Лесной журнал» к крайнему сожалению редакции, должен изменить свой объем, сроки своего выхода и свой внешний вид». Вместо 40 печатных листов оказалось возможным выпускать только 32 в год и взамен 10 выпусков в прежние годы давать только 6. Причина такого сокращения — «недостаток денежных средств». Заканчивалось это обращение к подписчикам так: «Работая свыше двадцати лет на журнальном поприще, мы твердо веруем в сочувствие русских лесохозяев нашим задачам...».

Небольшое число подписчиков на «Лесной журнал» среди членов общества говорило об отсутствии интереса к нему среди лесохозяев и большинства лесничих.

На заседании совета общества 13 июля 1886 г. ряд членов предлагал организовать при обществе «Справочное бюро», которое помогало бы лесовладельцам в приискании опытных лесничих и техников, снабжало бы семенами и т. п. Заслуживают внимания доводы против этого В. А. Тихонова, который утверждал, что «общество основано для преследования чисто нравственных, а не меркантильных целей».

На заседании 20 декабря 1886 г. было зачитано письмо члена общества Р. К. Вильгейма, который полагал, что печальное положение Лесного общества может быть значительно улучшено, если его членам будет разрешено носить какую-нибудь форменную одежду, нагрудный знак или даже кокарду, так как в этом случае множество частных лесничих сейчас же поступят в члены общества. Собрание решило, что «нравственное значение общества от такой меры, конечно, не выиграет».

Совет общества и редактор «Лесного журнала» признавали, что главным недостатком журнала следует считать неопределенность его направления. В 1905 г. С. С. Конаржевский писал: «...Деятельность общества узка, интерес к нему товарищей и лесовладельцев слаб, а журнал все еще не выбился из пеленок его дефицита, основанного на недостатке подписчиков...».

Редактор Г. Ф. Морозов в ответном письме в 1905 г. сообщал: «Я совершенно согласен также (и никогда не был иного мнения), что направление журнала всегда было односторонне, что в нем

всегда преобладали статьи технического содержания и почти отсутствовали работы и статьи по экономике и политике лесного хозяйства». Ставя в известность, что он обращался ко многим лесоводам и экономистам с просьбой «осветить ряд сторон в строе и жизни лесного хозяйства частного, общественного и государственного», Морозов писал о том, что никто не пошел навстречу его пожеланиям.

Так характеризовали содержание и направленность журнала лица, хорошо знавшие нужды лесного хозяйства, высокообразованные, авторитетные, отдавшие лесному делу многие годы своей жизни.

Несомненный интерес для местных лесничих представлял раздел «Лесного журнала» «Известия о деятельности общества». Здесь, например, была помещена интересная для лесничих на местах статья: «Что мешает лесничему быть хозяином в лесу». На заседании общества в апреле 1875 г. секретарь доложил присутствующим, что Второй всероссийский съезд лесовладельцев и лесохозяев в 1874 г. в Липецке «задался целью изыскать меры, которые бы облегчили охранение лесных дач и проложили бы путь правильному лесному хозяйству, и видит как одно из главных средств к тому необходимость отделить от непосредственного ведения лесничего охранение лесов и канцелярские работы». Тут же были зачитаны дополнительные мнения, присланные восемью членами общества, которые сводились, коротко говоря, к следующему. Одни считали необходимым ввести в штат классных чиновников местного управления человека, который вел бы делопроизводство, счетоводство, бухгалтерские книги. Содержание ему предлагали назначить 500 руб. в год. Преподаватель Лисинского егерского училища М. К. Турский и некоторые другие считали, что необходимо сверх теперешнего числа лесничих иметь по меньшей мере 1000 помощников, на что потребовался бы расход в 400 тыс. руб. ежегодно. Они не сомневались в том, что «наши леса могут вынести» этот расход.

Изложению мнений по этому вопросу на страницах «Лесного журнала» посвящено было 58 страниц, где на десятках ярких и убедительных примеров доказывалось, что обременение казенных лесничих делами, мешающими им быть хозяевами в лесу, исключает возможность ведения рационального лесного хозяйства. Закончилось это длительное обсуждение избранием комиссии, которая должна была вынести решение, для изменения существующего порядка по Управлению казенными лесами.

Предложения комиссии, изложенные на пяти страницах и состоявшие из десяти пунктов, были доложены на заседании Лесного общества в ноябре 1875 г. Проведение их в жизнь несомненно улучшило бы положение лесничего, способствовало бы освобождению его от канцелярщины. Заканчивались предложения так:

«Необходимость очерченного выше преобразования комиссия считает крайне настоятельною. Но принимая во внимание недо-

статок материальных средств у Лесного управления для приведения в действие мысли комиссии во всей ее полноте, комиссия находит неизбежным ходатайствовать перед высшим начальством о постепенном приведении лесной администрации в тот вид, который указан выше. Для этого комиссия предполагает на первое время ограничиться лишь теми средствами, какие находятся в распоряжении лесного управления в настоящее время.

Фактически ходатайство сводилось к перестановке должностей. Так, на оплату лесничих, лесных ревизоров и кондукторов по старым штатам требовалось 1 384 698 руб., а по разработанной комиссией — 1 475 000 рублей. Количество лиц, состоявших на лесной службе, в 1873 г. равнялось 1279, по предложению комиссии, оно должно было увеличиться только на 19 человек. Собрание Лесного общества постановило отпечатать доклад комиссии и назначить обсуждение этого вопроса на следующем заседании, чтобы к тому времени успели высказаться все желающие.

Комиссия просила дополнительно только 91 852 рублей. Более чем скромными надо считать пожелания комиссии, если учесть, как велики были площади под казенными лесами в те годы. И на местах понимали, что при таком методе решать коренной вопрос — «что мешает лесничему быть хозяином» сдвигов в системе управления лесами не могло быть. Вопрос о финансах был поставлен на совете Лесного общества еще в 1871 г., обсуждался на съезде в 1874 г., создавались комиссии для решения его, к обсуждению был привлечен ряд видных лесоводов, на личном опыте познавших сложность обязанностей лесничего: канцелярских, полицейских, адвокатских, хозяйственных и т. д. и в результате — ходатайство о дополнительном ассигновании ничтожной суммы. Как говорится, «гора родила мышь».

Проходили годы, и даже в лучших казенных лесничествах с большой доходностью положение лесничих оставалось тяжелым. Например, Гайсинское лесничество Подольской губернии площадью 12 тыс. десятин дало валового дохода в 1878 г. около 52 тыс. руб., в 1879 г. — 60 тыс. руб. «Гайсинскому лесничеству можно предсказать весьма хорошую будущность — писал лесничий В. Туревич в 1880 г., ... — но к большому сожалению оно нуждается еще во многих административных улучшениях: в постройке казенных домов лесничему и почти половине наличного состава лесной стражи, в назначении двух кондукторов в помощь лесничему, в прибавке разъездных денег лесничему и кондукторам... Лесничество причислено к 1-му разряду, дает большой доход, а персонал его не обеспечен самым необходимым».

«Во всяком случае,— писал в 1880 г. Стычинский, главный лесничий Уманского лесничества площадью 10 170 десятин,— можно смело принять за среднюю цифру валового дохода минимум 108 тыс. руб., чистого дохода не менее 100 тыс. руб....». Стычинский, теоретически хорошо подготовленный, с большим прак-

тическим опытом, критически мыслящий, руководивший лесничеством, приносившим большой доход, так заканчивал содержательную, богатую цифровым материалом статью «...Деятельность каждого лесничего замкнута в столь узких рамках, что он не в силах приносить желаемой пользы; эти рамки приучают его ко всему относиться равнодушно, почему очень многие лишаются энергии к труду и к полезной деятельности. Действительно, при настоящем положении лесничего невозможно и думать об улучшении нашего хозяйства...».

Так, по материалам журнала, обстояло дело в лесничествах на юго-западе России, с площадью 10—12 тыс. десятин, руководимых лесничими, обладавшими большим практическим опытом, глубоко преданными лесному делу. Можно представить положение лесничих на севере, с лесничествами в десятки и сотни тысяч десятин, удаленных от культурных центров.

Много времени и внимания уделяли видные члены Лесного общества критическому разбору лучших иностранных и русских книг и статей по лесному делу. Уже во втором выпуске «Лесного журнала» за 1871 г. появился раздел «Библиографическое обозрение», в котором были помещены детальные отзывы на статью «О развитии смолокурения на севере на артельных началах», появившуюся в трудах Вольного экономического общества, и на книгу Ташенберга «Энтомология для садовников и любителей садоводства», первый — на восьми с половиной, второй — на пяти страницах.

В 1883 г. вышла книга Я. С. Медведева «Деревья и кустарники Кавказа», а в 1884 г. в журнале были напечатаны содержательные отзывы о ней И. П. Бородина и А. Краузе. В 1884 г. была выпущена книга Я. Вейнберга «Лес, значение его в природе и меры к его охранению», а в первом выпуске журнала за 1885 г. был напечатан обстоятельный отзыв о ней В. Т. Собичевского.

Особое внимание уделяли сотрудники «Лесного журнала» критическому разбору учебников по лесному делу, вышедших в России. Вот что, например, писал Д. И. Шилов в рецензии на книгу «Курс лесного законодательства» Романовского, в течение пяти лет преподававшего лесное законодательство в Лисинском лесном училище: «Как пособие для изучения лесных законов в лесных учебных заведениях она еще менее пригодна. Мало того, она не может быть допускаема в стены учебного заведения как пример того легкого отношения к предмету, которое развращающим образом действует на учащуюся молодежь. Житейское правило «не святые горшки лепят» не должно проникать в стены учебного заведения. Лепите с этим правилом горшки, но не прикасайтесь с ним к той чистой, свежей, честной молодой силе, которая назревает теперь в стенах учебных заведений, готовясь выйти на общественную арену с иным кругозором, с иными идеалами — не с Вашими».

ЛЕСНОЕ ОБЩЕСТВО И ЛЕСНЫЕ НАУКИ

Впервые мысль о постановке опытов по лесоводству была высказана в Германии в 1826 г. проф. Гундесгагеном. В 1861 г. были организованы опытные станции в шести лесничествах на площади 23,5 десятин в Саксонии, позже в других местах, где велись наблюдения и ставились опыты, не связанные общей идеей. Переломным моментом в лесном деле надо считать 1868 г., когда в Вене на съезде лесничих было решено избрать особую комиссию из представителей Пруссии, Баварии, Саксонии, Вюртенберга, Австрии для составления плана организации общегерманских лесоводственных станций и наметки вопросов, которыми они должны заниматься.

В России идея организации лесных опытных станций была выдвинута В. Т. Собичевским в 1869 г. на страницах журнала «Русское сельское хозяйство». Исходя из положений, высказанных 40 лет назад в немецкой лесоводственной литературе, что лесная наука, изучающая деревья, развивающиеся не в один — два года, а, как правило, в течение десятков лет, требует длительных стационарных наблюдений и опытов, Собичевский приходит к выводу, что только систематические опыты, наблюдения, исследования — единственное средство для успешного развития в будущем лесной науки. «Очевидно — писал он, — что успех научных лесоводственных исследований во многом будет зависеть от самого устройства этих опытных лесохозяйственных станций, числа их, надлежащего выбора для них места, равно от лиц, которые займутся статистическими исследованиями».

Учитывая, что в лесном хозяйстве приходится ждать ответа на поставленные вопросы в течение нескольких десятков лет, Собичевский писал: «Отсюда необходимость преемственности в лесном хозяйстве: на многие вопросы, предложенные нами природе, ответ получают наши внуки и удовлетворительным он будет, если самая постановка вопроса правильна». Показав на ряде примеров, как разрешен вопрос об опытных станциях в Германии, Собичевский утверждал, что исследования «...показали необходимость единства в приемах исследования и организации их по одному общему плану, чтобы получаемые результаты могли

быть сравниваемы между собою, как вполне однородные величины...».

Наиболее правильным Собичевский считал создание станций двойного рода: главных, или центральных, и второстепенных, или местных. Первые организуются при высших лесохозяйственных школах, например, при Петровской земледельческой и лесной академии, вторые — на местах, в зависимости от объекта: изучение дуба, например, проводится в Казанской губернии, где дубов много; липы, клена, ясеня и осины — в Тульской, лиственницы — на Урале. На центральных станциях, полагал он, должны вестись наблюдения над прорастанием семян главных лесных деревьев на различных почвах (сообразно с различием их обработки и степени удобрения различными веществами), над развитием семян различной свежести, величины, в зависимости от качества деревьев, с которых собраны семена и от способа хранения их. На этих же станциях должны производиться физические исследования (температуры и влажности почв, прочности, плотности, упругости, веса деревьев в зависимости от характера местности, возраста), химические (анализ золы древесины ствола, ветвей, корней, содержание дубильных веществ в древесине, коре и плодах, определение стоимости древесины хвойных пород), физиологическое исследование, например, решение вопроса о причинах болезней. На центральных станциях должны изучаться также вопросы естественного и искусственного возобновления.

По лесной таксации Собичевский намечал для изучения такие темы:

«определение степени точности результатов, получаемых при вычислении массы и прироста единичных деревьев, срубленных и растущих, равно запаса целых насаждений, различными способами;

сбор материалов, необходимых для составления опытных таблиц;

определение содержания плотной древесной массы в различных складочных мерах, наиболее употребительных в одной местности» и ряд других.

На местных станциях он имел в виду «наблюдения над температурой, количеством атмосферной влаги в лесу и на площади, не покрытой лесом, над испарением влаги и влажностью почвы и т. д....». Заключал Собичевский указанием на «необходимость введения и в русском сельском хозяйстве статистических лесоводственных исследований».

В. Т. Собичевский активно пропагандировал лесное дело. В речи «Задача лесоводства и средства для ее решения», сообщая о положении лесного дела в Германии, он доказывал необходимость учреждения опытных лесоводственных станций, как единственного пути для правильной разработки лесоводства в широком смысле. «Без таких станций,— утверждал он,— лесовод-

водство всегда будет блуждать во мраке, как блуждает оно теперь, будет повторять одни и те же избитые положения».

Спустя четыре года после появления в печати цитированной статьи В. Т. Собичевского, к вопросу о лесных опытных станциях возвращаются на Первом всероссийском съезде лесовладельцев и лесохозяев в 1872 г. Доклады М. К. Турского, Ф. Полонского и Н. М. Зобова на этом съезде посвящаются теме — в какой мере нужны единообразные опыты и наблюдения в русских лесах, какие именно опыты и наблюдения, каким путем и на каких основаниях должны производиться.

Каждый из докладчиков предлагал решить вопрос со своей точки зрения, без должного учета конкретных условий и очередности тех или иных опытов и наблюдений.

Так, М. К. Турский считал необходимым:

«1) устройство опытных станций на первое время хотя бы при учебных лесных заведениях; за составлением единообразной программы для станций обратиться к профессорам и преподавателям этих заведений;

2) до устройства станций в надлежащем количестве, ныне же положить начало разъяснению тех вопросов, которые разрешаются отводом постоянных пробных площадей, предназначенных для исследований;

3) сделать постоянным собирание данных для русских массовых таблиц;

4) условиться на съезде относительно меры для измерения деревьев».

Из этих пунктов особенно важным надо признать второй, в котором подчеркивалась необходимость отвода для наблюдений и опытов постоянных площадей.

Полонский находил нужным производить следующие наблюдения и исследования:

«1) над скоростью разрушения пней, остающихся после срубki деревьев;

2) над временем цветения и опадания листьев, изменения цвета их у различных древесных и кустарниковых пород;

3) над изменением цвета и вообще наружного вида коры березы после снятия бересты;

4) над развитием и всхожестью семян, взятых с различных частей дерева и, относительно хвойных семян, с различных частей шишки».

В нашем распоряжении нет доклада Полонского, и мы лишены возможности судить о том, чем мотивировалась необходимость намеченных им работ.

Н. М. Зобов полагал необходимым вести наблюдения и исследования по таксации, технологии и лесовозобновлению («Определять количество древесной массы в различных насаждениях» и в частях деревьев при различных условиях произрастания, наблюдать над законами появления урожая семян» и т. п.).

Прошло еще два года, и на заседании общества 19 мая 1874 г. было прочитано сообщение Э. И. Шенрока, в котором он ставил вопрос, нужны ли нам опыты и все ли леса для них пригодны, и приводил такие соображения: «В чем состоит у нас наука лесоводства? Она есть наука преимущественно германская, и, хотя и нам она полезна своими общими выводами, но польза эта ограничена, ибо хозяйство, как дело практическое, не может развиваться на одних общих выводах — ему нужны и частные. Необходимо учреждение образцовых или опытных лесничеств».

Учреждение образцовых лесничеств как средство распространения лесоводственных знаний и развития лесного хозяйства было предложено Первому всероссийскому съезду лесовладельцев и лесохозяев, который обратился по этому поводу с ходатайством к Лесному обществу. По окончании прений съезд поставил на голосование следующие вопросы:

1) желательна ли ходатайство общества об устройстве особых опытных станций;

2) желательна ли ходатайство об учреждении опытных лесничеств наряду с организацией опытов в прочих лесничествах;

3) принять ли предложение А. Ф. Рудзкого «производить опыты вызовом к тому желающих лесничих»;

4) нужна ли инструкция с перечнем необходимых опытов и исследований;

5) нужно ли особое учреждение для направления и контроля опытов и наблюдений.

На основе голосования отрицательное решение было вынесено только по первому вопросу. Таким образом, положение В. Т. Собичевского о необходимости организации специальных лесных опытных станций было отвергнуто.

В 1873 г. на Первом международном конгрессе сельских и лесных хозяев в Вене была принята резолюция, в которой рекомендовалось правительствам разных стран приступить к учреждению и развитию опытных исследований по лесной части. Вопрос об устройстве таких станций в России был обсужден Лесным специальным комитетом. На основании заключения комитета, утвержденного министром государственных имуществ, Лесной департамент обратился к директору Петровской сельскохозяйственной и лесной академии с предложением составить соображения об организации при академии лесной опытной станции. Основные положения проекта В. Т. Собичевского по этому поводу сводились к следующему.

Лесная опытная станция при академии должна быть главной, или центральной, и должна находиться в непосредственной и постоянной связи с второстепенными или местными станциями, организующимися в центральной, южной и восточной России. Петербург или Лисино могут быть центром станций в прибалтийских, западных и северо-западных губерниях. Руководство

главной и местными станциями Собичевский предлагал поручить одному из профессоров лесных наук. Для полного успеха дела Собичевский считал необходимым, «чтобы заведывание Центральной лесной опытной станцией не считалось непременно служебной обязанностью того или другого профессора специальных лесных наук: это только обязанность нравственная».

Производство стационарных исследований на местных станциях, по мнению Собичевского, надо было поручить особым трем исследователям: двум, получившим высшее специальное лесное образование, и третьему — химику. Профессора лесных наук (химии, физики, ботаники, зоологии, механики, технологии, метеорологии), читающие эти предметы в академии, должны были считаться консультантами станций.

Выработать план устройства лесной опытной станции при Петербургском земледельческом институте Лесной департамент поручил самому институту.

Из очерков М. М. Орлова (1915) по организации лесного опытного дела в России видно, что «в восьмидесятых годах опытные станции, по-видимому, мало интересовали даже присяжных специалистов».

Велись наблюдения, ставились опыты по выяснению отдельных, чисто технических вопросов в Петровской даче Петровской земледельческой и лесной академии и в Лисинском учебном лесничестве. В 90-х годах на страницах журнала «Русское лесное дело» и в «Лесном журнале» появились описания лесных станций за границей и высказывания о своевременности и необходимости более широко организовать лесное опытное дело в России.

В 1892 г. была учреждена особая экспедиция Лесного департамента, работавшая под руководством проф. В. В. Докучаева, включившая в программу научное изучение лесоводственных вопросов: исследование причин безлесия степи и ее самооблесения, причин плохого роста степных посадок, выработка рациональных приемов облесения степи. Участки, на которых экспедиция в составе почвоведов, ботаников, зоологов, вела исследовательские работы, были преобразованы в 1899 г. в опытные лесничества: Мариупольское близ Великого Анадоля, Деркульское около Старобельска Харьковской губернии — исключительно степные; Каменно-Степное в Воронежской губернии, в район исследования которого входили не только посадки в степи, но и два ближайших казенных лесничества: Хреновской бор и Шипов лес. Основными научными сотрудниками этих лесничеств были лесничие и метеорологи, программа научных работ на каждый год обсуждалась и утверждалась комиссией при Лесном департаменте.

С 1895 г. лесным делом занималась особая таксационная партия под руководством В. Д. Огиевского, в состав которой входили Н. П. Кобранов и С. А. Самофал. Задачей партии было изучение естественного и искусственного возобновления, главным

образом дубовых и сосновых насаждений, составление опытных и массовых таблиц для отдельных районов. Освещению этих вопросов было посвящено ряд статей в «Лесном журнале».

В 1896 г. вышла из печати статья М. М. Орлова «Проект организации лесного опытного дела в России», в которой он сообщал, что из 12 лесных опытных станций в Германии, Австрии, Франции и Швейцарии 9 находятся при высших лесных школах, 2 при Центральном лесном управлении, 1 организована как самостоятельная. Признавая, что организация самостоятельных станций могла бы дать хорошие результаты, Орлов утверждал, что они требуют больших средств и потому приходил к выводу, что самым правильным было бы присоединение лесных опытных станций к высшим лесохозяйственным школам. Поэтому он предлагал следующее: лесные опытные станции учредить в ведомствах Министерства земледелия и Министерства государственных имуществ и открыть (на первое время) одну при Петербургском лесном институте, другую — при Московском сельскохозяйственном институте и третью при Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства. Общая программа исследований, по мнению Орлова, должна вырабатываться самими опытными станциями и утверждаться Лесным специальным комитетом.

М. М. Орлов полагал, что прежде всего опытные станции должны заняться разработкой вопросов естественного возобновления сосновых, дубовых и еловых насаждений, чистых и смешанных, а затем уже вопросами о способах искусственного возобновления и ухода за насаждениями и сборанием материалов для опытных таблиц запаса и прироста. Им были намечены и организационные вопросы (о местных и всероссийских съездах по лесному опытному делу, о финансовых расходах на станции и т. п.). В заключение к своему проекту он сжато формулировал положения, которые предлагал на обсуждение предстоящего очередного съезда лесовладельцев и лесохозяев. Можно оспаривать отдельные взгляды Орлова, но он подошел к решению поставленной задачи серьезно, со знанием дела.

В XIX столетии на фоне бескультурья и отсталости лесного хозяйства резко выделялась фигура лесоведа А. Е. Теплоухова, бывшего крепостного, блестяще окончившего в 1838 г. Тарандскую лесную академию в Германии, преподавателя лесных наук в Петербургской школе земледелия и горных наук, управляющего лесами огромного майората С. В. Строгановой. Его наблюдения и опыты в различных отраслях лесного дела несомненно представляли интерес для лиц, интересующихся лесным хозяйством. Его статьи в «Лесном журнале»: «Леса и лесоводство Шварцвальдских гор» (1840 г.), «О разделении почвы на классы производительности» (1842 г.), «О новом способе сидки дегтя в печах с цилиндрами» (1847 г.), «О пользе и вреде уборки вершинника»

Г. Ф. Морозов со студентами Петербургского лесного института на лесоводственной практике в Лисинском учебном лесничестве

хвороста и другого сора в лесах» (1850 г.) являются образцами тщательности в наблюдении, диалектического мышления.

А. Е. Теплоухов не только наблюдал, но и экспериментировал. Он проводил исследования удельного веса древесины некоторых важнейших в России пород, опыты с посадкой отдельных пород на разных почвах. В его статьях много цифр, обосновывающих расход рабочей силы и средств, необходимых для ведения правильного лесного хозяйства.

В процессе опытных работ выявлялось много интересных фактов. Но наблюдения, иногда и длительные, не были систематическими, опыты ставились без соблюдения хорошо разработанной методики. В течение десятков лет лесоводы и любители лесного дела занимались степным лесоразведением. На основе полученных результатов делались выводы о пригодности той или иной породы к условиям степи, но и в этой области не была еще разработана методика постановки опытов, гарантирующая правильное решение поставленной задачи.

Велись наблюдения, ставились опыты по выяснению отдельных, чисто технических вопросов в Петровской даче Петровской земледельческой и лесной академии и в Лисинском учебном лесничестве. Много трудов вложил М. К. Турский в метеорологические наблюдения в этом лесничестве, но они были недостаточно длительны для того, чтобы на их основе сделать соответствующие

обобщения. Наблюдения и опыты были лишены планомерности и систематичности, результаты их не всегда регистрировались, в опытной работе не было преемственности.

Факты представляют сами по себе лишь сырой материал и не могут служить основой для научных выводов. Только когда раскрываются не случайные, а существенные связи между наблюдаемыми фактами и выявляются определенные закономерности, когда правильность их подкрепляется длительными правильно поставленными опытами, можно говорить о науке. Наука не просто сумма знаний, а сумма знаний, приведенных в систему.

Одним из показателей состояния науки в любой области могут служить учебники, написанные крупными специалистами. В 1903 г. вышло в свет второе издание книги «Лесовозращение», написанной одним из наиболее образованных и опытных лесоводов Д. М. Кравчинским, почти 20 лет заведывавшим Лисинским учебным лесничеством. Книга предназначалась для студентов Петербургского лесного института. В ее разделе «Учение об условиях роста насаждений» количество семян дуба, березы, сосны, ели для сплошного посева приведено по данным зарубежных авторов: Бурхгардта, Гайера, Юдейха. О влиянии величины желудей на рост дуба в первый год жизни Кравчинский сообщает по данным Бауэра; количество удобрений, оказывающих действие на рост одногодичной ели, дано по Шмиту; требования дуба к почве — по немецким и английским исследованиям; о климатических разновидностях древесных пород автор сообщает по наблюдениям в питомниках Шотландии и Англии, Восточной Пруссии и Южной Франции. Даже цифры, характеризующие нормальную всхожесть семян сосны, ели, дуба, пихты, лиственницы, Кравчинский приводит по Гайеру, а не по работам отечественных исследователей и практиков. На 16 страницах раздела «Естественное возобновление насаждений» имеются многочисленные ссылки на ряд немецких статей, но нет ни одной ссылки на русские статьи. В разделе «Искусственное возобновление насаждений» больше 20 ссылок на немецкие работы и только одна на работу проф. М. К. Турского.

Частое цитирование зарубежных авторов можно отнести за счет власти «немецкины». Но после изучения русских работ в «Лесном журнале» и ознакомления с немецкими работами более правильным кажется другое объяснение.

Во второй половине XIX столетия лесное дело за рубежом шагнуло далеко вперед, к тому же немцы отличались в своих работах точностью и аккуратностью. А без точности и четкости в исследовательской работе нет науки. Анализ лесоводственной литературы, представленной в «Лесном журнале», приводит к убеждению, что за годы XIX столетия в России накоплен большой материал по лесному делу, приобретены знания по различным областям лесоводства, высказан ряд гипотез, но многое осталось не проверенным длительным опытом, не приведенным

в научную систему. И это прекрасно понимали критически мыслящие лесоводы того времени, сотрудники «Лесного журнала».

В 1851 г. в «Лесном журнале» появилась очень интересная содержательная статья (вероятно, А. Е. Теплоухова) «Что разумеется под именем рационального лесного хозяйства?». В этой статье автор ставил вопрос, «существует ли какое-либо лесохозяйственное сочинение, в котором были бы изложены правила, каким образом привести лес в такое состояние, чтобы все его произведения доставляли государству наибольшую пользу», и отвечал: «В сем отношении нет даже книги, содержащей первый опыт сравнительного определения общих итогов дохода, доставляемых лесною дачею, *при различных обстоятельствах*» (курсив мой. И. Б.). Здесь речь идет не вообще о доходе, а о сравнительном определении его. «Доселе,— продолжал автор,— при начертании правил лесоводства не было обращено достаточного внимания на жизнь, особое устройство и собственную организацию каждой отдельной породы, хотя очевидно, что не всякий способ воспитания и ухода безусловно соответствует каждой из них».

В 1869 г. В. Т. Собичевский утверждал, что «только систематически организованный ряд наблюдений, опытов, исследований — единственное средство для успешного развития в будущем лесной науки». В 1871 г. настаивал на том, что «без лесоводственных опытных станций лесоводство всегда будет блуждать во мраке, как блуждает оно теперь, будет повторять одни и те же избитые положения... Об издании сочинений по лесной статистике всего нашего обширного отечества пока не может быть и речи. Сведения, относящиеся к этому предмету, так еще бедны числом и достоверностью, что трудно делать из них какие-нибудь выводы, приходиться к тому или другому заключению».

«Современное лесоводство создалось почти без влияния науки,— писал в 1881 г. А. Ф. Рудзкий — почти исключительно эмпирически и потому, несмотря на развитие лесоводственной опытности (не опыта в научном смысле) в Германии, лесоводство и там бессильно до сих пор ответить на многие жизненные вопросы, ему настоятельно предлагаемые... При современном уровне лесоводства многие главнейшие вопросы являются отчасти неразрешенными, отчасти же вовсе и не поставленными... Нельзя даже сказать..., чтобы нынешнее лесоводство значительно ближе подходило к науке, чем лесоводство наших предков.

В книге «Лесные беседы» (1881 г.) Рудзкий утверждал, что «многочисленность имеющихся данных, заключающихся в так называемых опытных таблицах, ровно ничего не доказывает, так как в основание старых таблиц положены большею частью не исследования в лесу, а кабинетные соображения, да и новые таблицы (Бауэра) недалеко ушли от старых, допустив интерполяцию в непозволительных размерах».

В 1900 г. Г. Н. Высоцкий, осмотрев лесные посадки в Донском лесничестве и отметив разнообразие его грунтов, делает

вывод: «Столь же разнообразными должны казаться и их лесорастительные особенности, а потому какое-либо описание роста насаждения того или другого года посадки, при том или ином уходе или составе, без описания его положения и гидродинамических особенностей грунта, *не может иметь научного значения*» (курсив мой. И. Б.).

На Девятом всероссийском съезде лесовладельцев и лесохозяев в Самаре в 1898 г. видный лесовод-исследователь В. Д. Огиевский утверждал, что «вся история развития лесного дела показывает, что теми силами, которые у нас направлены на исследование, достигнуть этого нельзя».

«В настоящее время, — писал в 1901 г. Г. Ф. Морозов — лесоводство представляет собою пеструю и противоречивую смесь эмпирических и априорных правил различной достоверности, лишь кое-где пронизанную научным элементом. Большинство технических правил, выработанных эмпирическим путем, вне связи с изучением местных обстоятельств, представляет собою простые рецепты, применимые лишь на их родине, а в других местах — с большим риском.

...До сих пор еще лесоводство пользуется в широких размерах умозрением и простым перенесением научных законов, без специальной проверки их на сложных явлениях лесоводственной действительности.

«К науке обращались, но обращались как к пифии, которая должна все знать и прорицать, — писал в 1913 г. Г. Н. Высоцкий, — и вот наши многоязычные ученые-книжники добросовестно копаются в ворохах иностранной литературы, экстрагируют из нее все наиболее существенное и приходят к противоречиям, которыми еще более принижается авторитет науки. А почему у нас было так много книжников и мало экспериментаторов, следопытов? Очевидно, потому, что не было желающих или не было средств развить необходимую собственную экспериментальную деятельность. Практика не должна опираться на положения, вытекающие из самых поверхностных обывательских впечатлений и суждений, на каковых покоятся и поныне некоторые основы законодательства».

Видный лесовод П. Кнорре (1874), аккуратно следивший за литературой по лесному делу, пришел к заключению: «Опыты, производимые во многих образцовых лесничествах, доказывающие успешность разных культурных работ, не доказывают вместе с тем их финансовой выгоды и как научные факты представляют мало интереса».

Анализ литературы по лесному делу со второй половины XVIII по конец XIX столетия приводит к убеждению, что началом развития русской лесной науки в области степного лесоразведения надо считать 90-е годы прошлого века. Факторами, вызвавшими рождение этой науки, надо считать засуху, охватившую в 1891 г. почти всю степную черноземную полосу

и последовавшие затем неурожай и голод. Надо было выявить причины возникновения засух, разработать стройную систему мероприятий, предупреждающих стихийные бедствия.

В 1892 г. вышла в свет знаменитая книга В. В. Докучаева «Наши степи прежде и теперь». В этой книге автор дал тщательный, глубоко научный анализ причин, обуславливающих засухи, и утверждал, что черноземная полоса подвергается хотя и медленному, но упорно и неуклонно прогрессирующему иссушению. «Так дело продолжаться не может и не должно,— заключал В. В. Докучаев — безусловно должны быть приняты самые энергические и решительные меры, которые оздоровили бы наш земледельческий организм». Перечислив эти меры, он указал, что они «должны быть целны, строго систематичны и последовательны, как сама природа».

Лекции, статьи и книга Докучаева привлекли внимание широкой общественности. В периодической печати появились требования развернуть исследовательские работы. Правительство вынуждено было реагировать на голос общественности. Оно отпустило небольшие средства для работы по испытанию и учету способов ведения лесного хозяйства в России. Лесным департаментом в 1899 г. была организована экспедиция, во главе которой встал сам Докучаев — человек колоссальной работоспособности, блестящий организатор, умевший окружать себя талантливой, горячо преданной науке молодежью.

Хотя основной целью экспедиции было улучшение естественных условий земледелия, она включила в свою программу также лесоводственные вопросы: изучение причин безлесия и жизни естественных лесных насаждений, выявление причин плохого роста и гибели искусственных лесных насаждений в степи. Участки, где экспедиция проводила исследовательскую работу, были преобразованы в опытные лесничества.

На примере истории Хреновского бора Г. Ф. Морозов показал, к каким научно не обоснованным результатам приводили попытки решить большой вопрос о борьбе с засухой при возобновлении сосны без учета суммы факторов, определяющих успех дела. На этом же примере он доказывал, что такой вопрос можно решить правильно только путем глубокого критического анализа естественноисторической обстановки.

Особенное внимание на заседаниях Лесного общества и на страницах «Лесного журнала» с начала XX столетия уделялось вопросу о типах лесных насаждений. Выдвинутый Г. Ф. Морозовым и разработанный им в ряде докладов и статей этот вопрос вызвал широкий обмен мыслей и ряд детальных исследований, сыгравших огромную роль в развитии лесных наук. Лесное общество всячески способствовало пропаганде лесной науки среди широкого круга лиц, интересовавшихся судьбами лесного хозяйства в России. Но развитие этой науки всегда ограничивалось недостаточными ассигнованиями правительства.

ЛЕСООХРАНИТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН

Еще в 1833 г. в «Рассуждении о необходимости охранения лесов от истребления» упоминалось о том, что «правительства иноземные стесняют частных владельцев в расточительном употреблении лесов и дозволяют пользоваться оными условно, в известных и нередко тягостных для них пределах». Известны были министерству государственных имуществ и лесоохранные законы, издававшиеся за рубежом в последующие годы. Уже в 70-е годы XIX столетия ставился вопрос о необходимости закона, ограничивающего свободу частных лесовладельцев в распоряжении лесами. Вопросы лесоохранения поднимались на Первом всероссийском съезде лесовладельцев и лесохозяев в Москве в 1872 г. и позже в «Лесном журнале». Но только 4 апреля 1888 г. был издан лесоохранный закон, несколько измененный в 1901 г. В этом законе различались защитные и водоохранные леса, а также другие леса, подлежащие сбережению.

Защитными и водоохранными признавались леса вблизи верховьев рек и их притоков в 37 губерниях. В остальных местностях европейской части России защитными могли быть признаны леса, сдерживающие сыпучие пески или препятствующие их распространению по морским побережьям, берегам судоходных и сплавных рек, каналов и искусственных водохранилищ; защищающие от песчаных заносов города, селения, железные, шоссейные и почтовые дороги, произрастающие на горах, крутизнах и склонах, если эти леса и кустарники удерживают обрывы земли и скал или препятствуют обрыву.

Для защитных лесов составлялся план хозяйства, в них запрещалась расчистка, сплошная рубка, корчевание пней и пастбища скота.

Проведение в жизнь лесоохранный закон возложено было на лесоохранные комитеты, учреждавшиеся в каждой губернии под председательством губернатора и состоявшие из четырех выборных представителей местного общества (губернского предводителя дворянства, председателя губернской земской управы и двух лесовладельцев по выбору земского собрания), двух лесоводов, представителя от крестьян и председателя окружного суда.

Заявления о признании данной лесной дачи или части ее защитной должны были подаваться губернским и уездным земским управам, министерствам (земледелия, путей сообщения) и Лесным управлениям Министерства императорского двора и уделов. Право признания дачи защитной предоставлено было лесоохранительному комитету.

Как реагировали видные члены Лесного общества на издание лесоохранительного закона?

Уже в 1888 г. Н. К. Генко писал: «Как бы то ни было, честь и слава лицам, благодаря энергии которых осуществился этот закон. Остается лишь пожелать, чтобы он не был мертвою буквою и чтобы министерство государственных имуществ нашло бы средства для учреждения фактического, а не бумажного надзора за русскими лесами».

Основным недостатком лесоохранительного закона является недоучет разнообразия почвенно-климатических, этнографических, материальных и бытовых условий. То, что могло быть очень приемлемым, например, для Херсонской губернии с ее крайним недостатком в лесе, могло оказаться ненужным для лесистой Вологодской губернии с ее относительно небольшой населенностью.

Как опоздала Россия с изданием лесоохранительного закона, показал в работе 1888 г. Б. Ф. Павлович. Он сообщал, что уже в 1827 г. во Франции был издан закон, запрещающий лесовладельцам производить расчистки в лесах, не поставив об этом в известность подпрефекта по крайней мере за четыре месяца. По лесному закону 1852 г. на лесных площадях Баварии должно было совершаться постоянное «возращение» леса. Павлович кратко характеризовал лесоохранительные законы в Австрии (1852 г.), Пруссии (1875 г.), Швейцарии (1876 г.), Италии (1877 г.), Венгрии (1879 г.). За нарушение законов назначались взыскания.

Ф. К. Арнольд характеризовал лесоохранительный закон 4 апреля 1888 г. как «выражение правительственного почина в деле приведения наших лесов в такое состояние, при котором они могли бы действительно иметь государственное или общественное значение». Вместе с тем он признавал, что «министерство приступило к введению нового закона без всяких денежных средств и с таким запасом интеллектуальных сил, с таким наличным составом специалистов, который был едва достаточен для хозяйства в казенных лесах».

Показателем того, как охранялись леса после 1888 г., служат такие сообщения с мест.

Неизвестный автор сообщает в статье «Несколько слов по поводу лесоохранительного закона», помещенной в «Лесном журнале» за 1889 г.: «Практика лесоохранительного закона до сих пор, по крайней мере в сфере непосредственно наблюдаемой мной, более печальна, чем утешительна... Требование лесохра-

нительного комитета доставить точные сведения о площади защитных лесов не могло быть выполнено лесничими за недостатком времени и средств произвести необходимые для сего исследования». Тут же автор разъясняет, что параграфы закона о «незащитных» лесах составлены так, что лесовладелец при желании может обойти закон, и сообщает, что крестьяне-лесовладельцы сводят свои леса «из опасения, что их леса будут отбираться в казну». Подводя итоги высказываниям, автор делает заключение: «есть достаточно оснований опасаться, что цели лесосохранения едва ли будут достигнуты».

А. А. Русов, констатируя, что в 1889 г. было замечено благоприятное влияние нового закона на положение лесоводства, должен был признать, что «в последующие годы, впрочем, рубка лесов для расчистки их опять увеличилась, так как и лесовладельцы, и лесопромышленники освоились с процедурой исхода тайствования разрешения на уничтожение лесов. В настоящее время, как и прежде, рубится такое количество леса, какое требуется на весь рынок, потребляющий лесные продукты Черниговской губ.» А рынок этот был не малый: по сообщению того же Русова, лесные материалы вывозились из Черниговской в Киевскую, Полтавскую, Екатеринославскую и Херсонскую губернии.

Практиковались не только расчистка, но и опустошительные рубки. Так, было подсчитано, что в Черниговской губернии за 1890—1895 гг. разрешена была расчистка на площади в 36 042 десятин, а самовольные опустошительные рубки произведены на площади 21 754 десятины. Так «сберегались» леса после издания лесоохранительного закона.

В 1904 г. вышел из печати «Свод трудов местных комитетов», образованных особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В трудах рассматривался и лесоохранительный закон, особенно подвергался критике способ проведения его в жизнь. Ряд комитетов констатировал: «1) лесоохранительный закон бессилен, так как лесоохранительные комитеты бездействуют и местного надзора за лесами нет; 2) лесоохранительный закон не достигает цели, так как применение его неодинаково для разных лиц, совершенно произвольно и связано даже с злоупотреблениями;

3) лесоохранительный закон не приносит пользы, потому что лесоохранительные комитеты далеки от жизни и решения их совершенно случайны».

Революционные события 1905 г. побудили многих членов Лесного общества по-новому отнестись к судьбам лесного хозяйства России. Создававшаяся общественно-политическая обстановка показала, что вопрос о лесах не может решаться, как полагали члены общества раньше, в отрыве от аграрного вопроса. На заседании общества 20 ноября 1905 г. были розданы присутствовавшим положения доклада М. М. Орлова «Нужды русского

лесного хозяйства». На этом же заседании был заслушан доклад Г. Н. Высоцкого «Об идеалах в аграрной политике».

«Крупной ошибкой при составлении закона о сбережении лесов,— писал лесничий Д. С. Шилкин,— по мнению, высказанному в комитетах, было то, что закон этот составлялся чисто кабинетным путем, без опроса лиц и учреждений, близко знакомых с местными нуждами и условиями вообще и в российском лесоводстве в частности».

Тесно увязывая лесоохранительный закон с землеустройством на новых началах, М. М. Орлов в книге «Нужды русского лесного хозяйства» (1906 г.) писал: «Кроме отношения к землеустройству, лесоохранительный закон выдвигается среди других вопросов современного русского лесного хозяйства еще и потому, что он, имея общее распространение, затрагивает наиболее чувствительные интересы всего населения». Анализируя современную ему литературу, он сводит возражения против этого закона к трем категориям.

Возражения первой категории называет он принципиальными, оспаривающими допустимость вмешательства государства в хозяйственную деятельность частных лиц, с точки зрения правовой и экономической. Эти возражения Орлов считает преходящими, поскольку идея о допустимости государственного вмешательства, ограничивающего свободу в хозяйстве частных лиц, становится распространенной.

Ко второй категории он относит возражения против лесоохранения с естественноисторической точки зрения, когда стараются доказать вред леса для сухих мест, где лес будто бы снижает влажность почвы. Эти возражения Орлов считает не заслуживающими серьезного внимания.

Возражения третьей категории сводились к перечислению недостатков закона не принципиального, а практического порядка: «Специальных органов лесоохранения учреждено не было, так как лесоохранительные комитеты едва ли можно признать за таковые в силу малочисленности, пестроты и некоторой случайности их состава. На расходы по лесоохранению ассигновывались сравнительно ничтожные суммы; чины же казенного лесного управления не могли уделять лесоохранению достаточного времени, так как обычно они не успевали исполнять всех своих непосредственных обязанностей; то немного, что ими делалось, шло за счет ничтожного досуга или же было отнято от хозяйства в казенных лесах». Орлов утверждал, что при таких условиях большой пользы от закона 4 апреля 1888 г. ожидать нельзя. «Теперьшнее прямое лесоохранение — писал он, по преимуществу бумажное...». Признавая существующую организацию лесоохранения в России совершенно неудовлетворительной, он считал необходимым поручить проведение в жизнь лесоохранительного закона специальным органам государственного управления,

поставленным в тесную связь как с местными земствами, так и с казенным Лесным управлением.

М. М. Орлов вынужден был признать, что «приведенные возражения против лесоохранительных комитетов и их действий, а также против местного надзора должны быть признаны всецело; они скорее преуменьшены и смягчены, чем преувеличены, так как в жизни постоянно и со всех сторон приходится слышать, а лесоводам даже и сталкиваться со случаями самого вопиющего нарушения лесоохранительного закона, происходящего вследствие несовершенств той администрации, которой вверено проведение лесоохранительного закона в жизнь». В результате критического анализа основных положений закона М. М. Орлов пришел к заключению, что «необходимо теперь же пересмотреть лесоохранительный закон и изменить те органы, которые его до сих пор проводили в жизнь».

История разработки и проведения в жизнь лесоохранительного закона напоминает историю других лесных законов в России. Наиболее прогрессивные лесовладельцы настаивали на законодательстве, обеспечивающем сохранение и возобновление лесов. Годами такие ходатайства об этом «рассматривались», а по существу «мариновались». Наконец, законы, преисполненные самых благих пожеланий, издавались, но не выполнялись или выполнялись так, что ожидаемая польза превращалась во вред. Так происходило потому, что окончательно формулировали законы правительственные чиновники, не заинтересованные в этих законах, а проведение их поручалось лицам, не только не сочувствовавшим, но и противившимся лесоустройству.

Показательны цифры ассигнований на проведение в жизнь лесоохранения: в 1903 г. общие расходы равнялись 138 785 руб., 32% из них истрачены на переписку; в 1908 г. было ассигновано 135 848 руб., из них свыше 70 тыс. руб. истрачены на канцелярские расходы.

В выступлениях членов Лесного общества и в статьях «Лесного журнала», в книге М. М. Орлова наряду с критикой лесоохранительного закона намечались конкретные предложения, каким он должен быть. Однако лесной департамент на это не реагировал.

К концу 1906 г. стало очевидным, что лесоохранительный закон не решил поставленной перед ним задачи. Детище канцелярского творчества оказалось беспомощным в предупреждении опустошительных рубок, а часто и вредным, когда, например, запрещались расчистки в лесистых местностях, где ощущалась крайняя нужда в полевых и луговых угодьях.

По инициативе Лесного общества в конце января 1911 г. был созван в Петербурге Лесоохранительный всероссийский съезд лесовладельцев и лесохозяев, который должен был решить вопрос о коренной реорганизации политики и практики лесоохранения в России. Надо было разработать проект нового лесоохра-

нительного закона для внесения его в Государственную думу. На этом съезде членами Лесного общества были сделаны доклады на тему: «Основы лесоохранительного закона»; «О влиянии лесоохранительного закона на сохранение лесов в России»; «О выкупе в казну лесов защитных и водоохранных»; «Истребление лесов в Сибири и необходимость введения лесоохранительного закона». Заслушаны были доклады и не членов общества по частным вопросам, связанным с лесоохранительным законом.

Съезд вынес ряд резолюций по вопросу о задачах сбережения лесов, основное содержание которых сводилось к следующему: лесоохранительный закон должен быть распространен на все леса, исполнительные органы по лесоохранению должны быть централизованы поездам с привлечением к этой работе широкого круга представителей земства и лесовладельцев.

Присутствовавшие на съезде лесовладельцы категорически настаивали на созыве другого съезда, мотивируя это тем, что их в данный момент мало, что они не предвидели такой постановки вопроса. Другой съезд решено было созвать осенью 1912 г. Критическому анализу основных положений закона, подробному изложению резолюций состоявшегося лесоохранительного съезда, наметке основ будущего съезда и обоснованию их посвящена работа члена Лесного общества Д. М. Зайцева, вышедшая в свет в 1911 г. Но съезд не состоялся. Так бесславно закончилась эпопея с лесоохранительным законом.

ЛЕСНОЕ ОБЩЕСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ 1905 г.

ЕВМ

Революционные события 1905 г. захватили крестьянство. Осенью 1905 г. в крестьянских волнениях участвовало более трети уездов европейской части России: Центрально-Черноземный район, Поволжье, Украина. Разгромлено было до 2000 помещичьих имений. В августе 1906 г. возникла массовая политическая организация крестьян — Всероссийский крестьянский союз. Встал на повестку дня коренной для крестьян земельный вопрос. Эти волнующие события нашли отклик и в среде прогрессивных членов Лесного общества. «Переживаемые тяжелые исторические моменты,— писал М. М. Орлов в 1906 г.,—кладут начало новой эпохе, которая существенно изменит государственную, общественную и экономическую жизнь страны. Глубокие и всесторонние изменения во всех отраслях жизни требуют великого труда... Такая работа, сначала идейная, а потом и практическая, должна быть произведена в каждой отрасли общественной жизни, неминует она, конечно, и в области русского лесного хозяйства. Поэтому, желая обсудить современные нужды русского лесного хозяйства, надо поставить на первый план землеустройство и лесоохранительный закон».

Лесовод В. Н. Штурм в 1906 г. писал: «Является необходимость совместного изучения лесных условий экономических, агрономических и лесоводственных... Оставление без пользования в течение десятков лет лесных полей в надежде на их естественное зарастание лесом при существовании крайней нужды местного населения в сенокосах и пашнях — большой недочет в государственном хозяйстве страны. В таких случаях нужны или немедленное закультивирование свободных полей, или отдача их в сельскохозяйственное пользование».

«Крик земли слышен во всех углах России и не внимать ему дольше нельзя...» — утверждал лесовод В. Фаас в 1906 г. и приводил такие цифры: по данным Центрального статистического комитета за 1888 г., из 382 млн. 125 тыс. десятин земли в европейской части России крестьянскому населению, наиболее многочисленному, принадлежит 125 млн. 873 тыс. десятин, т. е. 33% всей площади.

В 1893 г. из общего числа крестьянских дворов в европейской части России до 7% было безземельных, а в отдельных местностях до 14,7% (в Киевской губернии), 17,3% (в Ковенской губернии), 22,9% в (Бессарабии). В период 1893—1896 гг. число безлошадных хозяйств в большинстве губерний поднялось до 33,2%.

Так для членов Лесного общества становилось очевидным, что решать проблему лесного хозяйства надо в самой тесной увязке с сельским хозяйством, с вопросом об обеспечении крестьянства землей. Тут же возникала необходимость наметить систему мероприятий по решению лесной проблемы. М. М. Орлов в 1906 г. высказался так: «Как бы ни осуществлялась в частности предстоящая аграрная реформа, если только она не будет национализацией земли, то несомненно, что она должна быть проводима без нарушения права собственности, являющегося основой современного уклада жизни... лес неминуемо будет входить в большинстве случаев в состав покупаемых, продаваемых и обмениваемых земель; поэтому естественно, что участие лесоводов во всех выше названных учреждениях (земельных банках, посреднических комиссиях), проводящих аграрную реформу, необходимо».

Основными при увязке землеустройства и лесоохранения Орлов считал такие положения: «При землеустройстве, основанном на увеличении крестьянского земельного владения за счет земель казенных и частновладельческих, необходимо всегда иметь в виду принципы рационального лесоохранения».

При землеустройстве, связанном с размежеванием и перераспределением земель, необходимо воспользоваться всеми случаями для обмена казенных безлесных земель на крестьянские и частновладельческие леса».

В. Фаас в 1906 г. полагал, что крестьянам, обделенным землей в 1861 г., должно быть передано из имеющегося земельного фонда все, что может быть отдано без нарушения государственных интересов и «без насилия над правами частных лиц». Что «экспроприация значительных площадей частновладельческих земель могла бы быть осуществлена по сравнительно низкой цене». Как и М. М. Орлов, он полагал, что в первую очередь крестьянам должны быть выделены земли из оброчных статей хозяйственного ведомства, около 4,5 млн. десятин.

Приведенные высказывания в основной части не встречали возражений при обсуждении на заседаниях общества и в «Лесном журнале», но редакция по этим вопросам не высказывала своей точки зрения. У членов общества не возникало сомнений в «священности» права собственника на землю, речь шла об обмене, выкупе, конфискации земли по невысокой цене. Интересно, что у М. М. Орлова уже возникала мысль о том, что земля может быть национализирована.

«Лесные работы,— писал В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России»,— принадлежат к наиболее дурно оплачиваемым; гигиенические условия их отвратительные, и здоровье рабочих подвергается сильнейшему разрушению; положение рабочих, заброшенных в лесную глушь, наиболее беззащитное, и в этой отрасли промышленности царит во всей силе кабала»¹.

Местные комитеты так характеризовали положение рабочих в лесной промышленности России. Например, комитет Олонецкой губернии указывал, что рабочим в лесу приходится жить в избушках без пола и потолка, с очагом посередине, что в такой избушке, площадью в 4 кв. сажени приходится ночевать 20—40 человекам, что отсутствует хорошая здоровая пища, рабочие болеют, а медицинской помощи нет. Комитет Новгородской губернии заявил о необходимости прекращения расчета лесопромышленников с рабочими товаром вместо денег. Тотемский уездный комитет высказался за установление санитарно-медицинского надзора на лесных промыслах.

Совету Лесного общества были известны «Труды местных комитетов» по вопросам лесного хозяйства, в частности о положении лесных рабочих, насчитывавших к 1905 г. около 2 млн. Но тема эта не затрагивалась обществом. В «Лесном журнале» печатались многие десятки статей о положении лесничих, кондукторов, лесной стражи и ни одной о рабочих в лесной промышленности. Только в связи с революционными событиями 1905 г. совет общества занялся этим вопросом.

На заседании 5 февраля 1905 г. было доложено письмо от 22 января 1905 г. председателя Общества для содействия русской промышленности и торговле графа Н. И. Игнатьева, в котором Лесное общество приглашалось высказаться «в столь возможно скорейшем времени, по вопросам: 1) о применимости германского закона о страховании рабочих в лесном хозяйстве и 2) каким образом должно быть устроено обязательное государственное страхование рабочих от несчастных случаев в нашем лесном хозяйстве». К письму была приложена книга, изданная в переводе названным обществом под названием «Германский имперский закон».

В виду возникших по поводу письма и книги прений было решено обсудить этот вопрос на одном из следующих заседаний общества. Позже в «Лесном журнале» было напечатано письмо от редакции, которое начиналось так: «Вопрос об охране жизни и здоровья рабочих приобрел в последнее время подобающее значение в русском обществе. Нужды рабочего сословия стали предметом особого внимания правительства и в недалеком времени ожидается издание закона об обязательном страховании горно- и фабрично-заводских рабочих». Дальше сообщалось, что тяжелое положение лесного рабочего бесспорно нуждается в об-

¹ В. И. Ленин, «Развитие капитализма в России», Госполитиздат, М., 1950.

пественной или правительственной регламентации, и извещалось об образовании Особой комиссии по страхованию рабочих.

В 1905 г. была напечатана статья П. С. Мошкова, посвященная вопросу страхования рабочих. Автор статьи писал: «За 1500 лет до рождества Христова еврейский закон гласил, что если хозяин нарочно или ненамеренно стал виновником потери рабом глаза, то он обязан отпустить раба на волю, или что если работодатель допустил своего быка боднуть слугу или постороннего, то обязан уплатить за то вознаграждение или самому пострадавшему, если тот остался жив, или его ближайшим родственникам, если таковой случай повлек за собой смерть пострадавшего». Продемонстрировав такой «показательный», по его мнению, пример заботы о трудящихся, автор утверждал, что Лесное общество обязано заботиться о лесных рабочих. Исходя из этого П. С. Мошков писал: «Наше общество имеет целью развитие в России лесного хозяйства. Ему должно быть дорого все то, что содействует этому развитию, а следовательно, и положение той трудящейся массы, которая на своих плечах выносит в жизни всю работу, создаваемую лесным хозяйством, поэтому на обязанности «Лесного общества» лежит принять все зависящие от него меры к поднятию благосостояния этой массы». Констатируя, что за фабричной и заводской промышленностью признана обязанность содержать увечных рабочих и ставя вопрос, почему же лишены этих прав лесные рабочие, он разъяснял, что причину такого несправедливого отношения «надо искать в социальных условиях». Фабрично-заводская промышленность сосредоточена в крупных центрах, ее рабочие представляют объединенную силу, совместно защищающую свои интересы. С этой силой приходится считаться как предпринимателям, так и государственной власти. В совершенно других условиях находятся лесные рабочие. Они разбросаны по громадной территории, в лесной глуши, без связи между собой, имеют чаще всего временную работу.

Заканчивал свою статью П. С. Мошков так: «Так как при решении этого дела явится много социально-экономических вопросов, в сфере которых мы — лесоводы не можем считать себя достаточно компетентными, то комиссии должно быть предоставлено право приглашать для участия в ее работах по ее выбору посторонних экономистов».

На внеочередном заседании общества 30 апреля 1905 г. П. С. Мошков сделал доклад на тему: «Германский закон страхования рабочих». В прениях С. С. Конаржевский прочел длинную выдержку из статьи М. Фридмана: «О страховании рабочих», напечатанной в № 35 газеты «Русь» за 1905 г. Эта выдержка приводится почти целиком, потому что она необычна по содержанию: «Итак, грандиозное здание германского обязательного страхования покоится на организации общественных сил, иным путем, бюрократическими способами оно было бы неосуществимо, таково единогласное свидетельство всех исследователей. Гер-

мания 1881 г. была страной, которая задолго до того ограничила власть своей бюрократии народным представительством, которая дала еще с 1869 г. право рабочих союзов и право стачек, где пресса свободна, собрания не нарушают закона, личность и жилище неприкосновенны. Правда, с 1876 г. свободному развитию рабочей партии были поставлены преграды. Но вообще говоря, страна оставалась правовым государством, и если в Германии правительство заявило, что оно не в состоянии осуществить обязательного страхования рабочих без прочной опоры в организации общественных сил, то что же сказать о России, где организация общественных сил едва началась и бюрократический режим принципиально враждебен? ...Кто уверен, если даже законы о страховании и будут хороши, что эти законы станут исполнять, что их не исказят и не изменят циркулярами, «конфиденциальными» распоряжениями? Сам комитет министров признал, что у нас законность не обеспечена. Нельзя облегчить рабочему невзгоды его многострадальной жизни иным путем, кроме предоставления самим заинтересованным лицам свободы бороться за свои интересы. Надо развязать руки и ноги людям, и они сами сумеют добиться того, что им нужно.

Удачное применение страхования рабочих в современной России невозможно. Оно требует организации общественных сил. оно немислимо без предоставления рабочим права отстаивать свои интересы теми способами, какие практикуются повсюду... Наступает новая эра, появляется новая форма промышленных и торговых предприятий. По меткому замечанию проф. Зомбарта, основным зерном рабочего вопроса следует считать борьбу против промышленного абсолютизма и феодализма во имя промышленного конституционализма...

Из приведенных соображений ясно, что страхование — одна из серьезнейших мер к улучшению положения рабочего — разделяет общую участь рабочего вопроса: оно не может быть проведено надлежащим образом без коренного изменения наших государственных порядков. Нельзя установить твердые гарантии для прав личности на фабрике, оставив за стенами ее полный простор бюрократическому режиму».

После коротких прений решено было избрать комиссию для разрешения не только вопроса страхования рабочих, а и других вопросов, например: неоформленности отношений рабочих с промышленниками, обстановки условий сплава и пр.

С. С. Конаржевский, зачитывая высказывания М. Фридмана о страховании рабочих в Германии и в самодержавной России, разъяснял докладчику П. С. Мошкову и присутствовавшим членам общества, что страхование рабочих, как и землеустройство, — вопросы не только экономические, но и политические.

В начале 1907 г., в период реакции, тема об аграрном вопросе, о лесном деле в связи с общегосударственной экономикой

и политикой не затрагивалась уже на заседаниях общества. Оно снова замкнулось в скорлупу лесоводственных вопросов, только эти вопросы рассматривались теперь в тесной связи с естествен-ноисторическими и экономическими условиями.

О тематике заслушивавшихся и обсуждавшихся в то время на заседаниях общества докладов можно судить по таким из них.

А. П. Молчанов, «Наблюдения над ростом сосновых культур, созданных путем посадок в различных казенных лесничествах». Доклад прекрасно был иллюстрирован фотографиями. Докладчик доказывал, что в массе наблюдаемых случаев причиной гибели саженцев сосны оказывалось подворачивание корней. Исходя из этого, он рекомендовал «подражать природе», которая выращивает лес не посадкой, а посевом семян и делает это с большим успехом, нежели человек.

Д. Д. Назаров, «О хозяйстве в казенных лесах Архангельской и Вологодской губерний в связи с условиями лесной промышленности на севере». Этот доклад, сделанный в 1911 г., представлял особый интерес в связи с предстоящим Двенадцатым всероссийским съездом лесовладельцев и лесохозяев в Архангельске, на котором был поставлен вопрос о лесах севера и их эксплуатации.

И. Н. Подвысоцкий, «Об эксплуатации лесов В. П. Храповицкого». Докладчик рядом цифровых данных демонстрировал, каким высоко доходным стало это хозяйство в результате подведения подъездного железнодорожного пути по совету и настоянию А. Ф. Рудзкого.

Деятельность общества представляла несомненный интерес для тех, кто принимал в ней непосредственное участие. Но, как и в прежние годы, для широкого круга лесных работников периферии не было стимула записываться в общество.

«ЛЕСНОЙ ЖУРНАЛ» ПОД РЕДАКЦИЕЙ Г. Ф. МОРОЗОВА (1905—1918 гг.)

В конце 1904 г. редактором «Лесного журнала» был избран проф. Г. Ф. Морозов. В конце 1904 г. по предложению Морозова было решено: с 1905 г. издавать журнал не шестью, а десятью выпусками и соответственно этому повысить подписную плату с 4 до 6 р.; снизить вдвое плату для учащихся высших учебных заведений; отклонить практиковавшуюся раньше льготную подписку на журнал для членов Лесного общества.

Таким образом, промежутки между выходами отдельных выпусков сократились, журнал стал более доступен для молодежи. И все-таки число платных подписчиков на «Лесной журнал» оставалось небольшим, поэтому экономическое положение совета общества оставалось тяжелым.

С приходом Г. Ф. Морозова изменялось постепенно и идейное направление журнала. До 1905 г. первый пункт его программы был сформулирован так: «Статьи по всем отраслям лесного хозяйства», а с 1905 г. на первом месте Морозов поставил: «Оригинальные статьи по всем отраслям лесного хозяйства», подчеркивая этим, что статьи не должны быть перепевами известного. что нужен новый подход к лесоводственным вопросам.

В ответе редакции на вопрос: «Что означает первый пункт программы» Морозов отвечал: «Если его расширить или развернуть эту краткую формулу, то это значит, что «Лесной журнал» должен обнимать вопросы лесоведения и лесоводства, экономики лесного хозяйства и организации его, наконец, политики лесного хозяйства». На указание автора этого вопроса, что «Лесной журнал» не уделял внимания экономике, Морозов отвечал: «Отсутствие сотрудников, по крайней мере, среди специалистов лесного дела по вопросам экономики и политики лесного хозяйства составляет другой тормоз, из-за которого трудно выполнить программу планомерно».

С 1905 г., как и в дореволюционные годы, в разделе «Библиография» уделялось много места рецензиям на книги по лесному делу. Но чаще начали печататься рецензии по вопросам ботаники, почвоведения, геологии и гидрологии. С 1906 г. рецензии давались также на книги и статьи по вопросам сельского хозяй-

ства: кормодобывания, пчеловодства, земледелия. Все чаще появлялись рецензии на работы по вопросам экономики, аграрному, политической экономии, затрагивающим темы, выходящие за узкие пределы лесного хозяйства.

В «Лесном журнале» с приходом Г. Ф. Морозова стали обсуждаться вопросы социального порядка. Так, в журнале за 1905 г. напечатаны рецензии на книги В. Э. Дена «Задачи экономического отделения СПб политехнического института»; А. В. Пешехонова, «Кустарная промышленность»; М. Н. Соболева «Общие течения финансовой политики государства»; М. Ф. Анненского «Нужды деревни».

Рецензент книги А. В. Пешехонова писал: «Развернутая перед нами аграрная тенденция заставляет серьезно задуматься над этим явлением и нас, казенных лесничих».

В письме секретаря Московского общества сельского хозяйства, напечатанном в № 8 «Лесного журнала» за 1905 г., утверждалось, что «справедливое и своевременное разрешение аграрного вопроса может еще предотвратить те грозные и стихийные потрясения, которые иначе суждено, вероятно, перенести России и начало которых раскатилось уже широкой волной по всей территории страны за короткий период — 5—6 месяцев»...

Редакция «Лесного журнала» понимала, что и для лесоводов назрела потребность правильно ориентироваться в аграрном вопросе, и в № 7 и 8 «Лесного журнала» за 1907 г. печатается указатель литературы по этому вопросу из 495 номеров.

В № 10 за 1907 г. в разделе «Библиография» подробно излагается содержание книги «Аграрный вопрос», публикуются записки М. Григорьева «Лес и аграрная реформа», доклады А. А. Кауфмана «Об отчуждении лесов» и «Отчуждение владельческих земель».

В вып. 4 «Лесного журнала» за 1907 г. помещен перевод статьи известного германского социал-демократа Г. Фольмара, в которой утверждается, что «теория почвенной ренты — не что иное, как последовательное приложение оснований капитализма к лесному хозяйству, что «защитники ее в лесной науке устраняют в лесном хозяйстве заботу об общественном благе и стремятся расчислить здесь свободный путь частнохозяйственным интересам». Поясняя свою мысль, Фольмар писал: «Решающим моментом в вопросе, оставить лес или срубить его, для школы почвенной ренты является не соображение о том, что согласно с требованиями науки, более полезно для общества, а исключительно расчет, при каком хозяйстве почва дает своему владельцу более высокую ренту. Если выгоднее держать почву не под лесом, а под пашней, лугом, пастбищем и т. д., то было бы безумием в таких условиях дальше продолжать лесное хозяйство... С признанием полной неприкосновенности частного права и абсолютной «священности права собственности» человечество должно было бы навсегда отказаться от лучших приобретений

культуры, если бы «счастливые владельцы» не захотели ими поделиться по собственной свободной доброй воле».

Суждения о «священности права собственности» не были созвучны взглядам руководства Лесного общества, Г. Ф. Морозов же сознавал, что наступили новые времена, возникли новые идеи, которые должны найти отражение и в «Лесном журнале».

До Морозова в журнале совершенно не затрагивалось учение Дарвина. В 1910 г. была напечатана рецензия на сборник статей «Памяти Дарвина». В 1913 г. печатается ряд статей на эту же тему, в том числе статья Г. Ф. Морозова «Дарвинизм в лесоводстве». В 1916 г. печатается статья А. Л. Сухова «Очерк современного состояния вопроса о наследственности».

Тираж «Лесного журнала» и количество подписчиков непрерывно увеличивались, что видно из помещаемых в табл. 5 данных.

Таблица 5

Год издания	Количество платных подписчиков	Тираж журнала
1907	454	1000
1908	717	1600
1911	1120	1470
1915	1264	2000

Февральская революция 1917 г. нашла яркое отражение в деятельности «Лесного журнала».

Г. Ф. Морозов в статье: «К вопросу о Всероссийском съезде лесоводов» писал в 1917 г.: «Как другие живут в постоянном недоедании, так мы, лесоводы,— в постоянном недоединении. Это наша особенность, приобретающая характер хронической болезни». Полагая безусловно необходимым созвать съезд лесоводов, он ставил в известность, что Лесное общество посвятило вопросу о созыве съезда заседание, на котором избрана была комиссия. Ей поручено было в ближайшее время созвать учредительное собрание съезда лесоводов и лесных техников. Собрание это состоялось 26 марта 1917 г. и на нем был заслушан доклад Б. Д. Зайцева «Цели Союза лесоводов и лесных техников и задачи его деятельности». Сообщая, что в процессе прений по докладу выявились две точки зрения на задачи союза — чисто политическая и узко профессиональная, Морозов утверждал, что «союз только тогда может быть оправдан морально, когда он подчинит свои профессиональные интересы другим началам идейного и государственного характера».

«Теперь,— писал он,— не время думать о своих правах, они сами собой придут, теперь нужно подумать о другом: сумеем ли мы оказаться на должной высоте, т. е. сумеем ли мы дать ответ

народу о том, как надо вести дело народного лесного хозяйства, какие принципы должны быть положены в основание будущей политики лесного хозяйства... не о правах надо думать, а об ответственности. Такой радостный, ответственный момент, какой мы переживаем, момент чрезвычайной важности, все значение которого и все последствия едва ли кто теперь в состоянии предвидеть, в такой момент высочайшего духовного напряжения — и вдруг узкие профессиональные интересы, претензии себялюбивого характера...! В момент, когда совесть мучает, покоя не дает, будем ли мы на должной идейной высоте, пойдем ли мы задачи, возложенные на нас временем и событиями, и вдруг вопрос о правах и имущественных улучшениях! Не о правах надо думать, а об обязанностях».

В вып. I «Лесного журнала» за 1917 г. помещен ряд писем в редакцию, посвященных призыву объединяться в губернские союзы (например, «К лесным кондукторам»), письмо лесничего «Об организации всех лесных работников», в котором перед Лесным обществом ставился вопрос о созыве Всероссийского съезда лесоводов и лесных техников и намечалась схема работы съезда.

В разделе «Письма в редакцию» сообщалось о том, что 26 марта 1917 г. состоялось в Петрограде учредительное собрание Всероссийского союза лесоводов, которое сочло необходимым выделить временный комитет, чтобы неотложно созвать Всероссийский съезд. На этом собрании были намечены цели союза, состав, средства и формы его организации. Подчеркивалось, что «сейчас главнейшая наша задача как специалистов — помочь родине организовать на правильных началах народное лесное хозяйство и сохранить леса путем признания их национальным достоянием». В этом же разделе был помещен ряд писем с мест, в которых сообщалось об организации съездов лесных работников на местах.

28 апреля 1917 г. в здании Петроградского лесного института открылся Всероссийский съезд лесоводов и лесных техников в составе:

Ученых лесоводов	298
Лесных техников	127
Студентов и курсисток	173
Воспитанников лесных школ	7
Посторонних гостей	36
Лесной стражи	1

Всего: 642

Съезд приветствовал председатель временного совета Всероссийского союза лесоводов Г. Ф. Морозов. В своей речи он наметил главные задачи союза:

признание лесов государственным достоянием;

широкое и планомерное удовлетворение лесом местного населения;

служение лесу под лозунгом «Берегите лес»;

объединение на пользу родному делу на основах удовлетворения насущных потребностей лесоводов.

В первый день съезда был заслушан доклад проф. Кауфмана «Аграрная реформа и задачи лесоводов», а 29 апреля доклад лесовода Лодыгина «Цель, задачи и организация союза».

На заседании 30 апреля 1917 г. Морозов выступил с докладом «О нуждах лесного образования». Отметив наряду с продовольственным и дровяным «голод в лесоводах», он предложил для обсуждения такие вопросы: 1) о количестве лесоводов; 2) о качестве их подготовки и 3) о популяризации лесного дела. По первому вопросу он настаивал на увеличении числа лесных институтов, на открытии институтов: «в области сухого лесоводства, в области мокрого лесоводства и хотя бы двух в Сибири». Морозов считал также необходимым учредить лесные кафедры в университетах, в первую очередь, в Казанском. С докладом «Об охране памятников природы» выступил академик И. П. Бородин. На этом же заседании был принят проект устава Всероссийского союза лесоводов.

В № 7—8 «Лесного журнала» за 1917 г. была напечатана статья Н. Михайлова «О национализации лесов», в которой, высказываясь за национализацию в целом, автор склонялся к мысли о социализации мелких лесовладений частных и крестьянских, о передаче таких клочков леса в заведывание местным общественным уездным органам или мелким земским единицам.

На съезде Всероссийского союза лесоводов в сентябре 1917 г. были заслушаны доклады давнишних членов Лесного общества Д. М. Товстолеса «Национализация лесов в России» и Н. Кузнецова «Государственные леса и пользование ими при земельной реформе». В этих докладах подвергались анализу доводы сторонников национализации, социализации и муниципализации лесов. Оба докладчика стояли за национализацию.

В выпусках журнала за 1918 г. опубликован был ряд статей о судьбах лесов. Такова статья П. П. Серебренникова «Задачи государственного лесоустройства». Основные тезисы статьи заключаются в следующем:

«Государственное лесоустройство, стремясь к тому, чтобы леса доставляли народу максимум полезностей, естественно, прежде всего должно иметь в виду интересы широких демократических масс населения, но не только местного, а всей совокупности этих масс, живущих на общей территории страны.

Государственное лесоустройство не может быть обособленным от общей экономической политики государства, все отрасли хозяйственной жизни которого неизбежно связаны друг с другом».

Интересным был доклад С. Ната «Леса и земельный фонд». «Последним словом настоящего доклада,— писал Нат,— являет-

ся сознание, что все лучшие силы страны должны быть объединены стремлением к знанию и вместе с этим к широкому развитию лесоводственной и сельскохозяйственной науки, завоевания которой всегда будут служить постоянными средствами борьбы с малоземельем, обеспечивая то широкое развитие интенсификации хозяйства, которое зиждется на стремлении к постоянному увеличению первоначальной производительности почвы».

Г. Н. Высоцкий в статье «Несколько слов о лесополье» писал: «Требуется быстрое, катастрофическое, непосредственное приближение к давним идеалам нашего народничества. Мощь этого требования так велика, что перед нею, по-видимому, не устоят никакие «устои» прежней нашей жизни. Все межевые столбы и ямы, все заборы и каналы могут быть сняты и выравнены. А взамен их новая планировка должна быть произведена соответственно требованиям наибольшей целесообразности».

После Великой Октябрьской социалистической революции «новая планировка» была произведена. Стало очевидным, что государственное лесоустройство не может быть обособленным от общей экономической политики, что все отрасли хозяйства и промышленности неразрывно связаны друг с другом. Встал вопрос не о паллиативах и реформах, а о революции в лесном деле.

МОСКОВСКОЕ ЛЕСНОЕ ОБЩЕСТВО

1 октября 1883 г. в большой аудитории Политехнического музея в Москве состоялось открытие Московского отделения Лесного общества.

Избранный председателем отделения лесной ревизор П. И. Жудра во вступительной речи подчеркнул, что среди членов-учредителей Московского отделения преобладают землевладельцы. Заканчивал он свою речь так: «Дай бог, чтобы деятельность отделения продолжалась безостановочно, не прерываясь никакими побочными неблагоприятными обстоятельствами, чтобы равнодушие, апатия и всякие обстоятельства подобно грибкам-паразитам, убивающим исподволь, незаметно наши деревья, не убили и то молодое дерево, которое как залог нашей совместной работы на пользу русского лесного дела мы, так сказать, мысленно посадили здесь сегодня, при самых счастливых предзнаменованиях».

По постановлению собрания общества в 1883 г. при Московском отделении было открыто комиссионное бюро для оказания помощи лесовладельцам в их практической работе по ведению правильного лесного хозяйства, созданию питомников и пр. В задачи бюро входили: рекомендация техников для устройства лесов, рассмотрение и проверка лесоустроительных отчетов; рекомендация лесничих, подлесничих и других низших лесных агентов, а также ревизия лесов; оценка леса при купле и продаже, составление контрактов и прочих действий, относящихся к эксплуатации леса; посредничество в приобретении лесовладельцами семян и культурных орудий, выдача справок, практических указаний по различным отраслям лесного хозяйства за небольшую плату.

Комиссионное бюро взыскивало со своих клиентов за рекомендацию на временные работы (съемку, оценку лесов, выпуск семян, орудий и т. п.) 10% их стоимости, за рекомендацию лиц на постоянные места 5% с годового денежного содержания.

В 1884 г. комиссионное бюро получило от частных владельцев за семена 335 р. 53 к. и за рекомендации техников 35 руб. О размерах помощи частным лицам в последующие годы говорят следующие цифры.

В 1887 г. 120 лицам и учреждениям отпущено было разных семян и саженцев на сумму 1803 р. 28 к., благодаря посредничеству в приобретении орудий и инструментов отпущено 52 разных предмета на сумму 196 р. 75 к., в приобретении книг и брошюр по лесному хозяйству — 275 экземпляров на 106 р. 80 к. За 24 года отпущено было 48 291 фунтов семян, 30 мер желудей, 1 144 260 саженцев, 902 инструмента и орудия. Для снабжения семенами желающих развести лес Московское отделение заарендовало на период 1884—1898 гг. московские бульвары для сбора на них семян лиственных древесных и кустарниковых пород.

В стремлении «к производству опытов и исследований» Московское отделение посылало на юг семена сибирской пихты, по особой программе измеряло глубину снежного покрова около лесных опушек, наблюдало за весенним таянием снега.

В Московской губернии в течение 1884 и 1885 гг. было заложено 11 питомников при народных школах Дмитровского и Верейского уездов. Летом 1887 г. члены отделения принимали участие в устройстве питомника при сельскохозяйственной школе в деревне Шелепихе под Москвой.

Изданы были работы Э. Э. Керна «Беседы о лесе», «Облесение южнорусских степей», М. К. Турского «О древесных саженцах», «Разведение лесных деревьев», Л. И. Яшнова «О древесных породах».

Организована была выставка по лесоразведению и древоводству, которую посетило 1300 человек. По экспонатам давали пояснения постоянные экскурсоводы; на выставке было продано 502 экземпляров брошюр и книг по лесоводству и древоводству.

На первых заседаниях отделения делались сообщения по лесоводственным вопросам. Много внимания уделялось пропаганде сведений по лесным знаниям. М. К. Турский, например, 1 декабря 1884 г. сделал сообщение «Об устройстве древесных питомников при народных школах» с расчетами, сколько дней и часов должен уделить ученик работе на создаваемом питомнике. Для примера он приводил Вознесенскую мануфактуру Дмитровского уезда Московской губернии, где при содействии отделения на принадлежащей мануфактуре земле, весной 1884 г. учениками школы был заложен древесный питомник на площади до 200 квадратных саженей и приготовлена такая же площадь для посевов и посадок в 1885 г. Этот факт представляет интерес и на сегодняшний день, когда вопрос о реформе средней школы стал таким злободневным.

Стремление землевладельцев интенсифицировать свое хозяйство характеризуется, например, следующим. На собрании в 1887 г. один из членов отделения доложил «Отчет об экскурсии в имение Зенино, принадлежащее И. И. Шаховскому и расположенное в 18 верстах к востоку от Москвы». Площадь этого имения составляла 716 десятин, в том числе удобной земли (пашня, сенокос, усадьба) было 660 десятин и неудобной — 56 десятин

(болота, камеломни, дороги). Под лесом и кустарниками занято было 280 десятин. Интересно то, что владелец имения задался целью обратить все сельскохозяйственные угодия под лес.

Свое решение Шаховской мотивировал результатами двадцатилетней практики в области сельского хозяйства, которая позволила ему сделать следующие выводы: «почва требует значительного удобрения, для чего надо содержать большое количество скота; искусственное удобрение стоит дорого, цены на хлеб падают, а рабочие руки дорожают; урожай хлебов, сам-друг, сам-третий и в редких случаях сам-четвертый; жить приходится в имении, так как наем управляющего обходится дорого».

Землевладелец Н. В. Сергеев утверждал, что по сведениям земства, хозяйства в расстоянии не далее 20 верст от Москвы не приносят пользы владельцу от занятой сельским хозяйством, что лесная рента в 5%, получаемая Шаховским от лесного хозяйства в Зенино, выше сельскохозяйственной и сопряжена с меньшим риском. Другой землевладелец — член отделения, исходя из пятнадцатилетнего опыта ведения хозяйства под Москвой, доказывал, что гораздо выгоднее заниматься молочным и овощным хозяйством в виду большого спроса московского рынка на продукты такого хозяйства. Одни члены отделения считали, что надо приветствовать увеличение площадей под лесом, а другие утверждали, что торф, нефть заменяют на заводах и фабриках дрова, и цены на них снижаются и будут снижаться.

Деятельность Московского отделения Лесного общества характеризуется следующим. За первые 25 лет на собраниях было заслушано до 225 докладов при 93 докладчиках: в том числе 84 — по лесному хозяйству, 58 — по лесовозращению, 21 — по лесоохранению, 19 — по лесной торговле, лесной промышленности и связанным с ними вопросами, 9 — по лесоуправлению и лесным законам. Десять заседаний потребовалось для того, чтобы обсудить вопрос об увековечении памяти М. К. Турского.

Разнообразна была тематика докладов: «О потреблении топлива на московском рынке» и «О влиянии леса в гигиеническом отношении», «О лесах южного берега Крыма» и «О древесной растительности в северной части Архангельской губернии», «О повреждении короедами еловых насаждений под Москвой» и «О лесном воровстве и борьбе с ним в Новосильском уезде Тульской области».

Тематика докладов была случайной. Исключением надо считать доклад Э. Э. Керна «Об укреплении и облесении оврагов», очень обстоятельный, прекрасно иллюстрированный, который был напечатан под заглавием: «Овраги, их закрепление, облесение и запруживание» и четыре раза переиздавался. Как бы дополнением к нему явился доклад В. В. Магаринского «Об облесении укрепленных оврагов в Тульской губернии весною и осенью 1892 г.», где были представлены конкретные данные о работе во

исполнение рекомендаций Э. Э. Керна. В процессе ее выяснилось, что для успешного выращивания лесных культур необходимо иметь собственный питомник.

В 1889 г. Московское отделение обособилось под названием Московского лесного общества, издававшего ежегодные отчеты о своей деятельности в виде приложений к «Лесному журналу». Устав этого общества, утвержденный в 1889 г., был опубликован в «Лесном журнале» за 1889 г. Ниже приводится его содержание (в сокращенном виде):

§ 1. Московское лесное общество имеет целью содействовать силами своих членов развитию лесного хозяйства, преимущественно в средней полосе России.

§ 2. Ближайшие задачи общества суть: а) исследование различных местностей в лесном отношении как по собственной инициативе, так и по запросам частных лиц; б) разработка лесных вопросов путем совещания членов на заседаниях, в беседах и на экскурсиях, путем публичных чтений и изданий как отдельных сочинений, так и периодического органа; в) устройство съездов и выставок; г) производство опытов и исследований; д) поощрение выдачею медалей и других наград за заслуги по лесоводству...; е) посредничество между лесохозяевами, лесопромышленниками и техниками и иными лицами по всякого рода вопросам и нуждам, касающимся лесного хозяйства и ж) ходатайство перед правительством о принятии мер, могущих иметь полезное влияние на развитие лесного хозяйства в России...

§ 3. Общество состоит из неограниченного числа членов — действительных, почетных и корреспондентов, избираемых из русских и иностранцев.

§ 4. Для заведывания делами общества имеется совет, состоящий из председателя общества, двух товарищей председателя, секретаря и казначея...

§ 6. В почетные члены избираются лица, приобретшие общую известность познаниями и заслугами в области лесного хозяйства, равно оказавшие особую пользу обществу».

«Забота» царского правительства и, в частности, Лесного департамента о развитии деятельности Московского лесного общества иллюстрируется следующими примерами.

Уже в начале деятельности общество признало необходимым иметь в своем распоряжении лесную дачу для ведения в ней рационального лесного хозяйства и производства опытов и исследований. Оно возбудило ходатайство об арендовании у казны Покровско-Шапкинской лесной дачи в 75 верстах от Москвы площадью 427 десятин на 24 года «с оплатою ежегодно суммы, равной среднему чистому доходу, исчисленному по лесоустройству 1881 г., который выражался в 500 руб.» О результатах ходатайства председатель общества доложил следующее: «Это была ничтожная жертва сравнительно с тою громадною пользою русскому лесному делу, которая тесно связана была с предоста-

влиянием обществу лесной дачи. Но высшая лесная администрация не протянула руку помощи молодому учреждению».

По решению специально избранных комиссий возбуждались различные ходатайства перед правительством. В 1895 г., например, ходатайство о привлечении владельцев к борьбе с монашёнкой в их лесах, в 1904 г. — об учреждении правительственной охраны лесов от пожаров. Обсуждению только этого вопроса было посвящено 10 заседаний (в 1897, 1896, 1899 и 1904 гг.). Ходатайства эти, как и ряд других, оказались безрезультатными.

В 1885 г. общество возбудило ходатайство перед министром государственных имуществ о содействии устройству древесных питомников при народных школах. Министерство сочло важным ассигновать на это несомненно полезное дело только 300 руб. Не бóльшую заботу о процветании общества проявляли лесовладельцы.

Членами-учредителями Московского лесного общества записалось 120 человек, в числе которых находились крупные русские лесовладельцы, представители земельных банков, промышленных товариществ. Ниже приводятся несколько примеров, характеризующих, как они помогали своему обществу.

В 1884 г. совет общества сделал попытку создать особый фонд на издание популярных брошюр по лесоводству. К 1 января, 1885 г. собрано было всего 55 руб., в 1894 г. поступило пожертвование в 100 руб., дальнейших поступлений не было. В 1888 г. была избрана комиссия для сбора и разработки сведений о доходности лесов, но за отсутствием средств эта работа не была осуществлена.

В 1889 г. И. И. Шаховским возбужден был вопрос о сборе лесостатистических данных по Московской губернии, причем Шаховской соглашался принять на свой счет расходы по печатанию и рассылке бланков. Для разработки способов проведения обследований была избрана комиссия. Выработанная ею программа обследования обсуждалась в 1893 г. на московском губернском земском собрании. Но к этой работе не приступили за отсутствием необходимых материальных средств.

В 1901 г. решено было составить и издать брошюру по древесным насаждениям, для чего была избрана комиссия. Однако и к 1908 г. комиссия ничего не смогла сделать за отсутствием средств.

За 25 лет было проведено 19 лесоводственных экскурсий в лучшие лесные хозяйства, но из отчета за эти годы не видно, какую роль экскурсии сыграли.

В 1908 г. председатель Московского лесного общества Н. С. Нестеров так начал свою юбилейную речь:

«Напрасно было взывать к патриотизму землевладельцев, к великим интересам общего блага, к заботам о будущем России. Печать и общество в 80-х годах настойчиво стали указывать на необходимость издания лесоохранительных законов, так как

з то время еще жива была вера, что административными действиями можно насаждать начала доброго хозяйства в стране.

В виду повального расхищения природных богатств земли настоятельно требовалось объединение разрозненных сил, направленных к лесосбережению, к пробуждению общего сознания необходимости и важности разумного лесного пользования...». В этом вступлении чувствуется некоторая разочарованность, безверие. Заканчивал Нестеров свою речь так:

«В пробуждении любви к древесному растению и сознании пользы леса лежит самый верный и единственный залог к сбережению и развитию разумного лесного пользования... Будем же горячо надеяться, что та великая сила единения, которая положена в основу московского лесного общества, создаст из него, наконец, могучую организацию, которая будет авторитетным выразителем русской лесохозяйственной деятельности и важным двигателем жизни в этой области».

События 1905 г. мало повлияли на деятельность московского лесного общества. Так же, как и в предыдущие годы, отдельные члены общества помогали создавать при школах питомники, так же делали сообщения на разнообразные темы: «О семяношении сосны в связи с возобновлением ее» и «О духовно-эстетических задачах лесоводства», «О влиянии веса желудей на развитие семян дуба» и «Об определении возраста дерева по листьям».

В 1917 г. заслушивались доклады: «Ближайшие задачи лесного хозяйства в связи с переживаемым моментом», «Лесное хозяйство — общественное хозяйство». Делегатам на Всероссийский съезд лесоводов и лесных техников Московским лесным обществом была дана директива настаивать на исключении общеполитических вопросов из программы Всероссийского союза лесоводов.

Московское лесное общество не стало могучей организацией, способствующей развитию лесного хозяйства, как мечтал об этом Н. С. Нестеров. Не стало потому, что, по собственному признанию Нестерова, «напрасно было взывать к патриотизму владельцев» и к заботам царского правительства о настоящем и будущем России.

Мечты председателей Московского лесного общества М. К. Турского и Н. С. Нестерова, как и учредителей Лесного общества в Петербурге Н. М. Зобова, А. Ф. Рудзкого и других о плодотворном единении лесничих с лесовладельцами и лесопромышленниками оказались утопическими.

ДРУГИЕ ЛЕСНЫЕ ОБЩЕСТВА В РОССИИ

В 1861 г. было учреждено Общество балтийских лесных хозяев, а в 1893 г. открыто Общество содействия облесению Екатеринославской губернии, которое ставило задачей разведение, возобновление и сохранение «лесов и всяких древесных насаждений».

В 1899 г. организовалось Уральское общество друзей леса, целью которого было содействовать разведению лесов и садов, а также охранять их в Уральской губернии.

В 1916 г. организовалось Приморское лесное общество. В Приморской области площадь казенных лесов, не считая частновладельческих, превышала 22 млн. десятин, эксплуатация их носила хищнический характер, лесоохранительный закон на эти леса не распространялся и они не были изучены, поэтому общество ставило перед собой такие задачи: изучение лесов, их охранение, а также развитие лесного хозяйства и промышленности.

Дать историю названных обществ — задача ближайшего будущего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История возникновения, развитие и деятельность лесных обществ в дореволюционной России определялись их составом, задачами, путями разрешения этих задач и личными качествами руководителей. Плодотворность деятельности обществ зависит от социально-экономических условий. Какова же в общих чертах была историческая обстановка при формировании лесных обществ и развитии их деятельности?

Для второй половины XVIII и начала XIX столетий характерны бесхозяйственность в казенных и хищническое ведение хозяйства в помещичьих лесах. Только в редких случаях мелкие помещики вели правильное лесное хозяйство, сохраняя унаследованные леса и закладывая новые, руководствуясь не только личными, но и общественными и государственными интересами.

Повышение спроса на лес и лесные материалы вследствие роста населения, числа городов, заводов и фабрик способствовало массовому истреблению лесов, особенно вблизи сплавных рек, по которым можно было транспортировать древесину в безлесные места и на внешний рынок.

Менее интенсивно развивался разрушительный процесс в лесах, отдаленных от сплавных рек. Не представляя ценности как источник крупного дохода, такие лесные площади превращались постепенно в пашни и луга, дававшие хотя и небольшой, но почти постоянный доход при наличии бесплатной рабочей силы в условиях крепостного права.

Правительство Екатерины II, защищая интересы крепостников-помещиков, издало в 1772 г. указ, который давал право рубить даже заповедные леса.

В условиях эгоистического отношения лесовладельцев к лесному хозяйству, отсутствия лиц, обладающих знаниями лесного дела, беспросветной темноты крестьянских масс было организовано Общество для поощрения лесного хозяйства — искусственная организация, созданная по воле министра финансов Е. Ф. Канкрин и не имевшая опоры в современном ей русском обществе. Такая организация не могла стать центром объединения значительного круга лиц, преданных лесному делу.

Печатный орган общества — «Лесной журнал» за отсутствием сотрудников, знающих русское лесное хозяйство, обслуживался лицами, воспитанными в немецкой лесной академии, заполнялся в основном переводными статьями и не давал ответов на конкретные вопросы современности.

Обязанное своим возникновением Канкрину, постоянно опекаемое им Общество для поощрения лесного хозяйства функционировало лишь при жизни министра финансов. С его смертью в 1845 г. общество начало отмирать.

С годами росло число лиц, получивших высшее лесное образование, росла потребность в обмене мыслями, единении. В 1855 г. делается попытка возродить «Лесной журнал», и группа молодых лесоводов (Н. В. Шелгунов, Ф. К. Арнольд, Н. М. Зобов, А. Ф. Рудзкий и др.), будущих учредителей «Лесного общества» в Петербурге, начинает издавать «Газету лесоводства и охоты». В ней не было и следа антиправительственной пропаганды. Но в годы безудержной реакции даже такая безобидная газета оказалась неприемлемой для полицейской цензуры и в 1858 г. прекратила свое существование.

Реформа 1861 г., освободившая крестьян, которых можно было использовать в развивающейся промышленности, рост городов, увеличение числа заводов и фабрик, постройка железных дорог повысили спрос на древесину, что способствовало массовому истреблению лесов. С расширением внутреннего и внешнего рынка сбыта лесных материалов из среды крестьян и купцов начинают выделяться кулаки, так называемые лесопромышленники, использующие стремление помещиков продать леса часто на любых условиях. Леса не только истреблялись, но на их месте из-за пастбы скота создавались условия, препятствующие возобновлению лесов.

К этому общественному бедствию не могла оставаться равнодушной группа высококвалифицированных прогрессивно настроенных лесоводов Петербурга. Ей принадлежала инициатива создания Лесного общества, объединившего преподавателей Петербургского лесного института и чиновников Лесного департамента, а также наиболее прогрессивную часть лесничих на местах. Но руководители Лесного общества были оторваны от большинства лесничих периферии и не сумели найти с ними общий язык. Неоднородное по настроениям общество не могло создать определенное направление в своей деятельности и в издаваемом «Лесном журнале».

Характерным надо считать стремление руководства Лесного общества не касаться вопросов общегосударственной политики и экономики, нежелание понять, что лесное хозяйство — это только часть общего государственного и частного хозяйства, что нельзя строить лесное дело в отрыве от всей экономики, от социально-экономических условий, что в эпоху разваливающегося феодализма нельзя задержать развитие капитализма и всего, что

с ним связано. Вот причины, определившие слабую эффективность той большой работы, которую проводило и стремилось проводить Лесное общество.

Выявление язв в лесном деле, анализ естественноисторических факторов, способствующих росту и развитию леса в разных почвенно-климатических зонах, и причин задержки этого процесса, борьба за создание высших лесных школ и за поднятие уровня преподавания в них, за облесение степей, за лесное дело в целом — вот те, несомненно, большие заслуги Лесного общества в Петербурге, а затем и Московского лесного общества.

Почти полная бесплодность пропаганды идеи сохранения, сбережения и выращивания лесов — неизбежное следствие господствовавшей в то время феодально-капиталистической системы. Ничем не ограниченное право частных лесовладельцев распоряжаться лесами, потворство правительства эгоистическим интересам их, фискальная политика в отношении казенных лесов и бюрократизм не могли способствовать внедрению системы правильного лесного хозяйства. Реакционная политика правительства превращала всякое благое решение в мертвую букву, побуждала лучшую часть лесничих замыкаться в узкий круг профессиональных интересов.

После Великой Октябрьской социалистической революции земля стала социалистической собственностью — так покончено было с земельным голодом. Национализированные леса начали использоваться в интересах народа, а не частных лиц. Резко возросло число высших лесных школ и количество учащихся в них. Развернулась большая научно-исследовательская работа в области лесных наук, на больших площадях производятся посевы и посадки леса. И в настоящее время часто лесничие стремятся разрешить те задачи, которые ставились десятки лет тому назад, но ищут новые пути к достижению этих задач, не всегда используя ценный опыт прошлого. Следующие примеры иллюстрируют это утверждение.

В содержательной статье «Сведения о лесоразведении в южном крае России», напечатанной в «Лесном журнале» за 1847 г. — ровно сто лет до начала преобразования природы степей и полупустынь, на основании неопровержимых данных утверждалось, что «посев семян без надлежащего приготовления и оставление плантаций без тщательного за ними в течение нескольких лет ухода составляет только напрасную трату семян, времени, трудов и издержек». Учтено ли это было в 1948 и 1949 гг., учитывается ли это везде и сейчас?

Ведущими породами в отдельных почвенно-климатических зонах европейской части России в течение столетий считались дуб, сосна, ель. Доказана наследственная передача основных качеств отдельных деревьев этих пород. Еще в 1766 г. А. Т. Болотов рекомендовал «жолуди збирать с таких дубов..., которые от природы растут высоко и прямо и лучше прочих». Из инструкции

1830 г., изданной министром финансов Е. Ф. Канкрином, известно, что «лесничим вменяется в неперемнную обязанность приучить лесную стражу к собиранию хороших семян». В. Т. Собичевский в 1861 г. писал: «При выборе семян для посевов обыкновенно испытывают только их всхожесть и относятся безразлично к величине семян и качествам деревьев, с которых собраны семена, между тем есть основание полагать, что то и другое обнаруживает весьма важное влияние на развитие и качества деревьев, происходящих из этих семян».

Ежегодно в наше время высевается неизмеримо большее количество семян, чем во времена Болотова, Канкрин, Собичевского, но по качеству они не всегда удовлетворяют перечисленным требованиям.

П. И. Жудра в 1896 г. считал требующим дальнейшего изучения вопрос, «какими физическими и техническими свойствами обладает древесина, образовавшаяся под влиянием канализации, насколько эта древесина лучше нормальной и пригодны ли вообще эти быстро улучшившиеся в своем росте деревья к употреблению в качестве строительного и поделочного материала». Осушены и осушаются огромные площади болот, все больше и больше дифференцируются сортаменты древесины применительно к специфическим требованиям лесной промышленности, а ответ на вопрос, поставленный П. И. Жудрой 60 лет назад, еще не получен.

Что мешает нашему лесничему быть вполне лесным хозяином? Учредители Лесного общества еще в 1870 г. считали, что разрешение этого вопроса имеет первостепенную важность. П. И. Жудра в 1875 г. считал, что помочь делу может лишь замена документального контроля фактическим. Проходили годы, а вопрос о форме контроля не получал должного разрешения. В 1929 г. М. Е. Ткаченко писал: «Наши лесные специалисты должны получить в свое обслуживание меньшие площади леса, чем они имеют теперь. Должен быть вновь поставлен, и, наконец, решен будто заколдованный вопрос об уменьшении канцелярской работы в лесничествах...».

Сейчас в Советском Союзе имеются в достаточном количестве высшие лесные школы и научно-исследовательские институты лесного хозяйства, ежегодно подготавливаются сотни молодых лесоводов, а лесничий еще не стал полным хозяином леса, с излишествами в документальном контроле до сих пор не покончено.

Исключительный интерес представляет сейчас вопрос о лесных полосах на целинных землях. В полемике со степным лесничим Ф. Тихоновым о причинах засорения насаждений при степном лесоразведении профессор почвоведения П. А. Костычев в 1888 г. писал: «Целина дает возможность при незначительных сравнительно затратах получать верные урожаи наиболее ценных растений — льна, проса и твердых пород пшеницы; земля

эта настолько сильна и настолько свободна от сорных трав, что в первые четыре года дает четыре урожая при двухкратной только пахоте (через год). После четырех-пятилетнего пользования свойства целины существенно изменяются: земля теряет особенное, присущее только целине, строение; она лишается массы азотистых веществ вследствие перегнивания дерна; вещества эти отчасти извлекаются растениями, а отчасти выщелачиваются водою после превращения их в азотную кислоту; наконец, земля забивается сорными травами. При уменьшенном плодородии она тогда требует несравненно более тщательной обработки, без чего урожаи сильно страдают от сорных трав». Помнят ли об этих предостережениях Костычева советские лесоводы?

На недостаточно высоком уровне в «Лесном журнале» был раздел «Библиография». А можно ли похвалиться, что в современных лесных журналах, трудах лесных институтов и академий эти разделы на большей высоте?

В течение десятков лет ставился вопрос о путях и средствах распространения знаний по лесному делу, возбуждения интереса, любви к лесу среди детей. Еще 80 лет назад В. Т. Собичевский представил Лесному обществу проект использования учителей начальных школ в деле распространения знаний о лесе. И сейчас этот вопрос ставится в периодической печати. Но кто знает о применимом и в наше время проекте, разработанном В. Т. Собичевским?

«Посещение образцовых имений,— писал в 1851 г. Г. Н. Анненков,— составляет лучшее средство к усвоению разных приемов хозяйства» и мотивировал свое утверждение следующим образом: «Самые подробные курсы и самые отчетливые описания не могут содержать полного списка всех распоряжений или представлять полную картину производства. В сочинениях общих многие частности легко ускользают от изложения или потому, что они случайны и различны для каждой местности, или потому, что они не важны; в практическом же деле они иногда затрудняют самого ревностного хозяина и даже препятствуют успешному ходу работ. Общим приемам возможно научиться теоретически; полный же ход действия узнается из практики». Эти мысли — не общие рассуждения. К ним преподаватель Анненков пришел в результате детального ознакомления с постановкой лесного хозяйства в селе Моховом, которое в старину считали «Меккой для лесоводов».

Более ста лет после напечатания статьи Анненкова Х. М. Исаченко в 1957 г. писал: «Изучение лесных культур Моховского лесхоза, произведенных после 1917 г., показало, что создатели нередко игнорировали накопленный опыт... Наименее удачные культуры относятся к периоду 1933—1935 гг. В этот период техника производства культур была сильно упрощена, примененные схемы смешения были случайными, непродуманными и шли

в разрез с теми приемами, которые были выработаны в результате векового опыта. Все это привело к большому отпаду в культурах на отдельных площадях. Наоборот, там, где был учтен этот опыт, культуры отличаются высоким ростом и хорошими качествами». Возникает вопрос, достаточно ли знакомятся студенты высших лесных школ и лесных техникумов с постановкой работ в образцовых лесничествах и на опытных лесных станциях?

Приведенные примеры иллюстрируют, что в опыте прошлых лет много ценного и поучительного. Только вдумчивый анализ этого опыта поможет избежать ошибок прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреевский, Замечания о лесоводстве и о необходимости разведения лесов в южных губерниях России, «Лесной журнал», 1834, вып. I, кн. II.
- Анненков Г. Н., Лесоводство в селе Моховом, заведываемом Ф. Майером, «Лесной журнал», 1851, вып. 1—2.
- Арнольд Ф. К., Отчет по лесному управлению министерства государственных имуществ за 1881 г., «Лесной журнал», 1884, вып. 10.
- Арнольд Ф. К., История лесоводства во Франции, Германии и России, СПб., 1895.
- Арнольд Ф. К., Русский лес, т. I, СПб., 1903.
- Бабст И., Статистика и география России и смежных стран Азии, журн. «Русский вестник», 1857, февраль.
- Барк Л. Г., Степное лесоразведение в Екатеринославской губернии, «Лесной журнал», 1873, вып. 5.
- Бейлин И. Г., Георгий Федорович Морозов, выдающийся лесовод и географ, М. изд. АН СССР, 1954.
- Бех С., К вопросу об организации мелочных отпусков леса из дач ведомства министерства государственных имуществ, «Лесной журнал», 1888, вып. 4.
- Блюменталь Ю. Н., Несколько слов по поводу статей Гельте и Неманни, «Газета лесоводства и охоты», 1858, № 3 и 10.
- Болотов А. Т., О рублении, поправлении и заведении лесов, «Труды вольного экономического общества», вып. IV и V, СПб., 1766.
- Бородаевский П., Деркульское лесничество, «Лесной журнал», 1901, вып. 6.
- Бульмеринг А., Указания для определения ценности лесов Европейской России по действительной их стоимости, «Лесной журнал», 1840, № 20, стр. 157—158.
- Бурбацкий П., Заметка о лесных культурах в погонном Лосином острове, «Газета лесоводства и охоты», 1858, № 3.
- Васильчиков В. В., Чернозем и его будущность, журн. «Отечественные записки», 1876, XXIV.
- Вереха П. Н., К истории лесоустройства в казенных лесах России, «Лесной журнал», 1904, вып. 5.
- Высоцкий Г. Н., Поездка в Донское лесничество, «Лесной журнал», 1900, вып. 3.
- Высоцкий Г. Н., О научных исследованиях, касающихся условий степного лесоразведения, «Лесной журнал», 1901, вып. 2.
- Высоцкий Г. Н., О путеводной идейности в нашей аграрной политике и в российском лесовладении, «Лесной журнал», 1906, вып. 2 и 3.
- Высоцкий Г. Н., Об учреждении лесоводных станций, «Лесной журнал», 1913, вып. 3 и 4.
- Гельт Б. Б., Несколько практических замечаний о естественном возобновлении лесов в южной части Петербургской губернии, «Газета лесоводства и охоты», 1858, № 1.

Генко Н. К., К статистике лесов Европейской России, Приложение к «Лесному журналу» за 1888 г., стр. 39.

Г., Несколько слов по поводу лесоохранительного закона, «Лесной журнал», 1889, вып. 2.

Дивов П., Краткое руководство к сбережению и поправлению лесов в Российском государстве, СПб., 1809.

Жудра П. И., Несколько слов о современном положении лесничего, «Лесной журнал», 1872, вып. 3.

Жудра П. И., Кое-что о новой лесной страже в государственных лесах, «Лесной журнал», 1872, вып. 5.

Жудра П. И., Вопросы дня, «Лесной журнал», 1875, вып. 4 и 6.

Жудра П. И., По вопросу о производстве лесных работ, «Лесной журнал», 1879, вып. 1.

Жудра П. И., Воспоминание о Лесном институте кадета предпоследнего курса, «Лесной журнал», 1888, вып. 4.

Жудра П. И., Об осушительных работах в центральных губерниях и о влиянии канализации на лесную растительность, «Лесной журнал», 1896, вып. 1.

Журнал министерства государственных имуществ, О сельском хозяйстве в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерниях, 1844, ч. III.

Зайцев Д. М., Нужен ли России лесоохранительный закон?, СПб, 1911.

Записки комитета лесоводства, О питомнике Ф. Х. Майера Тульской губернии Новосильского уезда в с. Моховое И. Н. Шатилова, М, 1857, т. I.

Зобов Н. М., Из дневника лесничего, «Газета лесоводства и охоты», 1858, № 17.

Зобов Н. М., По поводу отчета о казенных лесах, журн. «Сельское хозяйство и лесоводство», 1869, март.

Зябловский Е. Ф., Начальные основания лесоводства, СПб, 1804.

Извлечение из трудов Высочайше утвержденной 26 мая 1872 г. комиссии для исследования нынешнего сельского хозяйства и сельской производительности в России, «Лесной журнал», 1879, вып. I, стр. 17.

Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского по правилам лесной науки и доброго хозяйства, изд. Министерства финансов, СПб, 1830.

Исаченко Х. М., Опыт лесоразведения в Центральных областях европейской части СССР, Гослесбумиздат, М., 1957.

Кайгородов Д. Н., Лесоводственная экскурсия в Бемервальд, «Лесной журнал», 1875, вып. 4 и 5.

Кнорре П., Несколько слов по поводу вопроса о мерах к развитию лесного хозяйства в России, «Лесной журнал», 1874, вып. 5.

Ковальский, Сведения о лесах в Гродненской губернии, «Лесной журнал», 1836, вып. 1.

Костычев П. А., К вопросу о лесном разведении, «Лесной журнал», 1888, вып. 2.

Кох П., Краткие замечания о начале и успехе лесного управления в России, особливо по Московской области. Труды Вольного экономического общества, вып. XI, СПб, 1809, стр. 30.

Кравчинский Д. М., Заметка по поводу организации практических занятий в лесных школах, письмо в редакцию, «Лесной журнал», 1887, вып. I, стр. 105.

Краткое обозрение действий «Общества для поощрения лесного хозяйства» со времени учреждения оногo в 1833 г., «Лесной журнал», 1843, вып. I.

Леман И. Г., Мнение о лесах. Труды Вольного экономического общества, вып. III, СПб, 1766, стр. 139.

Леман И. Г., О лучшем жжении из дров угля. Труды Вольного экономического общества, вып. IV, СПб, 1766.

Ломиковский В. Я., Разведение леса в сельце Трудолюбe, СПб, 1837.

- Матые, Закон естественного отбора в природе, «Лесной журнал», 1913, вып. 1—2.
- Морозов Г. Ф., Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук, СПб, 1901, т. V, стр. 317.
- Морозов Г. Ф., Ответное письмо редактора, «Лесной журнал», 1905, вып. 7.
- Морозов Г. Ф., Дарвинизм и лесоводство, «Лесной журнал», 1913, вып. 1—2.
- Морозов Г. Ф., К вопросу о Всероссийском съезде лесоводов, «Лесной журнал», 1917, вып. 1—3.
- Мошков П. С., Германский закон о страховании рабочих от несчастных случаев и условия применения его для страхования лесных рабочих в России, «Лесной журнал», 1905, вып. 6 и 7.
- Нартов А. А., О посеве леса. Труды Вольного экономического общества, СПб, 1765.
- Неизвестный автор, Что разумеется под именем рационального лесного хозяйства, «Лесной журнал», 1851, вып. 1 и 2.
- Неманни О., По поводу статьи Гельта, «Газета лесоводства и охоты», 1858, № 1.
- Нестеров Н. С., Извлечение из доклада автора в заседании Московского лесного общества 1 октября 1908 г. к 25-летию общества, журн. «Лесо-промышленный вестник», 1908, № 41.
- Обзор Управления государственными имуществами за последние 25 лет с 19 февраля 1855 по 19 февраля 1880 г., СПб, 1888.
- Обзор деятельности министерства императорского двора и уделов за время царствования Александра III (1881—1894 гг.), СПб, 1896.
- Орлов М. М., Исторический очерк искусственного лесовозращения в России. Записки Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства, т. 9, вып. 2, 1895, стр. 27.
- Орлов М. М., Проект организации лесного опытного дела в России, «Лесной журнал», 1896, вып. 3.
- Орлов М. М., Проект организации лесного опытного дела в России, «Лесной журнал», 1900, вып. 5.
- Орлов М. М., Нужды русского лесного хозяйства, СПб, 1906.
- Орлов М. М., Очерки по организации лесного опытного дела в России, СПб, 1915.
- Отчет Лесного общества за 1837 год, «Лесной журнал», 1838, № 6.
- Ошман Г., Сведения о лесах Новгородской губернии, «Лесной журнал», 1838, вып. 5.
- Павлович Б. Ф., По поводу заметки бывшего таксатора, «Лесной журнал», 1877, вып. 6.
- Павлович Б. Ф., Иностранные законы о сбережении и охранении лесов частных и общественных, «Лесной журнал», 1888, вып. 6.
- Панов, Взгляд на леса Лукьяновского уезда Нижегородской губернии, «Лесной журнал», 1843, вып. 2.
- Полонский Ф., Вятские каповые изделия, «Лесной журнал», 1875, вып. 5.
- Радциг А. А., Лес и лесное хозяйство в разных государствах, СПб, 1903.
- Распоряжение Лесного департамента об открытии низших лесных школ, «Лесной журнал», 1888, вып. 3.
- Рудзкий А. Ф., Лесные беседы для русских лесовладельцев и лесничих, СПб, 1881.
- Рудзкий А. Ф., Рецензия на книгу «Лесоохранение» П. В. Баранецкого, «Лесной журнал», 1881, вып. 8.
- Рудзкий А. Ф., Руководство к устройству русских лесов, СПб., 1888.
- Рудзкий А. Ф., Лесные беседы, СПб., 1894.
- Русов А. А., Описание Черниговской губернии, Чернигов, 1898.
- Русский биографический словарь, СПб., 1905.

Русская лесохозяйственная летопись за 1884 г., «Лесной журнал», 1885, вып. 2.

Рычков П. И., О сбережении и размножении лесов. Труды Вольного экономического общества, вып. IV, СПб., 1767.

Собичевский В. Т., Обзорение по лесоводству, журн. «Русское сельское хозяйство», 1869, т. 1.

Собичевский В. Т., Современное состояние растительной патологии лесных деревьев и значение растительных паразитов-грибков при возвращении леса, «Лесной журнал», 1875, вып. 4—6.

Собичевский В. Т., К вопросу об устройстве в России опытных лесных станций, «Лесной журнал», 1876, вып. 5.

Стычинский, Уманское лесничество Киевской губернии, «Лесной журнал», 1880, вып. 10.

Сухов А. Л., Очерк современного состояния вопроса о наследственности, «Лесной журнал», 1916, вып. 6.

Теплоухов А. Е. Леса и лесоводство Шварцвальдских гор, «Лесной журнал», 1840, вып. 1, кн. 1 и 2.

Теплоухов А. Е., Замечания и наблюдения, произведенные при ведении правильного лесного хозяйства в имении Новгородской губернии Марьино, принадлежащем графине С. В. Строгановой, «Лесной журнал», 1842, вып. 1, кн. 1.

Теплоухов А. Е., О разделении почвы на классы производительности, «Лесной журнал», 1842, вып. 9.

Теплоухов А. Е., О новом способе сдки дегтя в печах с цилиндрами, «Лесной журнал», 1847, вып. 19.

Теплоухов А. Е., Устройство лесов в помещичьих усадьбах, СПб., 1848, стр. 180.

Теплоухов А. Е., О пользе и вреде уборки вершинника, хвороста и другого сора в лесах, «Лесной журнал», 1850, вып. 2 и 3.

Теплоухов А. Е., Исторический взгляд на лесохозяйство в Пермском нераздельном имении графини С. В. Строгановой, Пермь, 1881.

Теплоухов Ф. А., Лесной отдел на Московской политехнической выставке, «Лесной журнал», 1872, вып. 5 и 6.

Ткаченко М. Е., Возникновение и распространение лесохозяйственных идей, Гослестехиздат, М., 1929.

Треймут Ф., Выгодно ли лесовладельцу лесной местности беречь свои леса, вести правильное лесное хозяйство? Труды Вольного экономического общества, СПб., 1871, т. III, вып. 2.

Тюрмер К. Ф., Пятьдесят лет лесохозяйственной практики, М., 1891.

Устав Московского лесного общества, «Лесной журнал», 1889, вып. 4.

Фаас В., По поводу доклада проф. М. М. Орлова «Запросы жизни к современному лесному хозяйству России», «Лесной журнал», 1906, вып. 1.

Фальк, О здешних деревьях и кустах, которые годны в садах к аллеям и шпалерам. Труды Вольного экономического общества, вып. II, СПб., 1766.

Фишер Ф. Б., О возрасте и долговечности дерев, «Лесной журнал», 1833, вып. 1.

Фольмар Георг, Современное состояние вопроса о лесоохранении, «Лесной журнал», 1907, вып. 4.

Ходнев А., Лесное хозяйство в Ростовском уезде Ярославской губернии, «Лесной журнал», 1889, вып. 4.

Цветков М. А., Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г., М., изд. АН СССР, 1957.

Шелгунов Н. В., Из Пруссии, «Газета лесоводства и охоты», 1858, № 28, 34—36, 38, 40, 41, 43, 50—52.

Шелгунов Н. В., Из Франции, «Газета лесоводства и охоты», 1858, № 28, 34—36, 38, 40, 41.

Шелгунов Н. В., Из Швеции, «Газета лесоводства и охоты», 1858, № 44—47.

Шенрок Э. И., Взгляд на лесоустроительные работы в государственных лесах по данным отчетов Лесного управления за 1866—1869 гг., «Лесной журнал», 1872, вып. 6.

Шилкин Д. С., Лесное хозяйство. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России, СПб., 1904.

Шилов Д. И., Курс лесного законодательства Г. Романовского, «Лесной журнал», 1881, вып. 8.

Штурм В. Н., Лес и землеустройство, «Лесной журнал», 1906, вып. 1.

Энгельгардт А. Н., Письма из деревни, СПб., 1885.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	5
Лесное хозяйство и лесная наука в конце XVIII и начале XIX столетия	9
Роль Е. Ф. Канкрин в развитии лесного хозяйства	22
Общество для поощрения лесного хозяйства	28
«Лесной журнал» в период 1833—1851 гг.	36
«Газета лесоводства и охоты» в период 1855—1858 гг.	44
Лесное хозяйство и лесные школы в 30—90 годы XIX столетия	47
Лесное хозяйство	47
Лесные школы	52
Лесной институт	54
Состав и квалификация лесничих	57
Лесное хозяйство в пореформенный период	60
Лесоустройство	69
Естественное и искусственное лесовозобновление	71
Управление лесами	73
Доходы и расходы лесного управления	77
Крестьянская реформа и лесоистребление	79
Петербургское лесное общество	81
История возникновения	81
Состав общества	82
Деятельность общества	89
Всероссийские съезды лесовладельцев и лесохозяев	92
Опыты, исследования, выставки	96
«Лесной журнал» в период 1871—1905 гг.	102
Лесное общество и лесные науки	111
Лесоохранительный закон	122
Лесное общество и революция 1905 г.	128
Лесной журнал под редакцией Г. Ф. Морозова (1905—1918 гг.)	134
Московское лесное общество	140
Другие лесные общества в России	146
Заключение	147
Литература	153